

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1984

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), **Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,**
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — **Н. Г. НАДЖАФОВ.**

Технический редактор **Б. А. Абдуллаев.**

Корректоры **А. А. Гусейнова, Л. Г. Гасанзаде.**

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 12.12.1983 г. Подписано к печати 28.3.1984 г. ФГ 0773. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 9605. Тираж 2435. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

ОБ ИНТОНАЦИИ И ФРАЗОВОМ УДАРЕНИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Интонация и фразовое ударение — один из наименее изученных вопросов фонетики тюркских языков. Имеющиеся отдельные исследования не дают цельного представления о всей сложности логико-ритмической и интонационной структуры тюркского предложения и словосочетания, ограничиваясь лишь изложением частных наблюдений над той или иной конкретной группой интонаций без установления общей системы¹.

Интонационная структура высказываний в тюркских языках и фразовое ударение тесно связаны с логической, грамматической и фонетической структурой слова, словосочетания и предложения.

В советском языкознании проблемой интонации и фразового ударения на материале главным образом французского и русского языков занимался Л. В. Щерба. Он установил сложную природу интонации и фразового ударения как силового и в то же время музыкального, рассматривал интонацию и фразовое ударение в связи с анализом ритмической структуры фразы, с членением ее на ритмические части или синтагмы, обладающие в то же время смысловой законченностью. По определению Л. В. Щербы, синтагма — «это фонетическое единство, отражающее единое смысловое целое в процессе речи — мысли, и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их»².

Позже теория синтагм Л. В. Щербы была подвергнута критике В. В. Виноградовым, который, признавая правильную основу учения Л. В. Щербы о фразовом ударении и синтагме, считал, однако, что оно недостаточно развито и уточнено, в частности неясны отношения между смысловой стороной фразы и ритмической ее структурой и т. д.³.

Что же представляет собой интонация и фразовое ударение и каково их отношение к структуре предложения в современных тюркских языках?

По своей структуре предложение в тюркских, как и в других языках, состоит из двух зон: а) зоны подлежащего и б) зоны сказуемого. Каждая зона в свою очередь образуется из синтаксических единств — синтагм, представляющих собой различного рода словосочетания, относящиеся либо к сказуемому, либо к подлежащему. Синтагмы составляют

¹ Ср., например, работы: М. Г. Каскарова и Ж. А. Аралбаева. Об изучении интонации казахского языка; Ж. К. Калиев. К вопросу об интонации повествовательной фразы в казахском языке; Н. У. Туркенбаев. Об интонации вопросительных предложений. — Все в кн.: «Фонетика казахского языка», Алма-Ата, 1969 и др.

² Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1948, стр. 85.

³ В. В. Виноградов. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы. — В кн.: «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1951, стр. 55—58.

так называемые конструктивные члены предложения и при инверсии могут перемещаться, причем позиция их в этом случае независима по отношению к основным членам предложения. Каждая синтагма состоит из определяемого и одного или нескольких определений. Последние не являются конструктивными членами предложения и находятся в тесной зависимости от определяемого.

Для примера приведем фразу на каракалпакском языке⁴: Aradan¹ kör künden ötrej aq|sol qyzdyň atasy|bir džesir qatynça üjle-nipti 'Не прошло с тех пор|много дней,|как отец этой самой девушки|женится на вдове'.

Фраза состоит из трех синтагм; одна относится к зоне подлежащего, а две к зоне сказуемого.

Зоной подлежащего в этой фразе является только синтагма *soi qyzdyň atasy* 'отец этой самой девушки', остальные две синтагмы, таким образом, относятся к зоне сказуемого. Синтагма, составляющая зону подлежащего, как видно из примера, находится между синтагмами, относящимися к сказуемому. При инверсии может изменяться только место каждой синтагмы целиком, а не позиция отдельных слов внутри синтагмы.

В зависимости от характера высказывания, от обращения к тому или иному лицу, от цели общения каждое предложение произносится с определенной логической мелодией или интонацией, которая не только превращает отвлеченное предложение во фразу, в конкретное высказывание, но вместе с тем служит также средством максимальной конкретизации общего содержания, заключенного в данном предложении, преобразуя его в живую речь.

Таким образом, фраза, обладающая интонацией или логической мелодией, всегда выполняет определенную конкретную задачу общения и сочетает в себе единство смыслового содержания и интонационной структуры.

Интонация или логическая мелодия данного высказывания или фразы, независимо от того выражена ли она одним словом, словосочетанием или предложением, может иметь разную структуру и выражать различное отношение говорящего к действительности, быть по-разному эмоционально окрашенной. При этом логическая структура фразы и некоторые формы отношения говорящего к действительности (модальность) выражаются, кроме интонации и логических ударений, также и другими грамматическими (морфологическими) средствами (аффиксами, частицами, модальными словами и т. д.). Что же касается эмоциональной стороны интонации, то она служит как бы вторичной сопутствующей окраской логической стороны фразы.

Таким образом, каждая интонация содержит в себе первичную логико-грамматическую основу и вторичные, сопутствующие ей, интонационные эмоционально-экспрессивные окраски.

К первичным, основным типам логической мелодии интонации относятся: 1) утвердительно-повествовательный; 2) вопросительный; 3) восклицательный; 4) побудительный; каждый из них имеет дополнительные интонации, либо логические категории, выражающие: а) соединение; б) разделение; в) противопоставление; г) перечисление и т. д., либо различного рода модальные отношения (сомнения, вероятности, предположения, намерения, условия, долженствования, желания и т. д.).

Ко вторичным же эмоционально-экспрессивным интонациям относятся интонации выражения радости, горя, печали, злорадства, гнева и т. д.

⁴ Далее все примеры приводятся на каракалпакском языке.

Каждая из этих основных первичных групп интонаций, кроме определенной логической мелодии, выражается обычно и некоторыми языковыми средствами, характерными для каждой из перечисленных логических структур фразы. Эти грамматические средства служат выражению как характера типа фразы (утверждение, вопрос, восклицание, побуждение), так и ее модальной окраски (сомнение, вероятность, предположение, намерение, долженствование, желание и т. д.).

Вторичная же эмоциональная сторона, заключенная во фразе, не нарушая основы перечисленных выше типов фразы, придает основной логической интонации дополнительную экспрессивно-эмоциональную окраску, выражающую такие чувства, как: радость, горе, печаль, самодовольство, пренебрежение, презрение, злорадство, обида, досада, удивление, гнев, нежность и т. д.

Эмоциональные нюансы и экспрессия фразы не имеют, помимо междометий, иных грамматических средств их выражения, и эти вторичные, сопутствующие элементы передаются главным образом интонацией.

Таким образом, каждая фраза по своей интонации (логической мелодике) относится, во-первых, к одному из перечисленных выше четырех основных тонов интонации: 1) утвердительно-повествовательному (законченному или незаконченному); 2) вопросительному; 3) восклицательному; 4) побудительному с соответствующими частными видами логических оттенков и грамматически выраженной модальной окраской и, во-вторых, с теми или иными эмоционально-экспрессивными нюансами. При этом последние, как правило, относятся ко всему контексту, в то время как основная логическая интонация связана с грамматической структурой каждой фразы конкретного высказывания.

Следует отметить, что и основная утвердительно-повествовательная интонация не всегда является постоянной и одинаковой. В зависимости от простоты или сложности смыслового содержания фразы она может быть простой и логически осложненной дополнительными сочинительными и подчинительными частными интонациями, сохраняя при этом свою основу, отличную, например, от логической основы вопросительной, восклицательной или побудительной интонации.

К дополнительным — сочинительным и подчинительным — частным интонациям, как было указано выше, относятся:

а) интонация соединения, например: *sol bajdyñ | bir baltasy | žäne bir qylyşy | qaldy* 'У этого бая | остались топор и меч'. Логическое содержание этого типа фраз, кроме интонации, выражено также союзами *häm* или *žäne*;

б) интонация разделения или выделения, например: *sol dzerde džatpañ || ja ötip | ja kejin¹ džatyn* 'ты тут не ложись, || или пройди | или позади его¹ ночуй'. Интонация эта подкрепляется разделительными союзами *ja, jäki, nä gej de*; ср. *gej de artqa awup || gej de aly qaraq | džyýulaýn* 'то падая свешиваюсь, | то вперед падаю;

в) интонация противопоставления, например: *bir kisi küši meñep emes || bälki öz küšimiz benen | turamys* 'мы живем | не чужими, | но своими собственными силами'; ярким примером характерной интонации противопоставления с логическим выделением противопоставляемых понятий могут служить следующие пословицы: *adam | — tilinen (bajlanady) || mal — šaqpan (bajlanady)* 'человек (привязывается) | за язык (то есть за то, что лишнее болтает), || а скот (привязывается) | за рога (то есть за то, что бодает)'; или *ölenli dzerde | ögiz semiredi || ölimli dzerde | mol-la semiredi* 'в местности, изобилующей травой', | бык жиреет, || а в местности, где много умирают, | мулла жиреет' и т. д.

Мелодия интонации противопоставления сложнее предыдущих. Здесь первые из противопоставляемых слов *tilinen* 'за язык' в первом примере и *ögiz* 'бык' во втором — имеют более высокий тон, сохраняемый и для последующих сказуемых *bajlanady* и *semiredi*, чем вторые противопоставляемые слова *şaqupan* 'за рога' и *molla* 'мулла', имеющие характерную понижающуюся интонацию с полным падением тона вниз в последующих сказуемых;

г) интонация условия, например: *eger de mende¹ yxtyjaŋ bolsa || keter edim* 'если бы была моя воля, || я ушел бы' и т. д.

Характерным и обычным движением музыкального тона в логической мелодии утвердительно-повествовательного предложения является повышение тона при развитии мысли и понижение его при завершении последней.

Особенно многочисленны эмоционально-экспрессивные оттенки интонаций вопроса, восклицания и побуждения. Так, в тюркских языках вопросительное предложение с грамматическим выражением вопроса посредством особой вопросительной частицы, кроме основной вопросительной интонации, может выражать ее различные эмоционально-экспрессивные оттенки: предупреждение, предостережение, удивление, досаду, обиду, злорадство, презрение, пренебрежение и т. д.

Во фразе с вопросительной интонацией высокий тон мелодии падает на логически ударяемое слово, заключающее в себе смысл вопроса, и этот высокий тон сохраняется до конца фразы, например, *Bügün keldiñ be?* 'Вы сегодня приехали?' В данном вопросительном предложении мелодия обрывается на высоком тоне, так как вопросительное предложение не представляет собой законченной мысли и требует утверждения — ответа, являющегося завершением мысли и имеющего характерное понижение тона в конце: *Awa | bügün keldim* 'Да, | я приехал сегодня'. В вопросительных предложениях без вопросительной частицы, где вопрос заключен в вопросительном местоимении, например, *Sen bügün qaşan keldiñ?* 'Ты сегодня когда пришел?', высокий тон фразовой мелодии приходится обычно на вопросительное местоимение, в данном случае на слово *qaşan* 'когда'.

Восклицательное предложение с морфологическим выражением восклицания посредством инверсии или лексических средств (междометий), кроме основной восклицательной интонации, в экспрессивно-эмоциональном аспекте может выражать те же оттенки: предупреждение, предостережение, удивление, досаду и т. д.

В восклицательном предложении, например, *Džasasyn birinşi maj!* 'Да здравствует Первое мая!' мысль является законченной, логическая мелодия приходится на центральное, логически выделенное слово *Džasasyn* и хотя и направляется потом вниз, но остается все же на более высоком уровне, чем в обычных утвердительно-повествовательных предложениях.

Побудительное предложение с грамматическим выражением побуждения в виде специальных форм сказуемого, которые сами по себе имеют много оттенков значения и выражают вместе с соответствующей интонацией: увещание, просьбу, поучение, приказание, угрозу и т. д., кроме основной побудительной интонации во всем ее многообразии может выражать те же различные эмоционально-экспрессивные оттенки: досады, злорадства, радости и т. д., ср., например, фразу, выражающую в эмоциональном плане увещание и поучение: *Bala m | sağan qıysıq döl siltejin | düzüw döl siltejin || — dedi*. 'она сказала: || сынок мой, | я тебя не направляю по обходной дороге, | а направляю по прямому пути'.

В зависимости от структуры и характера интонации каждое выска-

зывание имеет одно или несколько логических ударений, из которых главное фразовое ударение выделяет и подчеркивает в предложении основное по смыслу слово. Второстепенные же фразовые ударения, кроме логического выделения важных в смысловом отношении слов, выполняют также вместе с логическими паузами разграничительную функцию, то есть отделяют одну ритмическую группу слов от другой. Второстепенные ударения вместе с главным логическим ударением составляют как бы одну систему. Они подчиняются главному ударению, как вершине, как кульминационному пункту логической мелодии. Будучи подчинены закону центристственности, второстепенные ударения имеют разную логическую значимость и как бы подготавливают выражение главной мысли, заключенной в данном предложении.

Так, например, в предложениях: *buḡuḡu zamanda | bir qaḡḡu baḡ eken* 'в прежние времена жил-был некий старик'; *töḡajlaḡa duzaq salp aḡ awlap dźüred! eken* 'он занимался охотой, | ставя в лесу капканы' — главные фразовые ударения падают на логически выделяющиеся слова: *qaḡḡu* в первом предложении и *aḡ awlap* — во втором; второстепенные фразовые ударения падают на слова *zamanda* и *duzaq*, которые делят каждое предложение на две группы слов, разделенные, кроме того, и полными паузами. Оба предложения имеют примерно одинаковую логическую мелодию, характерную для повествовательных предложений.

Все перечисленные выше основные логические интонации, как это видно из примеров, носят своеобразный национальный характер, специфический для каждого языка, особенно в тех случаях, когда та или иная интонация сопровождается специальными морфологическими показателями.

Иной характер носят дополнительные, второстепенные интонационные оттенки, связанные со вторичной эмоционально-экспрессивной окраской. Они в меньшей степени, а в большинстве случаев только частично зависят от специфики языка и поэтому понятны не только носителям данного языка, но и тем, кто не знает его. Эти второстепенные оттенки являются универсальными, поскольку выражают общие для всех людей эмоции: гнев, радость, угрозу, страх и т. д.

Итак, образуются как бы два интонационных плана: логический и экспрессивно-эмоциональный, имеющие сложную мелодическую структуру, одновременно выражающую и соответствующую основной логический тип фразы, и ее эмоционально-экспрессивную окраску.

Наконец, общий мелодический рисунок каждой фразы зависит также от распределения главного и второстепенных логических ударений, то есть логического выделения того или иного тона предложения в данном высказывании. Так, во фразе: *Büḡün | sen! awylḡa bardyḡ ba?* 'Сегодня ты ездил ли в аул?' основная логическая интонация — вопрошительная. Сопутствующая эмоционально-экспрессивная окраска — удивление — интонационно может быть выражена по-разному, в зависимости от того, на какой из членов предложения падает логическое ударение на *büḡün* 'сегодня', *sen* 'ты', *awylḡa* 'в аул' или *bardyḡ ba* 'ездил ли', а именно:

- 1) *Büḡün sen awylḡa bardyḡ ba?*
- 2) *Sen awylḡa büḡün bardyḡ ba?*
- 3) *Büḡün awylḡa sen bardyḡ ba?*
- 4) *Sen büḡün awylḡa bardyḡ ba?*

Причем в зависимости от основного логического ударения данная фраза, как видно из примеров, может быть построена с соответствующей инверсией — перестановкой членов предложения. В каракалпакском, как и в других тюркских языках, таким образом, логическое уда-

рение в предложении может быть выражено грамматически. Слово с главным логическим ударением стоит, как правило, в позиции перед сказуемым, поэтому центральное слово в предложении, являющееся носителем живого логического ударения, переносится в позицию перед сказуемым, хотя возможно и сохранение стандартного порядка слов с соответствующим интонационным подчеркиванием логически выделенного слова.

Интонация, или логическая мелодия фразы, представляет собой музыкальное движение тона, возникающее в речевом потоке и вытекающее из смысла и содержания данной фразы. Логическая мелодия образует вместе со смысловым содержанием ритмически организованное единство, разделяющееся логическими паузами на несколько ритмических групп или единиц, из которых каждая, в зависимости от задачи высказывания, имеет главное логическое ударение для выделения основного по смыслу слова, а также и дополнительное второстепенное ударение. Характер второстепенных ударений зависит от их позиции по отношению к главному. Главное ударение характеризуется либо апогеем, то есть наиболее высоким тоном, либо перигеем — наиболее низким тоном. Второстепенные же ударения, кроме логического выделения в различной степени важных в смысловом отношении слов, несут также вместе с логическими паузами разграничительную функцию, то есть отделяют одну ритмическую группу слов от другой. Второстепенные ударения вместе с главным логическим ударением во фразе составляют одну систему — они подчинены главному — вершине логической мелодии.

Как уже отмечалось выше, второстепенные логические ударения во фразе объединяют ритмические группы слов, которые, однако, не всегда совпадают с так называемыми синтагмами, то есть с грамматическими группами слов, составляющими конструктивные члены предложения: подлежащее, дополнение, обстоятельство и сказуемое вместе с относящимися к каждому из них определениями. Ритмическая группа, как правило, шире по своему объему, нежели синтагма; последняя является неделимым минимумом, входящим в ритмическую группу.

Таким образом, минимальными по своему объему ритмическими группами, объединенными единым логическим ударением, являются все сочетания определений и определяемых, в которых логическое ударение в обычных условиях падает, как правило, на первый компонент сочетаний, то есть на определения в сочетаниях их с определяемым и на дополнения и обстоятельства в сочетаниях их со сказуемым, например:

а) в сочетаниях с предметными — детерминативными определениями: kkalp. alma ayaš 'яблоневое дерево'; temir džol 'железная дорога'; qol tijirmen 'ручная мельница'; arqa džač 'северная сторона';

б) в сочетаниях с качественными определениями: Džaman džigit|köllektin aju|kötere almajdu 'плохой парень|не может носить|белых рубашек'; aruq qojdan|töslik al 'у того барана|бери (всегда) грудинку';

в) в сочетаниях с количественными определениями: ququq qulaš' žipek arqandy alup|bajau džylanpa bardy 'он|взял сорок локтей шелковой веревки|и пошел к той змее'.

Однако следует отметить, что логическое ударение на определении является обычным, но не обязательным, например, при логическом выделении слов при противопоставлении и проч. ударение с определения может перейти и на определяемое, например: Tüjegin ülkeni|körirde tajač džejd 'самый крупный из верблюдов|бывает бит на мосту'.

Ритмическими группами, выходящими за пределы синтагм, являются все сочетания дополнений и обстоятельств со сказуемым в тех случаях, когда эти категории находятся в предложении рядом. Логическое ударение в этих сочетаниях также обычно падает на предшествующий член предложения, например:

а) в сочетаниях дополнения и сказуемого: Oj, šeše | seniñ berg epin iz di džejmiz — | dedi 'О, матушка, | мы едим то, что ты нам дала, — || сказали они'; Tawuq¹ körg öññ şoqujdu | mulla¹ bilgenin oqujdu 'Курица¹ клюёт, что видит, | а мулла¹ читает то, что знает';

б) в сочетаниях обстоятельства и сказуемого: Bajarı adam | sol dzerde¹ dżylaj berg en 'Тот человек | тут же заплакал'.

Однако как объем ритмической группы, так и место логического ударения в движении тона логической мелодии не являются постоянными и в зависимости от задачи и содержания мысли могут меняться. Так, в одну ритмическую группу в потоке речи может входить, например, целое предложение с одним логическим ударением; ср., например: Bügün Dżumanijaz bazarğa barady 'Сегодня Джуманияз поедет на базар'.

В зависимости от задачи данной мысли логическое ударение, а вместе с ним и порядок слов могут изменяться. Следует отметить, что изменение порядка слов в предложении — инверсия — в тюркских языках в большей степени связано с логическим ударением, нежели в русском, где логическое ударение может быть перенесено с одного слова на другое без изменения порядка слов в предложении. Так, например, в приведенном выше предложении: Bügün bazarğa Dżumanijaz barady 'Сегодня на базар поедет Джуманияз' с изменением задачи мысли и при соответствующей инверсии логическое ударение падает уже на другое слово Dżumanijaz bazarğa bügün barady 'Джуманияз поедет на базар сегодня' — логически подчеркнутым словом здесь является уже обстоятельство bügün 'сегодня' (а не в другое время).

Эмоциональная окраска фразы не изменяет позиции логического ударения. С каким бы оттенком чувства ни была произнесена фраза, логическое ударение будет постоянно приходиться на один и тот же член предложения, выражающий данную задачу мысли.

Наконец, значительную роль в логическом членении речи и интонации играют логические паузы, являющиеся как бы границами между логически значимыми ритмическими группами слов в данном предложении или высказывании⁵.

Логические паузы по своей длительности и выразительности могут быть трех типов.

Первый тип наиболее длительных пауз составляют главные из них, определяющие границы участка речевого потока, который характеризуется единством логической мелодии и включает одно главное логическое ударение — логическую вершину с подчиненными ей второстепенными логическими ударениями.

Второй тип составляют второстепенные паузы внутри каждой отдельной системы или участка речевого потока, объединенного одной логической мелодией. Второстепенные паузы определяют границы ритмических групп слов, объединенных одним второстепенным логическим ударением.

Наконец, последний тип составляют третьестепенные паузы, самые краткие по своей длительности, не имеющие принципиального значения и встречающиеся внутри более крупных ритмических групп с одним главным или второстепенным ударением.

⁵ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II, М., 1952, стр. 115—126.

Весьма часто ритмические группы слов, ограниченные логическими паузами, совпадают с синтагмами, но это совпадение не является обязательным.

Главные логические паузы (||) делят речь на речевые звенья, составляющие единую и цельную логическую мелодию, характерную для выражения данной мысли и имеющие одно главное логическое ударение; второстепенные логические паузы (|) делят речевые звенья на ритмические (или музыкально-логические) группы слов, объединенные одним второстепенным ударением, которые в данном речевом звене могут быть различны по высоте тона, но представляют собой единую систему, подчиненную главному ударению; и, наконец, третьестепенные логические паузы⁽¹⁾, встречающиеся внутри ритмической группы, характеризующиеся весьма слабым третьестепенным логическим ударением, подчиненным второстепенному ударению данной ритмической группы; ср., например, следующий текст:

Bajaŋu ötken ajjem zamaŋda | bir xan bolŋan eken. || Sol xan | erikken xan eken. || Sol xannŋ | aj dese¹ awzy bar | kün dese¹ közi bar¹ suluw qyzy bar eken. || Bir künleri xan | kimde kim | džüz awuz ötirik ajtsa || qzymdy¹ soŋan beremen || eger de¹ džüz awuz ötirik ajtalmaj qalsa | basyn kesemen — | dep || qalaya džar urdrypty. 'В прежние давние времена | жил-был некий хан. || Хан тот¹, оказывается, скучал от безделья. || У хана¹ была красавица дочь, у которой рот¹ был красив как луна, | а глаза¹ — как солнце. Однажды¹ хан приказал кликнуть клич | о том, что если кто¹ расскажет сто небылиц, | то тому¹ он отдаст (в жены) свою дочь, если же не сможет рассказать сто небылиц, | то он отрубит ему голову'.

Известно, что в зависимости от ударения и деления слогов в слове на слабые и сильные, некоторые звуки в слабых слогах либо произносятся неясно, либо вообще выпадают. Аналогичную картину можно наблюдать также и в ритмических группах слов, и в целых предложениях. Часть словосочетания или предложения, попадающая в зону слабого логического ударения, также редуцируется. Следствием этого является: 1) выпадение отдельных звуков и слогов, в результате чего сочетания слов приобретают характер стяженных слов, в которых отдельные, фонетически наиболее слабые, стирающиеся элементы выпадают, и состав звуков этих сочетаний изменяется; 2) выпадение целых слов, играющих нередко в грамматическом отношении ведущую роль в данном предложении, то есть выступающих в качестве основных и главных членов предложения — подлежащего, сказуемого, дополнения, — но логически не выделенных, не подчеркнутых.

Первое явление, то есть выпадение отдельных звуков и слогов, часто совпадающих с морфологическими формантами, наблюдается в ритмических группах слов. Условно назовем их явлениями фонетико-морфологической редукции. Выпадение же целых слов — отдельных членов предложения — явлениями синтаксической редукции.

Фонетико-морфологическая редукция представлена двумя основными типами: а) собственно фонетической редукцией и б) фонетико-морфологической редукцией. Первый тип характеризуется чисто фонетическим стяжением звуков в слове или словосочетании, связанным с экспираторным ударением, в то время как фонетико-морфологическая редукция связана с логической структурой высказывания, когда редуцируется тот или иной аффикс, определяющий ту или иную словообразовательную модель и даже словоизменительную категорию из-за слабостью логической ее значимости.

Фонетическая редукция или фонетические стяжения встречаются в

речи довольно часто и представлены различными типами. В живой разговорной речи слова, соединяющиеся в ритмические группы — единые произносительные комплексы, часто не сохраняют свой стабильный состав звуков. Последние в слабых звеньях речевого потока, а именно в безударных слогах логически не выделенных слов, редуцируются вплоть до выпадения их, что влечет за собою изменение фонетического состава слов, в результате чего происходят соединения или стяжения двух или нескольких лексем.

Наиболее часто встречающимся типом стяжения является выпадение на границе слов одного из рядом стоящих гласных, например, al(a) at 'пестрая лошадь'; tor(y) at 'гнедая лошадь'; ajt(a) almady 'не мог сказать'; sar(y) altyn 'желтое (чистое) золото' и т. д.

Слабыми слогами, подвергающимися в стяжениях выпадению, обычно бывают слоги, содержащие сонорные согласные *l, n*, причем последний, то есть *n*, вместе со слоговым гласным выпадает чаще в тех случаях, когда находится в позиции рядом с аналогичным слогом, содержащим *m, n, ŋ*; например:

Aker perejin (<alyp kelip berejin) 'Принесу-ка я'; Ne ɣyp (<ne qylyp) oturɣan bala saŋ — dedi 'Он сказал: чем ты занимаешься, дитя?'; bütjip (<bulaj etip) 'таким образом'; bütpejik (<bulaj etpejik) 'не будем так делать'; söjtip (<solaj etip) 'так сделал'; qajtemis (<qandaj etemiz) 'как делаем?'; toŋdy (<tonyŋdy) 'твою шубу'; qatyna (<qatynuna) 'его жене'; ma tawda (<myna tawda) 'на этой горе' и т. д.

Фонетические стяжения часто служат средством и видом семантической дифференциации некоторых грамматических форм, которые иногда сохраняют несколько ступеней эволюции фонетического стяжения данной грамматической формы и за каждой из них закрепляется особое грамматическое значение, ср., например: bara turɣan 'идущий в данный момент', форма причастия на -ɣan от основы bara tur- — полная фонетическая форма; baratuɣun (<bara turɣan) 'идущий вообще, долженствующий пойти' — форма, получившая уже особый семантический оттенок и фонетически дифференцированная с предыдущей формой, хотя и имеет общее с ней происхождение — первая степень фонетической редукции, ослабления и выпадения отдельных элементов; barayɣan (<bara turɣan) 'часто отправляющийся', ср. также аналогичные формы qaşayɣan at 'лошадь, которая часто убегает', beregen 'дающий, часто дающий' и т. д., формы, получившие также особый оттенок значения и фонетически выделившиеся, отличные от двух предыдущих, хотя и являющиеся общими по происхождению.

К фонетическим стяжениям этой группы относятся многие аффиксы словообразования, а также многие формы спряжения глагола, ср., например, форму настоящего-будущего времени al-a maŋ (<al-a tur-ur maŋ); форму прошедшего в настоящем alur paŋ (<al-yp tur-ur maŋ).

Фонетические стяжения весьма часто не учитываются тюркологами при анализе отдельных грамматических форм, что приводит к ошибочным выводам и обобщениям, ср., например, неправильное понимание формы настоящего времени в татарском языке — единственное число, 1-е лицо: al-a-m; 2-е лицо: al-a-syn; 3-е лицо: al-a и т. д. как формы, образованной от деепричастия на -a/-e, -j, в то время как изменение деепричастия аффиксами принадлежности или лица для языков тюркской системы, да и для других языков, невозможно. Точно так же, как и рассмотренные выше, данная форма подверглась в процессе своего развития значительному фонетическому видоизменению и фактически восходит к той же полной форме, общей для ряда языков тюркской системы, а именно: 1-е лицо: al-a-tur-ur-maŋ; 2-е лицо: al-a-tur-ur-syn; 3-е лицо: al-a-tur-ur ('я возьму', 'ты возьмешь', 'он возьмет' и т. д.).

Этот процесс превращения одной более полной формы в другую, редуцированную, следует учитывать при анализе и изучении вопросов генезиса каждой грамматической формы.

Процесс фонетического развития, редукция и стирание отдельных элементов в аффиксах, происходящие благодаря семантическому развитию и филиации значения данной грамматической формы, являются одним из средств развития и обогащения языка новыми грамматическими понятиями и формами, а следовательно, одним из мощных факторов прогресса языка.

Выше были рассмотрены случаи фонетической редукции звуков в словосочетаниях, принципиально не отличающиеся от выпадения в определенных позициях звуков в отдельных словах. Однако существуют также и принципиально иные явления редукции, связанные не с экспираторным, а исключительно с фразовым или логическим ударением, причем редуцируются при этом не отдельные звуки и слоги, а полные грамматические форманты (фонетико-морфологическая редукция) и целые слова — члены предложения (синтаксическая редукция).

Фонетико-морфологическая редукция — явление уже не фонетического, а логического характера, связанное не с экспираторным, а исключительно с логическим или фразовым ударением. Явление логического ослабления значения отдельных грамматических форм и фонетического выпадения соответствующих грамматических формантов вызывается также развитием значения этих грамматических форм, изменяющихся в связи с появлением новых синтаксических конструкций словосочетаний и предложений, а также развитием других грамматических категорий.

Редукции, то есть выпадению, подвергаются аффиксы словозменения: множественного числа, принадлежности, склонения и спряжения; реально же наиболее частыми случаями редукции этого типа являются:

а) выпадение аффиксов родительного и винительного падежей, связанное не только с логическим или фразовым ударением, но и с рядом других грамматических категорий;

б) выпадение аффиксов принадлежности, главным образом, 1-го лица единственного и множественного числа, например: та qsyg | те-пiŋ biŋ aɣyz bar — || dedi 'сударь, | у меня' есть просьба — сказал он'; biziŋ üjdegi kisi — || diŋdi 'человек, который находится в нашем доме, || — сказал он' и т. д., где определяемые не согласованы с определениями соответствующими аффиксами принадлежности, исчезнувшими по причине ослабления их грамматической значимости.

Синтаксическая редукция. Логическая мелодия предложения, как отмечалось выше, представляет собой ритмическое единство, разделяющееся логическими паузами на несколько разных по логической значимости ритмических групп, имеющих на одной из них главное, а на остальных второстепенные ударения, различные по своей значимости по отношению к главному ударению.

Наиболее слабые в логическом отношении ритмические группы подвергаются вначале логической редукции, а затем и выпадению отдельных логически наиболее слабых, не выделенных слов. Это явление наиболее ярко выражается в диалогической речи, хотя часто встречается также и в монологах.

Выпадению подвергаются и слова, выступающие в качестве главных членов предложения, если они имеют слабую логическую значимость.

1. Выпадение слов, выступающих в качестве сказуемого главного

предложения⁶: Er|tuw ɣan dʒerine (keler), || ijt|toɣ ɣan dʒerine (keler) 'человек | (стремится) к родине, || а собака | к месту насыщения'; Saɣadaɣu|suw (iʃedi) || ajaqtaɣu|uɯ (iʃedi) 'те¹, кто у истока¹ (пьют) | воду, || а те¹, кто у устья | (пьют) яд'; At|erimli (keler) || er|muɣunly (keler) 'лошади | лучше быть губастой, || а мужчине | — носатым'; Ötkir ruʃaɣ|qunɣa (dos) || ötirik söz|qanɣa (dos) 'острый нож | (друг) ножнам, || а живые слова | (друзья) хану'.

Во всех приведенных выше примерах (главным образом пословицах) язык достигает крайней своей выразительности. В предложении остаются только логически значимые слова, в то время как слова, на которые логическое ударение не падает — выпадают, замещаясь логическими паузами.

2. Выпадение слов, выражающих подлежащее главного предложения. Выпадение подлежащего, выраженного личным местоимением 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа, в предложении, где подлежащее логически не подчеркивается, является общей нормой не только для каракалпакского, но и для других тюркских языков, так как идея субъекта заключена в форме сказуемого. Так, предложения at aldym или men|at aldym 'я купил лошадь' отличаются только логическим выделением субъекта во втором предложении, в то время как в предложении at aldym логически выделяется прямой объект.

Однако нередки случаи, когда выпадению подвергаются также и слова, выражающие подлежащее, представленное другой частью речи, чаще всего с абстрактной семантикой, например, narse 'вещь, предмет' или kisi~adam 'человек' и т. п. Могут выпадать и прочие слова, если семантика выпавшего слова остается во фразе очевидной благодаря окружающим его определениям. Обычно в этом случае происходит замещение выпадающего подлежащего ближайшим к нему определением, которое субстантивируется, принимая на себя функцию подлежащего, например: а) выпадение слова — подлежащего, выраженного именем предмета: opuɣ dymu dʒoɣ 'у него нет ничего', где субстантивированное усилительное слово dymu замещает подлежащее dym narsesi; Ajduɣ on besi|—qaraɣu, || on besi|—dʒaqtu 'у месяца пятнадцать дней | темные, а пятнадцать дней | светлые', где субстантивированные числительные on besi замещают подлежащее on bes küni; б) выпадение слова — подлежащего, выраженного именем человека: Ajaɣu dʒaman|tördi byɣajdy, || özi dʒaman|eldi byɣajdy '(человек) с грязными ногами | загрязняет почетное место в юрте, || а сам если грязный, | то загрязняет народ'. Здесь субстантивированы в функции подлежащих целые сочетания ajaɣu dʒaman (adam), özi dʒaman (adam); Bar|barɣn ajtady, || dʒoɣ|dʒoɣun ajtady 'имущий говорит о том, | что у него есть, || а неимущий говорит о своем (тяжелом) положении'. Здесь субстантивированы слова bar (<dunjasɣ bar adam) и dʒoɣ (<heʃ narsesi dʒoɣ adam).

3. Выпадение слова, выступающего в функции прямого дополнения и замещение его субстантивированно-определятельной формой, например: dʒamandy|(<dʒaman adamdy) |tütjeniɣ üstinen¹ ijt qabady 'плохого (человека) | собака кусает даже в том случае, | если он сидит на верблюде'; kiskentajdy (<kiskentaj kisini) | maqta||ülkendi (<ülken kisini) | min 'младшего | хвали, || а старшего | посади (на лошадь)'; anasy ba-

⁶ Здесь и далее выпадающие слова приведены в скобках.

lany oturtyryp | sorady || bul arny (<bul narselerni) | qajdan al-
dy — || dedi 'мать посадила своего сына | и спросила | , отку-
да он взял эти вещи'; Bilegi dzuwan | birdi (<bir kisini) dzy-
yady, || bilimi dzuwan | myndy (<myñ kisini) dzyyady 'имеющий
сильную руку | одного свалит, а обладающий большими знания-
ми | тысячу (человек) свалит'⁷.

Таким образом, логико-ритмическая структура высказывания, соот-
ветствующие фразовые ударения, логические паузы и связанная со смыс-
ловой сущностью высказывания редукция (фонетическая, фонетико-
морфологическая и синтаксическая), то есть выпадение отдельных соот-
ветствующих структурных элементов, занимают в анализе языковых
категорий тюркских языков значительное место, а следовательно, долж-
ны учитываться при изучении генезиса структуры слова, словосочетания
и предложения.

В практическом же плане изучение данной проблематики призвано
способствовать разработке соответствующих пособий логически и инто-
национно правильного чтения различных по жанру и стилю текстов
выступлений, а также пособий по художественному чтению и сцениче-
ской речи.

⁷ В данном предложении, кроме того, субстантивированы также и подлежащие,
выраженные развернутым членом предложения: bilegi dzuwan (kisi); bilimi dzuwan
(kisi).

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Д. АФАКИН

О НЕКОТОРЫХ ТЮРКИЗМАХ В РУССКИХ БЫЛИНАХ КИЕВСКОГО ЦИКЛА

Произведения русского народного творчества дают богатый материал для исследования тюркизмов в русском языке эпохи монголо-татарского нашествия.

Как известно, возникновение жанра русских былин связано с событиями русской истории, начиная с X века, когда русским княжествам приходилось отражать частые набеги степных кочевников-печенегов и входивших в их союз других тюркских племен (X—XI вв.), половцев (XI—XII вв.), монголо-татарских полчищ в период существования Золотой Орды (XII—XV вв.).

Древнейшие былины возникли в традиционных формах эпических сказаний, составляющих так называемый киевский цикл. Героями их являются легендарные русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, отважно защищавшие русские земли.

Однако былинный эпос сохранился не в местах своего первоначального возникновения — на территории Киевского и Московского государств, а на севере России, недостижимом для разорительных набегов золотоордынцев, — в Онежском крае, Поморье и в обширных районах бассейнов больших северных рек Пинеги, Мезени и Печоры.

Несмотря на то, что былины на протяжении многих столетий устно передавались из поколения в поколение, они сохранили свою первоначальную форму, хотя в ряде случаев и осложненную напластованиями последующих времен.

. Благодаря трудам таких видных деятелей русской культуры, как Кирша Данилов, впервые записавший русские былины во второй половине XVIII века, П. В. Киреевский (1808—1856), П. Н. Рыбников (1831—1885), А. Ф. Гильфердинг (1831—1872), А. М. Астахова (1886—1971), С. И. Гуляев (1805—1888) и многие другие, отечественная фольклористика в настоящее время располагает богатейшими собраниями произведений былинного жанра.

Обследованные автором этих строк памятники русского языка XIII—XV веков — духовные грамоты московских князей, повести, сказания, летописи дают достаточно отчетливое представление об истории появления тюркизмов в древнерусском литературном языке. Употребление же тюркизмов в памятниках народного творчества следует рассматривать как верный показатель того, что они были полностью ассимилированы народной речью и вошли в словарный состав русского языка.

К сожалению, точно датировать проникновение того или иного тюркизма в народную речь, в силу известных причин, практически невоз-

можно. Вместе с тем исследование тюркизмов может сыграть важную роль в деле изучения истории русского эпоса. Задача исследователя былинного эпоса заключается в том, чтобы «установить внутреннюю связь содержания былины с определенной исторической эпохой в жизни народа»¹.

Думается, что тюркизмы могут помочь с той или иной степенью достоверности, хотя бы приблизительно, датировать появление определенной былины или ее вариантов. Так, если известно, например, что слово «орда» впервые зафиксировано в 1-й Новгородской летописи 1242 года² (а это указывает на его появление в языке несколько раньше), то имеются все основания предположить, что вариант текста былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», содержащий данное слово, не мог появиться ранее второй половины XIII века. Слово «казак», впервые зафиксированное в самом конце XIV века в значении «наемный работник», а с середины XV века — в значении «военный человек, несущий караульную службу», свидетельствует о том, что все варианты былины, где встречается выражение «старый казак Илья Муромец», не могли возникнуть ранее середины XV века.

Таким образом, наличие тех или иных тюркизмов в тексте былины позволяет установить приблизительную границу наиболее раннего появления данного варианта былины, особенно в тех случаях, когда конкретный тюркизм зафиксирован в точно датированном письменном памятнике, например, в духовных или договорных грамотах и других документах.

Ниже нами будут рассмотрены былины наиболее древнего киевского цикла, связанные между собой по содержанию.

Выборка тюркизмов из текста былины показала, что некоторые тюркизмы встречаются почти во всех вариантах одной и той же былины, другие — лишь в отдельных из них.

Первоначальный основной текст былины с течением времени видоизменяется, и возникает множество его вариантов, число которых в отдельных случаях превышает сотню (например, былина «Илья Муромец и Соловей-Разбойник»). Поэтому можно предположить, что тюркизмы, широко распространенные в вариантах одних и тех же былин, относятся к наиболее раннему периоду заимствования.

К числу древнейших тюркизмов в былинах правомерно отнести такие существительные, как *боярин*, *казак*, *казна*, *орда*, *шатер*, *ярлык*.

Боярин. Среди ученых, исследовавших тюркизмы русского языка, только Ф. Е. Корш и С. Е. Малов считают слово «боярин» заимствованием из тюркских языков. Ф. Е. Корш видит в нем образование от древнетюркского *бай* «богатый»³. С. Е. Малов выводит его из определенного словосочетания *бай эр* «богатый человек»⁴. Н. К. Дмитриев, отнеся слово «боярин» к тюркизмам, требующим дополнительной документации, отмечает, что «тюркская этимология этого слова не доказана, но иной нет»⁵. В древних тюркских языках это слово не представлено. Л. З. Будагов отмечает слово «байар» *بايار* в словарной статье *бай* —

¹ В. Я. Пропп, Б. Н. Бутин. Эпическая поэзия русского народа. — В кн.: «Былины», т. I, М., 1958, стр. XXIX.

² «Памятники средневековой русской литературы» (далее — ПСРЛ). Т. III, Новгородская I летопись. СПб., 1841, стр. 51.

³ Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского). — «Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. VIII, СПб., 1904, стр. 32—33.

⁴ С. Е. Малов. Тюркизмы «Слова о полку Игореве». — «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1946, вып. 2, стр. 138.

⁵ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 556.

бай 'богатый' и т. д., указывая, что оно имеется в татарском языке со значением «дворянин»; у кокандцев — «вельможи», «богатые» и «значительные» лица⁶. В турецком языке есть неологизм *bayat* в значении «великий, славный, именитый».

Этимология слова «боярин», данная С. Е. Маловым, представляется достаточно убедительной, тем более, что такое словосочетание встречается в тюркских языках: ср. др.-тюрк. *bağ er* 'богач'⁷; в башк. *бай кеше* 'богатый человек'. Боярин в Киевском государстве принадлежал к феодальной верхушке и, следовательно, был «знатным, именитым», и, естественно, богатым человеком, к которому вполне возможно было применить словосочетание *бай эр*.

Слово «боярин» засвидетельствовано в русском языке домонгольского периода и поэтому имеются все основания считать, что оно было полностью ассимилировано именно в то время. Киевский князь окружал себя феодальной знатью, среди которой были и «великие бояре». Так, в договоре, заключенном великим князем Олегом (ум. в 912 г.?) с Византией, сказано: «...иже послани от Ольга, великого князя Русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр...»⁸.

Этот фрагмент из договора, датированного 911 г., свидетельствует, что слово «боярин» появилось в русском языке, по-видимому, не позднее второй половины IX века. В то время русские могли иметь контакты только с двумя тюркскими народами: хазарами и булгарами, с которыми оживленно торговали⁹. Это позволяет предположить, что языком-источником заимствования основы *бояр-* мог быть либо хазарский, либо булгарский. Фонетически это тоже оправдано, так как, в отличие от многих других тюркских языков, оба эти языка допускают в начальном положении в слове звонкий /б/ (ср. булг. *биэлим* 'пятый', *билук* 'памятник'; хазарск. *бег* в словосочетаниях *хакан-бег* 'наместник кагана', *кен-дер-бег* 'чиновник, ведающий хозяйственными делами').

В процессе дальнейшего развития слово «боярин» изменило фонетическую форму, превратившись в широко распространенное в России XVIII—XIX веков слово «барин».

Казак. Хотя это слово и не было обнаружено в памятниках древнетюркской письменности, за исключением кыпчакского и чагатайского языков, тем не менее его тюркское происхождение не вызывает сомнений. Сводку суждений о происхождении слова «казак» дает А. Н. Самойлович, отмечая, что при зарождении таких образований, как казачество на Украине, в Крыму и т. д., а также казахского народа, слово «казак» являлось социальным термином¹⁰. Н. К. Дмитриев, помещая это слово в глоссарий тюркизмов, подтвержденных фактами, пишет, что точное его происхождение все еще не установлено¹¹.

Как указал А. Н. Самойлович, слово «казак» впервые отмечено в анонимном словаре кыпчакского языка, датированном 1245 годом, по крайней мере на сто пятьдесят лет раньше, чем оно появилось в рус-

⁶ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I, СПб., 1869, стр. 239.

⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 79.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I, Пг., 1916, стр. 33.

⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 433—434.

¹⁰ А. Н. Самойлович. О слове «казак». — В кн.: «Казак. Антропологические очерки». Сб. II (Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 11), Л., 1927, стр. 9.

¹¹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 535.

ских письменных памятниках — в грамоте, датированной 1395 годом¹². Следовательно, это слово бытовало в кыпчакском языке еще и в домонгольский период, и вместе с многими другими его словами было усвоено русским языком.

Значение слова «казак» в кыпчакском языке может быть передано по-русски как «бездомный человек», «скиталец». В словаре В. В. Радлова, зарегистрировавшего это слово в ряде тюркских языков, оно имеет значение «вольный, независимый человек», «смелый человек»¹³.

В упомянутой выше грамоте слово «казак» употреблено в значении «наемный работник». Новое значение его «человек, несущий караульную службу» развилось в середине XV века¹⁴.

Как показывает исследованный нами материал, слово «казак» употребляется исключительно для характеристики Илья Муромца. В народном представлении образ этого былинного героя прочно связан с охраной русского государства от врагов. В качестве эпитета довольно часто встречается прилагательное «старый», то есть умудренный опытом. Даже там, где Илья Муромец не является главным героем, эпитет «старый» к слову «казак» за ним сохраняется, как, например, в былинах «Изгнание Батыя»¹⁵, «Добрыня и Василий Казимирович»¹⁶, «Иван Гостинный сын»¹⁷, «Мамаево побоище»¹⁸.

Слово «казак» встречается в былинах также и в значении «разбойник», отмеченном еще В. В. Радловым¹⁹; а также Н. К. Дмитриевым для русских аргов²⁰.

Социальные условия, сложившиеся в Московском государстве в XV веке, привели к появлению на его южных окраинах особой группы вольных людей из числа крепостных крестьян и городской бедноты. Впоследствии на ее основе возникло особое военное сословие — «казаки».

В XVIII веке после преобразований, проведенных царским правительством, слово «казак» получило новое значение — «представитель военного сословия», то есть сословия, основной обязанностью которого было несение военной службы и в первую очередь охрана границ империи.

Казна. Это слово может рассматриваться как заимствование через кыпчакский язык одной из форм арабских существительных *خزينة* (*ха-зйна/тун/*) 'сокровище', 'казна' или *خزنه* (*хазна/тун/*) 'сокровищница', 'помещение для хранения (сокровищ)'. Другим источником этого слова может быть уйгурское *qaznaq* 'казна', зарегистрированное в «Древнетюркском словаре»²¹.

Слово «казна» встречается в письменных памятниках русского языка во второй половине XIV века в летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в значении «кладовая», «место для хранения имущества»²² и в значении «имущество», «сокровище» в доконечной

¹² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I, СПб., 1893, стр. 1173—1174.

¹³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, СПб., 1899, стр. 364.

¹⁴ Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970, стр. 226.

¹⁵ «Былины». Т. I, стр. 168 (стр. 86—88), стр. 169 (стр. 119—122).

¹⁶ «Былины Севера». Т. II, № 134. М.—Л., 1951, стр. 280 (стр. 219—222).

¹⁷ «Былины и песни Южной Сибири». Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952, стр. 142 (стр. 66—74).

¹⁸ «Былины», т. I, М., 1958, стр. 176 (стр. 94); стр. 177 (стр. 171); стр. 180 (стр. 240); стр. 181 (стр. 284).

¹⁹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, стр. 364.

²⁰ Н. К. Дмитриев. Турецкие элементы в русских аргах. — «Язык и литература», Л. 1931, т. VII, стр. 173.

²¹ «Древнетюркский словарь», стр. 439.

²² «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 84.

грамоте великого князя Дмитрий Донского от 1389 года²³. Это слово имеется в былинах киевского цикла, в которых оно имеет значение «сокровище», «деньги»²⁴.

В былинах слово «казна» часто получает эпитет «золотая», символизируя этим драгоценности, из которых она складывается²⁵.

Гиперболизация, свойственная былинному жанру, находит выражение в широком использовании слова «бессчетная» перед словосочетанием «золота казна», что мы находили в былинах киевского цикла «Бунт Ильи против Владимира», «Добрыня Никитич и Василий Казимирович»²⁶.

Орда. Это слово зафиксировано в памятниках орхонской письменности в значении «ставка», «дворец»²⁷. В памятниках русской письменности оно появляется в середине XIII века (в 1242 г.)²⁸.

Слово «орда», вероятно, вошло в народную речь очень рано в связи с выплатой дани Золотой Орде. Возможно, что в народном употреблении это слово в какой-то степени оказалось связанным с понятием «земля» в значении «страна». Этим, по-видимому, следует объяснить тот факт, что во многих былинах слова «земля» и «орда» выступают почти как синонимы, например, в былинах: «Добрыня Никитич и Василий Казимирович»²⁹, «Добрыня и Настасья»³⁰, «Первая поездка Ильи Муромца»³¹, «Три поездки Ильи Муромца»³², «Илья Муромец и голи кабацкие»³³.

Слово «орда» соединяется с прилагательным «темный», что, по всей видимости, следует рассматривать как отрицательную характеристику Золотой Орды. В былинке «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» это словосочетание встречается несколько раз³⁴.

Наконец, в былинке «О женитьбе князя Владимира» и в других из сборника Кириши Данилова находим и само историческое словосочетание «Золотая Орда»³⁵. И здесь, как и в приведенных выше случаях, слова «орда» и «земля» взаимозаменяемы.

Анализ употребления слова «орда» дает основания считать, что наиболее ранним пределом возникновения былин, в которых оно встречается, может быть XIV век.

Что же касается былин о Мамаевом побоище, то в них описаны события, дата которых известна, и поэтому ранним пределом их возможного возникновения можно считать XV, а быть может и XVI век.

Шатер. Это слово несомненно тюркского происхождения и может

²³ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950, стр. 31.

²⁴ А. Ф. Гильфердинг. Онежские быliny. Т. II, № 94, М.—Л., 1938, стр. 163 (стрк. 63—67).

²⁵ Там же, № 75, стр. 30 (стрк. 471—477); «Сборник Кириши Данилова», № 49, М., 1977, стр. 187 (стрк. 75, 84, 93).

²⁶ «Былины», т. I, стр. 96 (стрк. 389—390); 97 (стрк. 449—452).

²⁷ «Древнетюркский словарь», стр. 370.

²⁸ ПСРЛ. Т. III, Новгородская I летопись, стр. 51; Софийская I летопись. СПб., 1851, стр. 181.

²⁹ «Былины Севера», т. II, № 134, М.—Л., 1951, стр. 373—374.

³⁰ «Былины Пудожского края». Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Парильовой и А. Д. Соймонова. № 34, Петрозаводск, 1941, стр. 13—15; 44—46; 31—33.

³¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские быliny. Т. II, № 171, стр. 562 (стрк. 122—124).

³² Там же, № 257, стр. 356 (стрк. 102).

³³ Там же, т. III, № 257, М.—Л., 1940, стр. 326 (стрк. 102).

³⁴ А. М. Астахова. Быliny Севера. Т. II, № 134, М.—Л., 1951, стр. 74—76, 52—55.

³⁵ «Сборник Кириши Данилова», № 5, стр. 27 (стрк. 11, 28), № 8, стр. 39 (стрк. 135), № 11, стр. 54 (стрк. 38, 64, 93, 97, 104, 109, 115, 136, 193), № 15, стр. 71 (стрк. 75, 92, 96, 101) и др.

быть возведено к тюркскому *чатыр* 'шатер', 'палатка'³⁶, в свою очередь заимствованному из персидского языка. Правда, трудно объяснить наличие звука /ш/. Не входя здесь в рассмотрение этого вопроса, отметим лишь, что Г. Дёрфер, автор большого исторического словаря тюркизмов и монголизмов в новоперсидском языке, пишет, что все формы этого слова в славянских языках, в том числе и в русском, по-видимому, восходят к форме *šatīg*, которая якобы бытовала в диалекте болгарского языка на Волге³⁷; в венгерском языке это слово представлено в форме *zátog* 'палатка'.

Слово «шатер» встречается почти во всех вариантах былин киевского цикла. В новгородских былинах оно не обнаружено, по-видимому, в связи с совершенно иной их тематикой.

Широкое распространение этого слова в былинах свидетельствует о его раннем проникновении в народную речь.

«Шатер», как правило, употребляется в сочетании с прилагательным «белый» и в древнейших былинах, таких, как «Святогор», «Выезд Алеси из Ростова и встреча его с Тугарином»³⁸.

Другое довольно частое сочетание — «белополотняный шатер» можно найти, например, в былинах «Алеша и Илья Муромец», «Изгнание Батыя», «Иван Годенович», «Мамаево побоище»³⁹.

Обращает на себя внимание сочетание слова «шатер» с прилагательным «черный» для описания вражеского стана, как, например, в былине «Бой Дуная с Добрыней», записанной на реке Мезени⁴⁰.

Интересно отметить, что в некоторых былинах слово «черный» претерпевает изменения, обретая усеченную форму «чёр шатер», как в былине «Василий Игнатьев», записанной на реке Пижме Усть-Цылемского района⁴¹.

Ярлык. Это слово проникло в русский язык вместе с практикой государственных отношений ханов Золотой Орды, направлявших свои ярлыки русским князьям, начиная со второй половины XIII века.

В народную речь данное слово, видимо, вошло лишь в XIV веке, о чем можно судить по его употреблению в сказаниях, как, например, в «Сказании о Мамаевом побоище»⁴².

Слово «ярлык» широко распространено во всех вариантах былин киевского цикла, отражающих борьбу русских с нашествием татар, а также и в некоторых новгородских былинах, как, например, «Василий Буслаевич и новгородцы», записанной в районе Колодозера⁴³.

Как и другие ранние заимствования, слово «ярлык» получило в былинах свою меткую характеристику в виде трех, по существу синонимичных, прилагательных, с которыми оно очень часто употребляется: «скорописчатый», «скоропрописный», и существительного «скорограмотка». В былине «Изгнание Батыя», записанной в Архангельском уезде в 1849 году, говорится о «скорописчатом» ярлыке «Батыя-царя»⁴⁴.

В былине «Мамаево побоище», возникшей, естественно, не ранее XV

³⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 142.

³⁷ G. Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III, Wiesbaden, 1967, стр. 20.

³⁸ См.: «Былины Пудожского края». № 4, стр. 129—134; «Сборник Кириши Данилова». СПб. 1901, № XIX, стр. 75 (стрк. 21—22); стр. 76 (стрк. 125—126).

³⁹ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878, ч. II, стр. 32—35, 161.

⁴⁰ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг., т. III, № 34 (стрк. 341); стр. 42—43, 53, СПб. 1910.

⁴¹ А. М. Астахова. Былины Севера. Т. I, М.—Л., 1938, стр. 388—389 (стрк. 145—150).

⁴² С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. — «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. XXXI, 1906, № 7, стр. 6.

⁴³ П. Н. Рыбников. Песни. Т. II, № 169, М., 1910, стр. 467 (стрк. 45—46).

⁴⁴ П. В. Киреевский. Песни. Вып. IV, М., 1879, стр. 38—46 (стрк. 19—25, 32, 39).

века, говорится о ярлыке «скорописчато»⁴⁵; в былине «Кудреваннишо», записанной в Лещуконском районе в 1928 году — о ярлыке «скорописном»⁴⁶; в былине «Василий Игнатьев», записанной на р. Пижме Усть-Цылемского района в 1929 году, — ярлыке «скорограмотке»⁴⁷.

Помимо рассмотренных, встречающихся во многих былинах киевского цикла, имеется ряд тюркизмов, обнаруженных лишь в отдельных из них.

Атаман. Это слово не имеет общепризнанной этимологии. В древних тюркских языках оно не представлено, что и послужило причиной появления различных этимологий; например, от немецкого *Hauptmann*⁴⁸ 'начальник', от татарского словосочетания *ата* 'отец' и *тюмен* '10 000 войска'⁴⁹. Н. К. Дмитриев, помещая это слово в раздел подтвержденных фактами тюркизмов, высказывает наиболее вероятное предположение, что слово «атаман» происходит от тюркского корня *ата* 'отец', 'дед', 'предок' и аффикса *-ман*, используемого для образования увеличительных имен (обозначает то же, что украинское «батько»)⁵⁰.

В памятниках древнерусской письменности это слово впервые появляется в конце XIII века. В грамоте великого князя Андрея Александровича, датируемой 1294—1304 годами, читаем: «Како есть докончал с Новымъ-городом, ходити трем ватагам моим на море; а ватамман Ондрей-Критцкий, ...дают с погостов корм и подводы по пошине»⁵¹.

В этом памятнике рассматриваемое слово имеет форму «ватаман» с протетическим *в*, что свидетельствует о его звуковой ассимиляции, в древнерусский период (ср. «отец» — «вотчина»; «осьмь» — «восемь»). А так как в то время русские имели контакты только с кыпчаками, то правомернее всего признать, что слово «атаман» было заимствовано ими из кыпчакского языка не позднее XIII века.

Слово «атаман» встречается в ряде былин в сочетании со словами «большой братец», что подтверждает мысль Н. К. Дмитриева о наличии в его смысловой структуре семы, выражающей увеличение, старшинство. Так, в былине «Вольга», записанной от крестьянина Кузьмы Романова в районе Кизи, читаем:

Ай же вы дружина моя добрая хоробрая!
Слушайте большого братца атамана-то
Вы делайте дело повеленое...⁵²

А в былине «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», записанной на Выгозере, слово «атаман» уже приобрело новую сему, обозначая предводителя разбойников: «Закричал разбойнический атаман большой...»⁵³.

Барс. Это слово достаточно широко представлено в памятниках орхоно-енисейской письменности. В тексте памятника Бегре, на правой стороне, оно употреблено в значении «барс»: *jäti böri ö!jrdjūm a barsyž kökmäkič ö!jrmädim a* 'Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей'⁵⁴.

В надписи на памятнике с Алтын-Кёля слово «барс» употреблено, по-видимому, как тотем целого рода — *барс тэг* 'род Барса': *Järdäki*

⁴⁵ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878, вып. А, стр. 32—36, 66—67.

⁴⁶ А. М. Астахова. Былины Севера, стр. 257 (стрк. 18—19, 33—34, 54—55).

⁴⁷ Там же, стр. 257 (стрк. 59—60); стр. 386 (стрк. 37—38, 54—55).

⁴⁸ Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 5.

⁴⁹ Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка Тифлис, 1896, стр. 438.

⁵⁰ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 523—524.

⁵¹ «Памятники русского права». III, М., 1955, стр. 165.

⁵² А. Ф. Гильфердинг. Онежские быliny, стр. 149—154 (стрк. 23—25, 50—53, 72—74).

⁵³ Там же, стр. 560 (стрк. 51).

⁵⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 33.

бар äptigimä (или *барс tägimä*) *ärdämligimä bökmä(dim)* 'Я не наслаждался (умер) моим бытием и (всем) моим доблестным или моим зеленым родом «барс»'⁵⁵.

Из надписи на так называемом Селенгинском камне — памятнике Моюн-чуру (VIII в.) видно, что слово «барс» использовалось также и как название третьего года двенадцатилетнего животного календарного цикла — древнетюркского летосчисления: ...*анчын барс жылка чик тапа јорыдым...* 'после этого в год барса я пошел в поход против чиков'⁵⁶.

Наконец, слово «барс» входит как первый компонент в ряд имен собственных: *Барс бег*, *Барс буза* и др.⁵⁷

Из сказанного следует, что слово «барс» бытовало в тюркских языках за несколько столетий до того, как возникли контакты тюркоязычных народов с русскими.

Время появления слова «барс» в русском языке определить весьма трудно, так как в памятниках древней русской письменности оно не зафиксировано. Мы обнаружили это слово в варианте былины «Волх Всеславьевич» в записи Кириши Данилова, содержание которой показывает, что она могла сложиться не ранее второй половины XIV века, поскольку в ней упоминается «царица Азвяковна» — вероятно жена хана Золотой Орды Узбека (1282—1342) — «Озбяка» русских летописей⁵⁸.

Башмак. Слово «башмак» впервые упоминается в словаре Махмуда Кашгари (XI в.) в значении «обувь», «туфля»⁵⁹. Оно также зарегистрировано в словарях ал-Замахшари (XII в.)⁶⁰, Ибн-Муханны (конец XIII или начало XIV в.)⁶¹, а также в ряде словарей кыпчакского языка с тем же значением. Это позволяет заключить, что слово «башмак» возникло в тюркской среде.

В русских письменных памятниках это слово встречается во второй половине XV века: «Видев же цар много злата и възъярився наипаче сполнися гордости и сверг башмак от правыа ноги и рече Захарии цар...»⁶².

Употребление слова «башмак» в «Сказании о Мамаевом побоище» в варианте, относимом к 80—90 годам XV века, подтверждает, что оно уже к этому времени достаточно широко использовалось в русском языке, а следовательно, должно было войти в него за несколько десятилетий до возникновения этого варианта былины, то есть, по-видимому, в первой половине XV века. К этому времени русские уже имели прочные связи с населением клонившейся к упадку Золотой Орды, по преимуществу кыпчаками, с жителями складывавшегося Казанского ханства — татарами, с населением Касимовского ханства — касимовскими татарами, мишарами. Эта этнографическая группа сложилась на основе кыпчакских элементов Золотой Орды, смешавшихся с местными финскими племенами и образовавшими в XIV—XV веках небольшие феодальные княжества на запад от Волги. Поэтому определить достаточно точно язык-источник, из которого было заимствовано слово «башмак», в настоящее время довольно затруднительно. Однако можно с уверенностью сказать,

⁵⁵ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 53.

⁵⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 36, 40.

⁵⁷ «Древнетюркский словарь», стр. 84.

⁵⁸ «Былины», I, стр. 9—10, 64—70.

⁵⁹ *Divanü Lügati't-Türk tercümesi*. Çeviren B. Atalay. Ankara, 1939, I, стр. 378.

⁶⁰ См.: Н. Н. Поппе. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб». — «Труды Института востоковедения АН СССР», т. XIV, М.—Л., 1938, стр. 402.

⁶¹ См.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 081; ср.: M. Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894, стр. 19 (араб. паг.).

⁶² «Сказание о Мамаевом побоище». — В кн.: «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 121.

что оно пришло в русский язык из языка кыпчакской группы — кыпчакского или татарского. П. И. Саввантов⁶³ и Н. К. Дмитриев⁶⁴ склонны считать это слово заимствованным из татарского языка.

Сказанное не позволяет согласиться с М. Р. Фасмером, который без достаточных оснований считает, что в русский язык это слово вошло из чагатайского⁶⁵.

В былинах киевского цикла слово «башмак» встречается в уменьшительной форме «башмачики» и сочетается с прилагательным «сафьянный». Так, в былинах «Илья Муромец и Идолище в Цареграде» говорится о «башмачиках сафьянных»⁶⁶.

Изучение содержания этой быliny, в которой ясно говорится о взятии Константинополя турками (1453 г.), позволяет установить ранний предел ее возникновения. Употребление же в тексте быliny тюркизма «башмачики», который мог появиться в русском языке в первой половине XV века, но, как свидетельствуют различного рода документы, описи одежды и т. д., получил широкое распространение лишь в XVI столетии, заставляет датировать этот вариант быliny не ранее, чем XVI и даже XVII веком.

Войлок. Это слово не представлено в древних тюркских языках. Фр. Миклошич считает его заимствованием из татарского языка⁶⁷ — *ойлык* 'покрывало'. Н. К. Дмитриев, относя это слово к тюркизмам, требующим дополнительной документации, склонен считать источником его кумыкское *боюлук* — то, что подкладывают под голову (под шею), то есть подушка из шерсти или войлока⁶⁸. Не оспаривая вероятность предложенной этимологии, мы тем не менее считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что в енисейских надписях встречается слово *уйук* 'войлочный чулок', а у Махмуда Кашгари — слово *уйма* 'войлок, из которого шьют обувь'. Хотя эти слова принадлежат двум различным языкам — енисейскому и уйгурскому, тем не менее сопоставление слов *уйук* и *уйма* с несомненностью говорит о том, что они имеют один и тот же корень *уй-*, по-видимому, 'войлок'.

Степняки-кочевники, какими были печенеги, кыпчаки, пользовались седлами, под которые подкладывали небольшие войлочные покрывала. Аффикс *-лык/-лик/-лук/-лук* широко используется во всех тюркских языках для образования среди прочих слов также существительных, обозначающих предмет, сделанный из какого-либо материала, в данном случае, из войлока, то есть **уйлук*. Если допустить, что русские могли познакомиться с этим предметом через кочевников, то с известной долей вероятности можно предположить, что такое слово должно было бы существовать в кыпчакском языке, из которого оно затем и перешло в русский язык. При этом, как и в ряде других слов, перед узким гласным развился протетический согласный *в*, что могло привести к переходу *у* в *о*. В пользу последней гипотезы говорит тот факт, что, во-первых, слово «войлук», встречающееся в былинах «Добрыня и Василий Казимирович», записанной в Южной Сибири, «Илья и Соловей-Разбойник» (вариант), «Илья и Калин-царь», записанных в Кижях, использовано в значении «покрывало»; во-вторых, второй слог этого слова *-лук* или в ослабленной форме *-лок* представляет собой не что иное, как тюркский суффикс *-лук*, то есть огубленный вариант суффикса *-лык*.

⁶³ П. Саввантов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского набора в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896, стр. 12.

⁶⁴ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 528.

⁶⁵ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I, М., 1964, стр. 139.

⁶⁶ А. Ф. Гильфердинг. Онежские быliny, т. I, стр. 430.

⁶⁷ Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, стр. 393.

⁶⁸ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 557—558.

Фрагменты былин, в которых имеется слово «войлучек», почти полностью совпадают, хотя они записаны в совершенно разных местах (например, в былинах «Первая поездка Ильи Муромца», «Илья и Соловей-Разбойник»⁶⁹, «Добрыня и Василий Казимирович», «Добрыня в отъезде»⁷⁰, записанных в Онежском крае, а также в былине «Илья Муромец и Калин-царь»⁷¹).

Караул. Этимология этого слова недостаточно ясна. Ни В. В. Радлов, ни Л. Будагов не указывают на его происхождение. Н. К. Дмитриев, отметив наличие этого слова в монгольском, чагатайском и татарском языках со значением «дозор, стража», возводит его к тюркской корневой морфеме *кара* — «смотреть»⁷². Таким образом, тюркское происхождение этого слова сомнению не подвергается.

В то же время следует отметить, что в языке орхонских памятников в надписи на памятнике Тоньюкуку (VIII в.) имеется слово *карагу* 'караул, пикет', сочетающееся с одним из двух глаголов: *карагу ур* 'держи караул', *карагу улугартдым* 'стражу возвысил': *jälmä qaḡaḡu ädgüti urḡu* 'не торопись ехать, хорошенько держи караул'⁷³; *Aḡuḡi qaḡaḡu ulḡartdyḡm...* 'Я возвысил стражу Аркуй...'⁷⁴.

По-видимому, можно считать, что предполагаемое слово **карагул* образовалось путем слияния устойчивого словосочетания *карагу ур* 'держи караул' или *карагу ол* 'будь в карауле' еще в древнетюркскую эпоху. Наше предположение подкрепляется также тем, что в словаре Ибн-Муханны⁷⁵ засвидетельствовано слово *карагчы* (*karagçı*) 'сторожевое охранение', из которого явствует, что основой этого слова является *караг*-, вероятно, образованное из *карагу*.

Из языка орхонских тюрков это слово могло перейти в языки как уйгурских, так и кыпчакских племенных групп. Так, в чагатайском встречается слово *карагол* с вариантом *караул*, а в кыпчакском — с переходом сочетания *аг > ау* — *карауул* (*qaḡavul*), зарегистрированное в словаре Абу Хайяна, относящемся к 1312 году⁷⁶. Наличие этого слова в кыпчакском языке дает твердое основание считать, что слово *караул* перешло в русский язык именно из кыпчакского. Его появление должно быть отнесено ко времени до XIV века, поскольку оно встречается впервые в грамоте митрополита Алексея от 1356 года и в Никоновской летописи под 1400 годом, в которых слово «караул» имеет значение «военный поселок», «форпост»⁷⁷.

Употребление слова «караул» в грамоте русского митрополита, не знавшего кыпчакского языка, а также использование его в летописи позволяет заключить, что в XIV веке это кыпчакское слово уже прочно вошло в словарный состав русского языка.

Слово «караул» в значении «стража», «охрана» встречается и в былинах, например, в былине «Волх Всеславьевич» в записи Кириши Данилова (XVIII в.):

Стоят караулы денные, ночные,
Стоит подворотная дорог рыбий зуб...⁷⁸

В другой былине «Гистория о славном и о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье-Разбойнике» в записи

⁶⁹ «Былины», стр. 134 (стрк. 28—30).

⁷⁰ Там же, стр. 92 (стрк. 251—253).

⁷¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Т. II, № 75, стр. 23 (стрк. 168—170).

⁷² Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря, стр. 536.

⁷³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 63, 68.

⁷⁴ Там же, стр. 64, 69; ср. стр. 411, 438.

⁷⁵ *Aḡtulla Battal [Ṭaymas]*. Ibnü-Mühennâ Lûḡati. Istanbul, 1934, стр. 37.

⁷⁶ *Abū-Hayyān. Kitāb al-Idrāk li-lisān al-Atrak*. Istanbul, 1931, стр. 70.

⁷⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка., стр. 1196; ПСРЛ. Т. XI, Никоновская летопись. СПб., 1862, стр. 184.

⁷⁸ «Былины», стр. 11 (стрк. 140—144).

XVIII века также встречается слово «караул» в том же значении: «И спал молодец Илья Муромец три дня и три ночи, а слуга его Тороп на карауле стоял»⁷⁹.

Колпак. Означает высокую шапку, обычно суживающуюся кверху. Это слово, вероятно, перешло к русским от печенегов или половцев и особенно от летописных «черных клобуков», упоминаемых впервые в 1152 году⁸⁰, которые носили высокие черные шапки. Однако в письменных документах слово «колпак» зафиксировано лишь в начале XVI века, что не снимает предположения о его употреблении в русской речи с гораздо более раннего времени.

Как в свое время отметил М. Р. Фасмер⁸¹, слово «колпак» в былинах приходит на смену слову «колокол» в значении «высокий головной убор», которое, видимо, является измененным в плане народной этимологии византийским словом *κορυμβόλλι*, давшим древнерусское *коу-коуль* > *коуколь* 'шапка'. Ко времени складывания былин киевского цикла, то есть в XIV веке, слово «колпак», видимо, было полностью ассимилировано и вытеснило слово «колокол».

В былинах слово «колпак» употребляется в словосочетании «шеломчатый колпак»:

Но' еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов⁸².

В той же былине встречается еще пример, из которого видно, что «шеломчат колпак» означает «шлем» — «шелом»:

...Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат колпак
И он начал, старенький, тут шеломом помахивать⁸³.

М. Р. Фасмер приводит выражение: Колпак земли греческой — «головной убор калик переходящих»⁸⁴. Это словосочетание имеется в нескольких былинах киевского цикла, например, в былине «Добрыня и Змей»: «То лежит колпак да земли греческой»⁸⁵.

Впоследствии значение слова «колпак» несколько сузилось и оно стало обозначать не всякий головной убор, шапку, как например, в турецком или татарском языках, а лишь головной убор, имеющий конусообразную форму.

Кушак. В этой форме данное слово представлено только в турецком языке, где оно имеет сложную смысловую структуру. В. В. Радлов сопоставляет его с чагатайским словом *кучак* 'охапка', 'вязанка'⁸⁶. Н. К. Дмитриев выводит это слово от глагольной основы *ку(р)ша-* 'опоясывать'⁸⁷, корневой морфемы, зафиксированной в форме *курша-* у Махмуда Кашгари⁸⁸. Причина выпадения *р* в этой корневой морфеме пока остается невыясненной.

Слово «кушак» встретилось лишь однажды в былине «Добрыня и Змей»: «...Под кушак он клал шалыгу подорожную...»⁸⁹.

⁷⁹ «Былины», стр. 238.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962, стр. 332.

⁸¹ М. Р. Фасмер. Шапка земли греческой. — «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина», (Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 34). СПб., 1909, стр. 45—64. Ср. М. Фасмер. Этимологический словарь..., т. II. М., 1967, стр. 294.

⁸² «Былины», стр. 217 (81—85).

⁸³ Там же, стр. 218 (стр. 94—95).

⁸⁴ М. Р. Фасмер. Шапка земли греческой, стр. 49.

⁸⁵ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, № 79, т. II, стр. 53—54 (стр. 155—160).

⁸⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, стр. 1007.

⁸⁷ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 540.

⁸⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 468.

⁸⁹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, стр. 59 (стр. 394—397).

Куяк. Доспех из круглых либо четырехугольных металлических пластинок или блях, набранных и пришитых на бархате, сукне и т. д.⁹⁰ Это слово представлено в древнеуйгурском языке в форме *куяг* или *куяк* со значением «панцирь», «кольчуга». Оно имеется в тексте «Кутадгу Билиг» (XI в.): *тугы кўбрюги бирлә берди куяг* 'он дал вместе с бунчуком и барабаном панцирь'⁹¹.

Слово «куяк» должно было войти в русский язык в ту эпоху, когда русские воины носили кольчуги как основной доспех, защищавший тело от поражения холодным оружием. А это время в известной мере может быть ограничено XVI веком, когда входит в употребление образованный от русского слова термин «кольчуга».

Слово «куяк» имеется в былинне «Дунай сватает невесту Владимиру» в сборнике Кирши Данилова:

...И обрал у девицы сбрую всю,
Куяк и панцирь с кольчугой⁹².

В этой же былинне употреблено также слово «панцирь», вошедшее в русский язык из средненемецкого языка, причем первое его упоминание в летописи относится к 1472 году. В связи с этим можно предположить, что данный вариант былины мог возникнуть не раньше XVI века.

Слово «куяк» в XIX веке еще сохранялось в рязанском и тамбовском говорах со значением «шлем, каска»⁹³.

• **Табун.** Это слово не обнаружено в древних тюркских языках, в том числе и в кыпчакском. Тем не менее, Н. К. Дмитриев считает возможным отнести его к числу тюркизмов, подтвержденных фактами⁹⁴. Объясняется это, по-видимому, тем, что слово «табун» представлено в современных татарском, башкирском языках в такой же форме «табун» и в казахском языке в форме «табын», то есть в нескольких тюркских языках кыпчакской группы. Это обстоятельство дает достаточные основания для предположения, что слово «табун» могло принадлежать кыпчакскому языку как языку-основе. Следует также отметить, что по своей семантической сфере это слово вполне соответствовало хозяйственному укладу жизни кыпчаков-половцев, имевших большие табуны лошадей, о чем неоднократно упоминают источники. Так, например, Ипатьевская летопись сообщает о том, что в 1095 году русские князья ходили походом на половцев и «взяша вежи, и полониша скоты, и кони, и верблюды, и челядь...»⁹⁵.

Одной из статей торговли русских с половцами были половецкие лошади, что нашло отражение в русской номенклатуре конских мастей — коурый, игрневый, чалый — прилагательных, перешедших в русский язык из кыпчакского (половецкого) языка.

Кыпчаки приводили лошадей на продажу стадами, которые они очевидно называли словом «табун». В русском языке этому слову не было соответствия. Поэтому можно предположить, что слово «табун» проникло в русский язык еще в период Киевской Руси.

Тексты былин показывают, что слово «табун» использовалось и как некая единица измерения количества не только лошадей, но и рогатого скота. Так, в былинне «Волх Всеславьевич», записанной в XVII

⁹⁰ П. Саввантов. Указ. раб., стр. 71.

⁹¹ «Древнетюркский словарь», стр. 464.

⁹² «Былины», стр. 312, стрк. 264—268.

⁹³ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II, СПб., 1881. стр. 230.

⁹⁴ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 544.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. II, Ипатьевская летопись. Пг., 1923, стр. 216.

беке, которая, судя по упоминанию в ней царицы Азвяковны (по-видимому, как указывалось выше, жены золотоордынского хана Узбека), могла сложиться не ранее второй половины XIV века, встречается слово «табун» в форме творительного падежа — «табуном», по существу ставшее уже единицей меры, счета:

...А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей⁸⁵.

В былинне «Изгнание Батыя» слово «табун» использовано в том же значении, но во множественном числе:

Похваляется: «Дашь недашь — за боём возьму...
...Добрых молодцев полною станицами,
Красных девушек пленницами,
Добрых коней табунами»⁸⁷.

Чулок. Слова, которое бы имело сходную с этим русским словом звуковую форму, в тюркских языках нет. Н. К. Дмитриев отнес его к тюркизмам, требующим дополнительной документации. При этом он отмечает, что слово «чулок» имеет, с одной стороны, отношение к тюркскому *чулгау*, тат. *чолгау* 'онучи, портянки', а с другой — к слову *юлук* 'кожа ноги', 'край подошвы'⁹⁸. Татарское слово *чолгау* 'онучи' имеет вполне регулярные фонетические соответствия: в башкирском — *сылгау*, в казахском — *шылгау*, и, наконец, в киргизском — *чылгау* 'онуча'. В словаре «Codex Cumanicus» зафиксировано слово *čulγau* со значением «чулок»⁹⁹. В. В. Радлов отмечает в чагатайском языке слово *чулгак* 'пеленка, тряпка', которое происходит от глагольной основы *чулга-* 'завернуть, пеленать'¹⁰⁰. В чувашском языке существует слово *чалха*, видимо, того же корня со значением «чулок»¹⁰¹.

Русская форма «чулок» или «чулки» ближе всего к чагатайскому *чулгак*, хотя, несомненно, непосредственной связи между носителями чагатайского языка и русскими не было. Препятствием к предположению, что слово «чулок» («чулки») могло быть заимствовано из кыпчакского, служит отсутствие фонемы *к* во всех словах языков, генетически связанных с кыпчакским. П. Я. Черных связывает слово «чулок» со словом «куль»¹⁰². Однако неясно, каким образом согласный *к* перешел в *ч*.

Наиболее раннее упоминание слова «чулок» в русских письменных памятниках относится к концу XVI века: «чулки сделати сафьян светлозелен, шит золотом и серебром, полуполные»¹⁰³. Судя по описям домашнего имущества московских царей, чулки шились из различных известных тогда материй — камки, атласа и т. д. Были также чулки из кожи, например, из сафьяна¹⁰⁴.

В былинах слово «чулок» встречается лишь несколько раз в уменьшительной форме «чулочки» в сочетании с прилагательным, называ-

⁸⁶ «Былины», стр. 13, стрк. 193—197.

⁸⁷ «Былины». I. стр. 168 (стрк. 95—98); стр. 169 (стрк. 128—130).

⁸⁸ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 563.

⁸⁹ K. Grönbech. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942, стр. 77.

¹⁰⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, стр. 2176—2177.

¹⁰¹ И. Г. Добродомов. Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. докт. дисс., М., 1974, стр. 24—25.

¹⁰² П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 78.

¹⁰³ П. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка..., т. III, стр. 1551.

¹⁰⁴ П. Савваитов. Указ. раб., стр. 168.

ющим материал, из которого они сделаны; например, в былине «Волх Всеславьевич», записанной в XVIII веке¹⁰⁵.

В былине «Алеша и сестра Петровицей-Збродовицей», записанной А. Д. Григорьевым на р. Пинеге, слово «чулочки» сочетается с прилагательным «беленькие»¹⁰⁶.

Таким образом, исследование тюркизмов в былинах киевского цикла позволило выявить наличие в них ряда тюркских лексем, которые в процессе долгого бытования в русском языке были им полностью ассимилированы и вошли в народную речь. Что же касается шестнадцати рассмотренных здесь тюркизмов, то сказанное можно резюмировать следующим образом:

1) языком-источником заимствования слова «боярин», или вернее, основы «бояр-», был, по-видимому, хазарский, менее вероятно, — болгарский язык;

2) языком-источником заимствования слова «шатёр» был, по-видимому, болгарский язык;

3) языком-источником заимствования слов «казак», «казна», «орда», «ярлык», «атаман», «барс», «башмак», «войлок», «караул», «табун» был кыпчакский язык;

4) языком-источником заимствования слов «кушак», «колпак», «куяк» и «чулок» мог быть как кыпчакский, так и существовавший несколько ранее кыпчакского, печенежский язык.

ное
вит
про
нос
ны

ны
год

пр
гер
до
сю
по
кл
жа
же
от
но
от

ко
пр
сл
ж

на
ли

с

з
н
в
н
н

¹⁰⁵ «Былины», стр. 8.

¹⁰⁶ «Былины», стр. 280 (стрк. 32—34, 40—42).

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

М. А. УНГВИЦКАЯ

ПРОБЛЕМА ФОЛЬКЛОРИЗМА В ХАКАССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Отношение хакасской литературы к фольклору явление неоднозначное. Оно обусловлено целым рядом факторов, в том числе этапами развития хакасской литературы и жанровой природой художественных произведений. Обращение писателя к фольклору определяется особенностями его творческой индивидуальности, присущим ему художественным восприятием действительности и стилем.

Освоение фольклорных традиций протекало различно на двух основных этапах литературного процесса в Хакасии — в 30—50-е и 60—70-е годы.

Отношение хакаских писателей к фольклору характеризуется прежде всего их вниманием к образцам народной лирики (*тахпах* и *ыр*), героического эпоса (*алыптыг ныхмах*), сказок (*ныхмах*), пословиц, загадок. Однако это вовсе не значит, что они повторяли образы, композиции, сюжеты фольклора, ибо развитие литературы и фольклора происходит по собственным законам. Если народный сказитель (в хакасском фольклоре *хайджи* или *тахпахчи*) импровизирует, то он тем самым продолжает сложившуюся фольклорную художественную традицию. Писатели же создают свои произведения на основе индивидуального собственного отношения к фольклорной традиции. Для писателя важно отобразить новь в жизни современной Хакасии, что требует от него нередко отказа от фольклорных форм, обновления и переработки их.

В хакасской литературе с самого начала ее зарождения, то есть с конца 20-х годов, появились образцы новых для нее жанров — поэзии, прозы и драматургии. Поэтому и проблему фольклоризма в 30-е годы следует рассматривать применительно к этим основным литературным жанрам.

В стихах, созданных в то время, в основном сохранялась традиционная фольклорная модель *тахпах*. Таково одно из первых в хакасской лирике стихотворений В. А. Кобякова «О Ленине» («Лениннецер»):

*Ах тасхыл чох полган полза,
Агын суг хайдаң килерчик?
Арғыс Ленин чох полган полза,
Арғыстас хайдаң пүдерчик?*

‘Если бы не было белых вершин,
Откуда быстрая река взялась бы?
Если бы не было товарища Ленина,
Откуда бы товарищество появилось?’

Это первое четверостишие стихотворения В. А. Кобякова почти дословно совпадает с широко известной народной песней.

Хакаские поэты, создавая образ нового человека-труженика, пользовались традиционными приемами, противопоставляя при этом мрачному дореволюционному прошлому счастливую жизнь при Советской власти. Это относится также к народным хакасским *тахпахам* и *ырам*. Но акцент и в народной, и в книжной поэзии был полностью перенесен на отображение новой жизни.

С самых своих истоков хакасская поэзия всегда питалась фольклором, его формами и образами, однако не довольствуясь простым повторением и заимствованиями, осваивая фольклорный материал творчески.

Для слуха хакасского читателя были привычны и близки мелодичные аллитерационные повторы стиха тахпах, и поэты-лирики поэтому использовали эту традиционную форму, наполняя ее новым содержанием.

Параллели-сравнения создавались по образцам народного песнетворчества. Празднование Первого мая сравнивалось с сиянием солнца, освещающего землю [В. Кобяков «Майның пастағы күні» («День Первого мая»)]. Советская Хакасия сравнивалась с расцветающей степью, с морем; жизнь по заветам Ленина уподоблялась могучему *тасхылу* (горю со снежной вершиной) [М. Аршанов «Чарых чылтыс» («Светлая звезда»)].

В 40-е годы в хакасской литературе появились более свободные формы, без обязательной прежде аллитерации.

В 30—50-е годы тема героического подвига, трудового и воинского, решалась в жанре лирики несколько декларативно и излишне прямолинейно. Тем не менее в этот период были созданы поэтические произведения, воплотившие типические образы людей Советской Хакасии, тему родины и дружбы народов.

В хакасской прозе 30-х годов прослеживается теснейшая связь с фольклором, с его героико-эпическими, сказочными и песенными традициями. Показательна в этом отношении небольшая повесть В. А. Кобякова «Айдо» о жизненном пути мальчика-пастушонка, батрака, под влиянием встреч с большевиками-партизанами пришедшего к правильному пониманию новых условий жизни хакасского народа при Советской власти. В экспозицию повести включен мотив трудного детства героя, что обычно для многих героических сказаний. Сюжет повести построен как история скитаний Айдо, его встреч с партизанами, бедняками. Айдо пробует свои силы в словесном поединке с баем Якыном — здесь явная связь со сказочной традицией. Для бытовой хакасской сказки типичен острый диалог батрака (*чох-чоос кизи*) и бая (*пай*). Язык повести богат и образен, основан на творческой переработке выражений, характерных для поэтической речи *алынтыг нымахов* «героических сказаний» [повторов синонимов — глаголов и деепричастий, а также существительных (*чарғы үлгү* «власть») и прилагательных (*хыныстыг-чылгыг* «радостный свет»)]. Характерно изображение чувств и переживаний Айдо в стиле языковых традиций хакасского героического эпоса и народной песни.

В драматургии, хотя и не традиционной для хакасской литературы, тем не менее также со всей очевидностью сказывалось влияние фольклорных жанров — героического эпоса, сказки, песенной стихии.

В 30-е годы Михаил Коков создал первую хакасскую драму «Акун». В 50-е годы как драматург выступил Михаил Кильчицаков — автор пьес «Всходы» и «Медвежий лог».

Историко-революционная драма «Акун» посвящена гражданской войне. Автор широко пользуется приемами хакасского фольклора. Контрастно противопоставлены в драме правда и ложь, свет и тьма, что прямо восходит к поэтике героических сказаний и сказок хакасов. В раскрытии образов нет психологической глубины. Лирические монологи заменены традиционными для героического эпоса, песнями. Тексты песен в большинстве случаев имеют фольклорные параллели. Фольклорная стилизация сочетается в драме с реалистическим показом событий гражданской войны в Хакасии, с утверждением исторической закономерности победы там Советской власти.

Отношение хакасских писателей к фольклорной традиции в 60—70-е годы заметно меняется. Фольклорные традиции в их произведениях выступают уже как ассоциативные и их можно обнаружить лишь путем анализа художественного текста. Вместе с тем весьма усиливается влияние русской и всей многонациональной советской поэзии. Однако народная поэзия для хакасской литературы, как младописьменной, все еще продолжает сохранять значение истока, национальной основы.

В стихотворных произведениях 60—70-х годов тоньше и глубже раскрываются психология, внутренний мир лирических героев.

В лирике 30—50-х годов господствовал «открытый», явный параллелизм, характерный для хакасского песенного фольклора. У М. Кильчичакова, например, родители, отправляющие своих взрослых детей в самостоятельную жизнь, сравниваются со старой лиственницей, с которой разлетаются орлята («Старая лиственница»). Аналогичные образы создавались и другими авторами.

В 60—70-е годы поэты, наряду с использованием новых форм, прибегают в отдельных случаях и к «открытому» параллелизму. Интересную мысль по этому поводу высказал У. Б. Долгат: «В поэтических параллельно-психологических структурах содержатся элементы медитативной философской лирики»¹. Образцом такого жанра является четверостишие М. Е. Кильчичакова:

Подгнил у лиственницы корень —
Листва ее зачахнет вскоре.
Когда мы портим жизнь себе,
Нам поделом. А детям — горе.

(«Старая лиственница». Перев. В. Буртынского).

Однако в большинстве стихотворений этого автора параллелизмы исчезают, все заметнее становится раскованное, свободное раскрытие темы, хотя при соответствующем анализе и обнаруживаются фольклорные истоки разработки темы. Так, например, в стихотворении «Разговор с сердцем» отсутствуют параллелизмы, но поэтика его, несомненно, восходит к фольклору. М. Кильчичаков использует в своем творчестве и традиционное для фольклора обращение к своему сердцу, доверительный разговор и даже диалог с ним. Эти стихи удивительно лиричны и глубоко раскрывают раздумья поэта о пройденных им трудных фронтовых дорогах:

Помню до каждого дня
Всю жизнь... Мы с пути не свернули...
Все горести мира прошли сквозь меня,
Следы оставляя, как пули.

(Перев. И. Фонякова).

Поэт обращается к своему сердцу с призывом отвергнуть спокойную жизнь во имя борьбы за мир, во имя добра и любви к человеку. Переживания лирического героя раскрываются проникновенно, во всей их реальности. Фольклорная традиция присутствует в глубинном подтексте.

Философские обобщения характерны в целом для лирики 60-х годов. Фольклорный образ при этом нередко становится исходным для изображения явлений жизни. В песенном фольклоре хакасов при описании внешности молодых героев традиционным является образ тополя. Этот образ используется Н. Доможаковым в стихотворении «Войско Сибирское». Его главная мысль — наследниками героических дел отцов, павших смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны, явля-

¹ У. Б. Долгат. Введение. — В сб.: «Роль фольклора в развитии литератур народов СССР», М., 1975, стр. 14.

ются их дети. И через все стихотворение проходит символический образ тополя, воплощающего в себе внешнюю и духовную красоту героев.

В творчестве поэтов 70-х годов проявляется стремление вырваться из фольклорной стихии, что особенно ярко проявилось в стихотворениях М. Кильчичакова из цикла «Монгольская тетрадь». Однако фольклорные реминесценции и ассоциации в отдельных стихотворениях этого цикла все еще продолжают давать о себе знать.

В 50-е годы М. Кильчичаковым была написана сказка «О хитрой лисе» — сатирическая поэма, в основу которой легли переработанные мотивы хакасской народной сказки и героического эпоса. В 70-е годы, продолжая создавать произведения в традициях народных хакасских сказок, раскрывавших повадки животных (например, сказка «Отчего у бурундука спина полосатая» и др.), М. Кильчичаков создает новые сказки-поэмы, в аллегорической форме изображающие типические черты характера людей, одержимых дурными страстями. Сказки этих лет отличаются большей лаконичностью, более полной и четкой обрисовкой характеров, многообразием образов, хотя и почерпнутых из сказочного фольклора.

Несколько особняком стоит, также связанная с фольклорным материалом, поэма М. Кильчичакова «Хара-хус» («Орел»). Стиль поэмы приподнято-торжественный.

В стиле героического эпоса излагаются рассуждения *Хара-хуса* (орла) о *Чил-айы* (месяце-октябре), обернувшемся могучим богатырем, которому вождь революции В. И. Ленин даровал великую силу, взятую у молний. Образы поэмы масштабны, монументальны. Не повторяя текстуально строк из хакасских *алыптыг ныхахов*, автор создает эпически величавое повествование, напоминающее по словарю речь народного хакасского сказителя — *хайджи*. В основе символики автора реальная жизнь.

У более молодого поколения хакасских поэтов проявляется свое отношение к фольклорной традиции. Характерным в этом отношении является творчество М. Баинова (сборники «Я пришел к тебе» и «Текущие реки», изданные в 60-е и 70-е годы). Здесь нет погружения в фольклорную стихию и обращения к фантастически-легендарным образам. Обогащение образного метафорического строя стихов происходит за счет творческого использования поэтических языковых средств песенных и эпических фольклорных жанров:

Как в сказке, богатырь-силач,
Шло молодое поколение:
Друзья, ровесники мои.
Весь тот напор и то волненье
До сей поры у нас в крови.

(«Путешествие во времени». Перевод А. Медведева).

Поэма М. Баинова «Путешествие во времени» посвящена теме строительства Саяно-Шушенской ГЭС. К фольклорным традициям восходит одушевление в поэме явлений природы, которые в героическом эпосе изображались как живые существа: *саргалып таң атханда* 'заря лучами стреляет', *сагылып күйн сыхханда* 'сверкая, солнце встает'. Своеобразны в поэме метафоры: «луна толчет в небесной ступке ледяной полуночи орех», сибирская природа «спит медведем да ходит тайменем (порода рыб в сибирских реках. — М. У.) в светлых струях стремительных рек», «здесь природа сама себе снится», «ледяным копытом разрывает ветер твердый снег на взгорках», «летит апрель золоторогий и первенец-ручей поет». Отношение к фольклорной традиции выражено в том же метафорическом ключе:

Песни древности, не умирайте,
 Будьте вечностью нашей.
 Вровень с небом, высоким и звездным;
 С отдыхающей пашней.
 Слово песни кропил я росой.
 Как живую водою...

(Перев. А. Медведева).

Закономерности обращения хакасской прозы к фольклору наиболее отчетливо проявились в первом романе Н. Г. Доможакова «В далеком аале» (1975). В нем фольклорные темы и образы, художественные приемы и изобразительные средства включаются в роман в творчески обработанном виде. Противоборствующие персонажи романа резко противопоставлены друг другу. Образы положительных героев представлены как бы озаренными солнечными лучами, образы их врагов — окутанными мраком. Противоборство добра и зла, доблести и трусости, верности и предательства закономерны для любого героического эпоса, вместе с тем это не противоречило и традициям, сложившимся в многонациональной советской литературе 20—30-х годов. Стиль повествования в романе весьма близок к эпическому, фольклорному.

Сказитель-хайджи, повествуя об очередном эпизоде из жизни своих героев, их поступках, подвигах, удачах и поражениях, обычно вплетает в свой рассказ описания рассвета, заката, звездного неба и т. п. Н. Г. Доможаков, следуя этой стилистической манере, описывая события, воздерживается от авторских комментариев, ибо лирические отступления в романе отсутствуют. Иногда речь автора становится особенно близкой к народной-эпической, даже напевной и рифмованной (*ах сырайлыг, сарыг сүрместиг, ачых харахтыг хызычах хыймырап чөрген* 'белолицая, русокося, с открытым взглядом девушка расхаживала'). Отсутствие лирических отступлений, характерное для героического эпоса, не мешает автору романа выразить свое теплое, доброе отношение к положительным героям.

Сочетание фольклорной и литературной традиций проявляется и в структуре романа — в его многоплановости, переплетении многих сюжетных линий. Картины мирной жизни героев перемежаются боевыми эпизодами.

Закljučая разговор о хакасской прозе 60-х и 70-х годов, можно констатировать, что в ней синтезировались фольклорные и литературные традиции.

Произведения хакасской драматургии 60—70-х годов существенно отличаются от пьес, созданных в 30-е и 40-е годы. Это отчетливо можно видеть на примере драмы «Всходы» М. Е. Кильчиачова, последний вариант которой был завершен автором в 1972 году. В пьесе нашли отражение начальный этап колхозного строительства и классовая борьба в хакасской деревне в 30-е годы. В отличие от драмы «Акун», в которой на первый план были выдвинуты главные герои, в пьесе «Всходы» дан коллективный образ народа — жителей аала. При этом метод социалистического реализма успешно сочетается с фольклорной традицией. В героическом эпосе хакасов всегда действует весь народ — *ил чон, ирга чон*. Однако фольклорный метод изображения событий используется писателем в творчески переосмысленном виде.

Влияние фольклора в драме «Всходы» нашло выражение в речи героев, богатой образно-выразительными средствами, характерными для языка фольклора — пословицами, поговорками, параллелизмами. Драматург включил в пьесу лирические песни-монологи и песни-диалоги в качестве средства характеристики героев. Если в эпосе песни часто носят застывший характер, создаются по раз и навсегда установленным канонам

нам, то драматург создал песни иного плана — ярко и живо характеризующие персонажей.

Сюжет сравнительно недавно написанной пьесы М. Кильчичакова «Ожившие камни» (1979) не связан непосредственно с фольклором. Однако фольклорное влияние в ней проявляется в обрисовке персонажей. Ведущий из них — Арчол — народный герой, активный борец против захватчиков, смел и мужествен. Истоки этого характера восходят к героическому эпосу — *кип-чоох*, относящемуся к периоду господства джунгарских ханов над хакасскими племенами в XV—XVII веках. Драматург не просто заимствовал из фольклора образ своего героя. Он обогатил его глубоким психологизмом, наделил новыми реальными человеческими чертами, в отличие от эпических героев — однозначных и прямолинейных.

В отдельных реминисценциях проявляется связь пьесы «Ожившие камни» с хакасским героическим эпосом о легендарном военачальнике Ёджен Матыре (Пиге). Герой этого народного эпоса погибает в бою с врагами и жена оплакивает его. В пьесе Арчол умирает от ран. Жена его падает ему на грудь и поет песню-причитание. Имеется фольклорный «прототип» и персонажа пьесы Хартыги — мелкого феодала, труса и предателя. Это Хан Мирген героического эпоса «Албынжы» — обманщик и лицемер. Однако персонажи пьесы — реалистические живые образы, психологически убедительные.

В пьесе картина угона в рабство, описание страданий пленниц во дворце Чимит-Хана как бы воскрешают эпизоды старых героических сказаний. Фольклорным источником сцены загадывания загадок Арчолу дочерью Чимит-Хана являются древние волшебные сказки о жестокой Хан-Хыс (девице-ханше), требующей от богатыря ответа на три загадки. Однако Абахай в пьесе не только жестока и хитра, но и способна любить. В традициях эпоса хакас Арчол и русский казак Ивашка становятся побратимами. Арчол произносит в связи с этим эпическую словесную формулу: они с Ивашкой будут вместе «как уши у коня, как рога у быка». Для сравнения приведем соответствующее двустишие из средневекового героического эпоса:

*Ат хулагы ікі харындас поларбыс,
Інек мүйүзі оре-нанчы поларбыс.
'Ушами коня мы, два брата, будем,
Рогами коровы мы, близкие друзья, будем'.*

Образ матери в пьесе также восходит к фольклорному образу матери героических сказаний.

Связи хакасской литературы и фольклора в 60—70-е годы характеризуются сложностью и многообразием. Для прозы этого периода остается характерным противопоставление образов как один из способов их группировки, их деления на положительные и отрицательные. Причем это противопоставление персонажей, в отличие от традиционных, подкрепляется выразительными и оригинальными авторскими эпитетами и сравнениями.

Противопоставление образов встречается и в драматургии. Однако традиционное для эпоса деление персонажей на «положительных» и «отрицательных» выступает не столь резко и перестает быть непременным законом группировки образов.

В лирике хакасских поэтов литературный образ также восходит к фольклорному, однако и здесь авторы стремятся к собственным индивидуальным методам раскрытия духовного мира героев.

Таким образом, можно сказать, что фольклорные традиции продолжали оставаться характерными для всех жанров хакасской литературы как 30-х, так и 70-х годов.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. З. ЗАКИЕВ

О ТЮРКСКОЙ МОРФОНОЛОГИИ

Основные теоретические положения тюркской грамматики развиваются под непосредственным влиянием русистики. Каждая новая грамматическая теория в русской лингвистике рано или поздно распространяется и на тюркологию. Так случилось и с морфонологией, которая занимает прочное место в русской грамматике и начала заявлять о себе и в тюркологических работах.

1. Выделение отдельных традиционных, а также и некоторых новых, проблем фонетики, фонологии и морфологии в особый раздел грамматики, называемый обычно «морфонологией», а иногда — «морфофонологией», «фономорфологией» или «морфофонемикой», в русской лингвистике началось еще в 30-е годы. Сам термин «морфонология» и круг проблем, включаемых в этот раздел грамматики, впервые были определены Н. С. Трубецким в 1929 году [1] и 1931 году [2]. Он писал, что под морфонологией надо понимать исследование морфологического использования фонологических средств какого-либо языка [3, 115]. Морфонология как связующее звено между морфологией и фонологией должна, по его мнению, занять достойное место в грамматике любого языка. Только языки, не имеющие морфологии в собственном смысле этого слова, могут обойтись без морфонологии.

По мнению Н. С. Трубецкого, полная морфонологическая теория состоит из следующих разделов: 1) теории фонологической структуры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию. Из этих трех разделов только первый имеет значение для всех языков. Другие в различных языках проявляются по-разному. Так, по мнению автора, в агглютинирующих языках теория комбинаторных звуковых изменений морфем составляет основную часть морфонологии [3, 116—117]. В индоевропейских языках получили широкое распространение исторические чередования фонем, относящиеся больше к морфологии, нежели к фонологии.

Н. С. Трубецкой первым дал определение морфемы — основной единицы морфонологии. По его мнению, в словоформах *рука* и *ручной* морфы *рук* и *руч* составляют одну морфему, где исторически чередующиеся *к~ч* представляют собой комплексный образ, то есть одну морфему. В системе Н. С. Трубецкого комбинаторно чередующиеся фонемы также образуют морфему.

В зарубежном славяноведении после Н. С. Трубецкого морфонологией вплотную занимались многие ученые. В отечественной русистике морфонологическая теория Н. С. Трубецкого стала предметом обсужде-

ния в 50-е годы. Исходя из учения И. А. Бодуэна де Куртенэ об альтернации, А. А. Реформатский полностью отрицает необходимость выделения морфемы как единицы морфонологии. Из трех морфонологических разделов, выдвинутых Н. С. Трубецким, он принимает лишь последний, то есть считает, что «в морфонологии могут оставаться лишь традиционные чередования» [4, 102].

Дело в том, что еще в конце XIX века И. А. Бодуэн де Куртенэ разграничил две категории звуковых чередований (альтернаций): 1) комбинаторно обусловленные чередования и 2) чередования, основывающиеся только на традиции, и рекомендовал относить первые к фонетике, вторые — традиционные альтернации — к морфологии [5, 360]. Такая точка зрения И. А. Бодуэна де Куртенэ послужила основой и для другой статьи А. А. Реформатского [6], в которой он к морфонологии относит лишь «фонемное изменение морфем, не зависимое от фонологических позиций, т. е. по Бодуэну, традиционные альтернации как регулярные (*леку — печёшь, бегу — бежишь*), так и нерегулярные (*берегу — беречь, могу — мочь*) с указанием морфонологических условий и ситуаций. Конечно, здесь „в перспективе“ надо учитывать и те альтернации, которые облечены грамматическим значением (внутренняя флексия: *избегать — избежать*, но не включая ее в ареал морфонологии)» [6, 117].

Необходимо сказать, что тюркские языки в орбиту морфонологических исследований впервые ввел А. А. Реформатский. В 1955 году он, исследуя сингармонизм в казахском и киргизском языках, заключил что сингармонические пары тюркских гласных должны изучаться только в пределах фонетики, что это явление «в грамматический факт не перерастает» [4, 106], и, следовательно, не должно выделяться в морфонологию.

О. С. Ахманова понимает морфонологию весьма широко, а именно как науку, исследующую принципы употребления разных фонем для образования морфологических элементов [7, 52]; однако при анализе языкового материала в морфонологию включает в основном морфологические чередования, считая не обязательным выделение морфемы как отдельной языковой единицы и ограничивается термином «морфонологическое чередование» [7, 53].

В. А. Редькин еще больше расширяет границы морфонологии. По его мнению, морфонология — это учение о структуре слова и составляющих его компонентах в терминах фонем и просодем. К морфонологическим средствам он относит ударение, порядок следования и правила сочетаемости компонентов слова, правила их варьирования — чередования фонем, интерфиксацию и некоторые другие элементы звукового состава компонентов слов [8, 7]. Морфемы В. А. Редькин не выделяет.

Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова вслед за В. А. Редькиным считают, что к морфонологии относится описание структуры морфемы в терминах фонологии, то есть морфонология представляет собой учение о фонологической структуре морфемы [9, 101, 118]. Непосредственным объектом морфонологии они считают морфонологические ряды, сводимые ими к традиционно чередующимся фонемам. Морфеме как единицу морфонологии они не признают и поэтому, по их мнению, сама морфонология не составляет базисного уровня языка [9, 119].

В. В. Лопатин и И. С. Улукханов выдвигают в качестве задач морфонологии изучение следующих нерегулярных явлений: 1) чередование конечного согласного основы (*новый — новь, вертолет — вертеть, дикий — дичь, сладкоежка — еда*); 2) сдвиг ударения (*водопровод — проводить*); 3) усечение основы (*крепкий — крепость, глубокий — глупина, пятипалый — палец*); 4) интерфиксы -л, -в, -т в сложениях с нулевым суффиксом (*старожил, стеклодув, шерстобит*); 5) наложение морфем (*лермонтовед, яблокрад*) [10, 127—130].

С. Б. Бернштейн в морфонологию включает лишь грамматические и традиционные чередования и относительно ее единицы заявляет, что отрицательную роль в истории морфонологии сыграло выделение фактически несуществующей единицы — морфемы [11, 59].

В таком традиционном направлении решаются проблемы морфонологии в «Русской грамматике» 1980 года [12 и 13]. Здесь для нас в данном случае очень важны следующие положения о морфонологии: ее объектом является не обусловленная фонологической позицией закономерная замена фонем в алломорфах одной и той же морфемы при слово- и формообразовании (*рука—ручка, нога—ножка, соха—сошка; пекю—печешь, резать—режу*). Такие чередования в настоящее время хотя и не могут быть объяснены фонологическими закономерностями современного языка, однако объясняются они «исторически: живыми фонетическими процессами, происходившими в отдаленную эпоху существования языка» [12, 127—128]. Из этого разъяснения наглядно видно, что русская морфонология в известной степени заменяет историческую фонетику. Именно в этом заключается уязвимость принципа включения в морфонологию лишь традиционных чередований. Кроме чередований, в морфонологии рассматриваются и усечение, наращение основ. Здесь морфонема как самостоятельная единица не признается [13, 413—452].

Представляет большой интерес раздел морфонологии «Русской грамматики», составленной последователями Пражского лингвистического кружка, теоретиками которого морфонология была выдвинута как самостоятельный раздел грамматики [14, 100—130]. По мнению авторов этой грамматики, в морфонологии должны изучаться лишь неавтоматические (традиционные) чередования. Здесь приводится репертуар русских морфем и показано их конкретное функционирование.

В 1973 году вышло отдельной книгой первое монографическое исследование русской морфонологии [15]. Его автор В. Г. Чурганова к проблемам морфонологии относит: «1) порядок и состав фонем корня, суффикса, префикса, окончания; 2) модификации порядка и состава фонем при связывании этих элементов в слово; 3) регулярные модели таких модификаций и их место в системе словообразования и словоизменения; 4) закономерности выбора морфологических элементов, зависящие от состава и порядка фонем в них» [15, 33]. По ее мнению, морфонология должна оперировать двумя понятиями: 1) понятием перехода от фонологической системы к морфонологии, 2) понятием перехода от морфонологии к морфологии. Первое понятие представляется морфемой, второе — субморфом. Морфонема — это один из классов сходных фонем, рассматриваемых в качестве компонентов реальных морфем, которые морфологически ведут себя сходным образом. Морфемы принадлежат к разным фонологическим и одинаковым морфологическим позициям [15, 9—11]. В русском языке морфонема выступает чаще всего как ряд фонем, включающий в себя фонему в сильной позиции и одну или больше архифонем, то есть фонем в слабой позиции. Например, в словоформах *vós, vazi, vivəs, p'ər'ievóSkə* морфема (морф) *voz* выступает как блок, состоящий из трех рядов фонем: 1) *v*, 2) *o, ʌ, ə*, 3) *z, S, s*. Единство фонем каждого такого ряда, занимающего определенное место в морфеме и распределяющего свои составляющие в зависимости от фонологических и общеморфологических позиций, и называется морфемой. Следовательно, морфонема — это «единица, отражающая единство сильных и слабых фонем одного класса, рассматриваемых в качестве компонента реальной морфемы (морфа)» [15, 34—35]. В. Г. Чурганова в русском языке устанавливает 37 согласных и 5 гласных морфем.

По мнению автора, субморф — это высшая единица морфонологии, он представляет единицу, выражающую морфонологическое единство регулярно организованных элементов звуковой оболочки слова, не вычленимых на морфологическом уровне, с вычленимыми элементами. Например, единство *-ец* в слове *гор-ец* с *-ец* в слове *огурец*; единство *-к* в слове *руч-к-а* с *-к* в слове *почк-а* [15, 37—38]. Здесь вводится еще и понятие морфонологической позиции, которая определяет выбор морфонологических единиц (свободы их, запрета или предпочтения).

К монографическим морфонологическим исследованиям относится и книга Н. Е. Ильиной по морфонологии русского глагола [16]. Здесь более конкретно определяется задача морфонологии, то есть изучаются лишь традиционные чередования фонем в морфемах. Несмотря на то, что термин «морфонема» отвергается многими советскими лингвистами, Н. Е. Ильина доказывает его жизнеспособность. Морфонемой признаются фонемы, чередующиеся в зависимости от грамматических условий.

Все эти положения русской морфонологии в какой-то степени приняты или принимаются и тюркской лингвистикой.

2. В 1974 году И. П. Павлов впервые в тюркологии при рассмотрении фонологических явлений, происходящих между морфемами в рамках лексемы (чередования фонем, вставки фонем, наложения морфов и усечения морфа основы) [17] в чувашском языке, включает их в морфонологию. В качестве морфонологических элементов (единиц) он выделяет морфонеми, интерфонемы, общие и усекаемые фонемы. Задачу морфонологии И. П. Павлов понимает как изучение: а) фонематической структуры морфем, б) закономерности соединения морфем в слове.

В 1976 году традиционные проблемы фонетики, как-то: гармония гласных и согласных, ассимиляция, чередования были описаны Э. Р. Тенишевым как морфологически значимые явления. По этому поводу он пишет: «Под фономорфологией понимается совокупность фонологических и фонетических средств, которые применяются в морфологических целях или сопровождают явления морфологии» [18, 39]. Здесь конкретно указывается на чередующиеся фонемы в морфемах, но они не называются еще специальным термином «морфонема». Кроме того, здесь нет деления явления чередования на позиционные (фонетические) и традиционные (морфологические), как это принято в русистике. Как морфонологические явления Э. Р. Тенишевым рассматриваются в основном позиционные изменения (чередования) фонем.

В 1980 году вышла специальная работа по морфонологии в агглютинативных языках [18]. Автор ее В. И. Золхоев определяет фонологию как фонологию слова, а морфонологию — как фонологию морфем. «Поскольку слово состоит из морфем, — пишет этот автор, — то, естественно; фонология слова включает в себя фонологию морфемы, т. е. морфонология является частью фонологии слова» [19, 4]. В задачу морфонологии он включает: а) описание фонемной структуры морфем; б) описание нормы сочетаемости согласных фонем в пределах и на стыках морфем; в) чередование фонем. Вслед за русистами единицей морфонологии автор считает комплексный образ чередующихся фонем (*рука*—*руч-кой*=*к*—*ч*). В отличие от русистов, в разряд морфем В. И. Золхоев включает комплексный образ не только исторически, но и позиционно чередующихся фонем [19, 5].

В 1981 году в башкирской академической грамматике А. А. Юлдашевым предпринимается удачная попытка систематического описания морфонологических явлений башкирского языка [20]. Предметом тюркской морфонологии автор считает изменение фонетической природы: а) основы и аффикса при агглютинации, б) производящих основ при сложении и редупликации. Сюда входит изучение чередования фонем в

морфемах, причем чередования вообще не делятся на исторические (традиционные) и фонетические (регулярные). А. А. Юлдашев рассматривает в основном фонетические (позиционные) чередования фонем при агглютинации, сложении и редупликации морфем. Чередующиеся фонемы называются им единой фонемой, термин «морфонема» для их обозначения он не применяет.

Годом позже, в 1982 году, фонетические явления, имеющие отношение к применению морфем в различных окружениях, были изложены в самостоятельном разделе «Морфонология» вузовской программы татарского языка [21]. Автор раздела М. З. Закиев понимает морфонологию как учение о фонологической структуре морфем, но в разряд морфем включает только комплекс чередующихся фонем, также не разграничивая чередований традиционных от так называемых позиционных.

По-видимому, имеются и другие тюркологические исследования по морфонологии, в которых вышеупомянутые проблемы выделены в самостоятельный раздел. Не ставя целью дать полный обзор имеющейся литературы, мы хотели бы показать основные вехи становления морфонологии в русистике и пути проникновения их в тюркологию. Как видно из обзора, пока нет единых принципов выделения морфонологии и ее основной единицы морфонема ни в русистике, ни тем более в тюркологии. Думается, что уже настало время начать разговор о предмете изучения и задачах тюркской морфонологии.

3. Из приведенного выше обзора следует, что во всех случаях морфемы в морфонологии рассматриваются в их движениях. В процессе движения, то есть применения в речи, тот или иной морф попадает в различное фонетическое окружение, характер которого зависит от фонемного состава соседствующих морфем. Это фонетическое окружение становится причиной звукового изменения морфемы. Только вот такое звуковое изменение морфемы фактически и изучается во всех вышеприведенных морфонологических работах. Следовательно, к морфонологии мы можем отнести проблемы, связанные только со звуковыми и фонетическими изменениями, происходящими в морфемах в различных позициях и окружениях.

Что касается изучения фонемной структуры слова (морфемы) вообще, то следует признать, что это с самого начала входило и должно было входить в задачу фонетики. Кстати, в теоретических трудах последних лет из состава традиционной фонетики выделяется самостоятельный раздел — фонология. К задачам фонетики относят изучение: 1) артикуляции звуков, 2) позиционных изменений звуков, 3) сочетания звуков в словоформах, 4) слога и видов слогов; а к задачам фонологии — изучение состава фонем, неделимых далее звуковых единиц языка, служащих для построения словоформ и для различения их звуковых видов, с которыми связывается в языке смысловое содержание.

При этом необходимо уяснить, какие же чередования в морфемах должна охватить тюркская морфонология. Выше мы видели, что русская морфонология включает в себя только традиционные (или иными словами — исторические, морфологические, нерегулярные или неавтоматические) чередования. Позиционные (или иными словами — комбинаторные, фонетические, регулярные или автоматические) чередования, основанные на ныне действующих фонетических закономерностях, в русской морфонологии не рассматриваются. Для того чтобы четко отличить позиционные чередования от традиционных, объясняемых только исторически, то есть живыми фонетическими процессами, происходившими в отдаленную эпоху существования языка [12, 128], их принято именовать «позиционными изменениями звуков».

Этот принцип выделения русской морфонологии в какой-то степени

совпадает с принципом выделения части исторической фонетики, изучающей исторические позиционные звуковые изменения, то есть при таком объяснении можно определить морфонологию как учение об исторических позиционных звуковых изменениях в морфемах.

Ограничение рамок морфонологии только традиционными звуковыми изменениями (чередованиями) при движении морфем в флективных языках может быть оправдано тем, что в них во многих случаях корневая морфема не имеет твердого, стандартизованного состава фонем, поэтому «поле деятельности» морфонологии, если даже она ограничится изучением исторических чередований в морфемах, будет достаточно обширно. Что касается агглютинативных языков, то в них ограничение рамок морфонологии только традиционными чередованиями в морфемах весьма неоправданно, ибо в этих языках корневые морфемы в своем подавляющем большинстве имеют стандартизованный, твердый состав фонем, и сравнительно немногие случаи традиционного чередования можно было бы объяснить особенностями исторической фонетики. Кроме того, необходимо учесть, что в агглютинативных, в частности, тюркских, языках даже в традиционных фонетических исследованиях исторические чередования (альтернации) обычно не выделяются из позиционных звуковых изменений. Исходя из этого, мы считаем вполне правомерным включение тюркологами в орбиту тюркской морфонологии изучение как позиционных, так и традиционных чередований, то есть фонетических изменений морфем в их движении — применении. В связи с этим необходимо отметить, что в тюркологии больше изучены позиционные изменения. Предстоят серьезные, кропотливые исследования в рамках морфонологии и по тюркской исторической альтернации.

При таком подходе к тюркской морфонологии возникает вопрос: отнести ли описание позиционных звуковых изменений к задачам только морфонологии, исключив из фонетики, или изучать их и в фонетике, и в морфонологии? По нашему мнению, они должны быть предметом изучения и здесь, и там: в фонетике они должны изучаться для выяснения их артикуляционных особенностей, в морфонологии — в целях установления репертуара чередующихся фонем и звуков в составе морфем при их использовании в различных фонологических (морфемных) окружениях.

В русистике принято считать, что морфонология «ниже фонем не спускается» [6, 117] и в свою орбиту не включает изучения изменений морфем на уровне звука, то есть она изучает чередование только фонем, а не звуков. Такое ограничение для тюркской морфонологии нельзя считать подходящим. Если морфонология изучает характер изменения звучания морфем в различных окружениях (позициях), то, в целях воссоздания полной картины таких изменений морфем, морфонология должна охватить чередования как на уровне фонем, так и на уровне звуков. К такой мысли склоняется в русистике и В. Г. Чурганова, когда она считает морфемами приведенные выше ряды в соответствующих словоформах [15, 34]. Нет никакого основания не включать в морфонологию чередование звуков $a-a^{\circ}$ (в словоформах $ба^{\circ}ла-ба^{\circ}ла^{\circ}лар$ 'дети') только потому, что мы, как бы заранее договорившись, согласились не включать такое чередование в морфонологию. Следовательно, в тюркской морфонологии необходимо изучать чередования как фонем, так и звуков в морфемах.

Что касается описания в морфонологии вообще фонемного состава морфем, косаеваемости согласных или гласных в них, фонемного допущения или недопущения начала и конца морфем, то надо признать, что это всегда проводилось и должно проводиться в фонетике. Примером

может служить раздел фонетики в «Русской грамматике» издания 1980 года.

Обычно утверждают, что морфонология является связующим звеном между фонологией и морфологией. Тогда как дело обстоит несколько иначе. Морфонология как учение о звуковых и фонологических изменениях морфем в их движении, применении (то есть в различных позициях или окружениях) тесно связана и с фонетикой (ибо позиционные изменения, относимые обычно к фонетике, являются по существу также чередованиями, но основанными на живых фонетических процессах), и с фонологией (ибо и там и здесь изучаются фонемы, но в фонологии — их смыслоразличительные, релевантные особенности, в морфонологии — нерелевантные).

Морфонология тесно связана также и с морфологией и синтаксисом, так как она должна изучать фонетические изменения морфем при применении их в пределах не только словоформ (при агглютинации, сложении и редупликации морфем), но и синтагм. Это особенно характерно для тюркских языков. Как известно, в последних в потоке речи интонационно выделяются не слова, а синтагмы. Когда синтагма состоит из нескольких слов, последние подчиняются одному фразовому ударению и произносятся слитно. При этом на швах слов, составляющих синтагму, происходят различные фонетические изменения, то есть при этом конечная и начальная морфема двух встретившихся в синтагме слов могут претерпевать фонетические изменения. Например, в тат. *Ул эштэгге атны килеп алып китте* 'Он увел лошадь, находящуюся на работе' состоит из трех синтагм и произносится следующим образом: *Ул|эштэггатны|киле-бапкитте*. Во второй синтагме на стыке двух слов появилось звуковое изменение *е—ø*, то есть произошла замена фонемы *е* (*эштэгге*) нуль фонемой (*ø*). В третьей синтагме на первом шве произошла замена фонемы *п* фонемой *б*, на втором стыке — замена *-лы* нуль фонемой, то есть *-лы — ø*.

Таким образом, морфонема связана не только с фонологией и морфологией, но и с фонетикой и синтаксисом. Она связана также и с просодией, ибо в различных окружениях в связи с изменением ударения морфемы могут претерпевать различные звуковые изменения.

Поскольку морфонология тесно связана с другими разделами лингвистики, она имеет отношение и к их единицам: звукам, фонемам, (сегментным), просодемам (суперсегментным фонемам), морфемам, словам, синтагмам. Наряду с этими единицами морфонология имеет свою собственную единицу — морфону. Звуки или фонемы, чередующиеся при применении морфем в различных позициях, объединяются в морфону. При этом морфема, состоящая из чередующихся звуков, по объему совпадает с фонемой, но для изучения их чередования в различных морфах одной и той же морфемы, они признаются морфонемами и соответствуют улашинскому пониманию морфонеми [об этом см: 16, 21]. Морфонема, состоящая из чередующихся фонем, находится выше фонем на один уровневый порядок.

Как в русской, так и в тюркской морфонологии кроме общепризнанной замены одного звука другим, одной фонемы другой, рассматриваются и случаи усечения основы (рус. *реветь—рев-ø*, *обману-ть—обман-ø*; тат. *халык* 'народ' — *хал-øk+ым* 'мой народ'), наращения основы или вообще морфем (рус. *лив-ть—лив-ень*, *пев-ть—пев-ец*; тат. *өч-эяр* 'по три' — *алты-шар* 'по шесть'), совмещения морфов (рус. *Курск+ский=Курский*; тат. *син+нең=синең*), и интерфиксации (рус. *языкознание, энергосистема*; тат. только в заимствованиях: *трагикомедия, технолог*). Все эти случаи в конечном счете могут быть отнесены к чередо-

ваниям фонем в морфемах в процессе их применения в различных позициях. Для ясного показа чередования в таких случаях принято подчеркивать наличие нуль фонемы ($\emptyset$) и показывать морфемному через посредство ее. Так, в словоформах *халык* — *халкым* имеется морфонема *ы*— $\emptyset$; в словоформах *өч-әр* — *алты-шар* отмечается морфонема $\emptyset$ —*ш*.

В татарском языке можно предварительно определить следующие модели морфем: 1) звук — звук (*а*—*а°*: *ба°ла*—*ба°ла°лар*); 2) фонема — фонема (*н*—*т*: *-нан*, *-тан*); 3) нуль фонема — фонема ($\emptyset$ —*ш*: *өч-әр* — *алты-шар*); 4) фонема — нуль фонема (*ы*— $\emptyset$: *халык* — *халкы*); 5) комплекс фонем — фонема (*шел* — *м*: *яшел*+*яшел*=*ямь-яшел*); 6) комплекс фонем — нуль фонема (*лы* — $\emptyset$: *алып кит* — *апкит*). В результате конкретных морфонологических исследований могут быть установлены и другие модели татарских и вообще тюркских морфем.

Таким образом, подобно названиям других разделов грамматики, термин морфонология применяется в двух основных значениях: во-первых, морфонология — это все случаи или система звуковых и фонемных изменений морфем в процессе их применения во всевозможных окружениях; во-вторых, морфонология — это учение о таких изменениях. Любое изменение может сводиться к чередованию звуков, фонем или комплекса фонем. Именно поэтому собственная единица морфонологии — морфонема, определяется как чередующиеся звуки, фонемы или комплексы фонем.

Для проведения контрастивно-сопоставительных исследований, которые в условиях двуязычия становятся жизненно необходимыми, при классификации морфонологических чередований в тюркологии прежде всего необходимо противопоставлять регулярные (позиционные) чередования нерегулярным (традиционным) чередованиям, чередования звуков — чередованиям фонем, а их — чередованиям комплекса фонем. Другие принципы классификации будут зависеть от конкретного подхода ученого, который проведет специальные морфонологические исследования по отдельным тюркским языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. N. S. Trubetzkoy. Sur la «morphologie». — Travaux de Cercle Linguistique de Prague, vol. I, 1929.
2. N. S. Trubetzkoy. Gedanken über Morphonologie. — Там же, vol. IV, 1931.
3. Н. С. Трубецкой. Некоторые соображения относительно морфонологии (перевод его статьи, обозначенный в данном списке под номером 2). — В сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 115—118.
4. А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). — В сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 92—112.
5. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Фонология (1899); см. его же: «Избранные труды по общему языкознанию», Т. I, М., 1963, стр. 353—361.
6. А. А. Реформатский. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах. — В его кн. «Фонологические этюды», М., 1975, стр. 98—118.
7. О. С. Ахманова. Фонология, морфонология, морфология. М., 1966, стр. 108.
8. В. А. Редькин. Построение раздела «Морфонология». — В сб. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 7—49.
9. Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова. О статусе морфонологии и единицах ее описания. — В сб.: «Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие», М., 1969, стр. 87—119.
10. В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. К соотношению единиц словообразования и морфонологии. — В сб.: «Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие», М., 1969, стр. 119—132.
11. С. Б. Бернштейн. Введение в славянскую морфонологию. — «Вопросы языкознания», 1968, № 4, стр. 43—59.
12. В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Основные понятия морфематики. — «Русская грамматика. I», М., 1980, стр. 123—132.

13. В. В. Лопатин. Морфонологические явления в словообразовании. — «Русская грамматика. I», М., 1980, стр. 413—452.
14. «Морфофонемика». — «Русская грамматика. Т. I», Прага, 1979, стр. 100—130.
15. В. Г. Чурганова. Очерки русской морфологии. М., 1973.
16. Н. Е. Ильина. Морфология глагола в современном русском языке. М., 1980.
17. И. П. Павлов. Краткий очерк морфологии современного чувашского языка. — В кн.: «Чувашский язык, литература и фольклор. Сборник статей. Вып. 4», ЧНИИ, 1974, стр. 3—44. Продолжение статьи см. в кн.: «Чувашский язык и литература». — «Труды ЧНИИ», вып. 53, 1975, стр. 3—18.
18. Э. Р. Темишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, раздел «Фономорфологические особенности», стр. 39—46; *его же*. Строй саларского языка. М., 1976, раздел «Фономорфологические особенности», стр. 93—99.
19. В. И. Золхоев. Фонология и морфология в агглютинативных языках. (Особенности функционирования системы фонем). Новосибирск, 1980.
20. А. А. Юлдашев. Сведения по фономорфологии. — «Грамматика современного башкирского литературного языка», М., 1981, стр. 79—87.
21. «Морфонология». — «Хазерге татар әдәби теле». Программа для вузов. Казань. 1982, стр. 10—11.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Р. ДАНИЯРОВ, Л. В. ДАНИЛОВА

УЗБЕКСКАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что общественные функции узбекского литературного языка за годы Советской власти чрезвычайно расширились. Образовался огромный лексический пласт общественно-политической и научно-технической терминологии, развилась и пополнилась терминология различных отраслей народного хозяйства Узбекистана¹.

Общепризнанным среди специалистов является то, что в развитии терминологии узбекского языка огромную роль играет русский язык. Поэтому не случайно в настоящее время много внимания уделяется изданию русско-узбекских специальных и отраслевых терминологических словарей. Изданы терминологические словари по физике, математике, географии, физкультуре и спорту, ботанике, зоологии, химии, истории, экономике, астрономии, физике атмосферы, метеорологии, педагогике, психологии, музыке, медицине, анатомии и физиологии, фармакологии, садоводству, виноградарству, хлопководству, агропочвоведению, растениеводству, сельскому хозяйству, геологии и геологоразведке, черчению, гидротехнике, механике, полупроводникам, электрическим машинам, технологии машиностроения, вычислительной технике, теории машин и механизмов, военному делу, философии, атеизму, делопроизводству, грамматике, литературоведению, а также словари русско-интернациональных слов.

В последние годы издан ряд научных исследований, посвященных разработке актуальных проблем узбекской терминологии².

Эти работы показывают, что общественно-политическая и научно-техническая терминология узбекского языка развивается благодаря использованию его внутренних ресурсов, а также внешних лингвистических источников. В качестве внутренних ресурсов используются словообразовательные средства узбекского языка (семантический способ, аффиксация и композиция). К внешним лингвистическим источникам терминологии относятся заимствования и калькирование русско-интернациональных слов и их элементов.

Узбекский язык относится к старописыменным языкам, в нем истарил была развита терминология по математике, астрономии, языкознанию, медицине, музыке, теософии, судебноп-правовому делу, и, в особенности, профессионально-ремесленная, земледельческо-животноводческая, садоводо-бахчеводческая терминология. Многие старинные термины продолжают функционировать в узбекском языке и по сей день.

Изучение истории развития терминосистемы узбекского языка свидетельствует, что его формирование происходило путем использования

не только тюркских, но и ирано-таджикских и арабских слов и элементов. Некогда заимствованные иноязычные слова и элементы настолько фонетически и грамматически адаптировались в узбекском языке, что ныне воспринимаются как свои исконные, и только благодаря этимологическим исследованиям устанавливается их связь с тем или иным языком.

Одним из способов образования терминов за счет внутренних ресурсов является семантический, при котором общеупотребительные слова переосмысляются, приобретают новое значение и начинают выполнять функции терминов. В узбекском языке семантическому переосмыслению подверглись такие общеупотребительные слова как *qovurgʻa*//*qobirgʻa* 'ребро', *oyiz* 'рот', *tiŋnoq* 'ноготь', *būjin* 'шея', *šox* 'рог', *muštča* 'кулачок', *čimtič* 'половник', *ričnoq* 'нож', *qozon* 'котел', *jostiŋ* 'подушка', *taŋoq* 'расческа', 'гребенка', *jaŋoq* 'заплата', *igʻna* 'иголка' и многие другие, использующиеся в различных областях научно-технической терминологии.

Безусловно, семантический способ образования терминов в тюркских языках является одним из самых древних, о чем можно судить по памятникам письменности IX—XIX веков. В соответствии с этим способом многие названия частей тела человека и животных истари употреблялись в тюркских, в том числе и узбекском языке, в качестве географических терминов; ср. *oyiz* 'рот' и *oyiz* 'устье чего-либо', 'вход в пещеру, грот'; *qūltiq* 'подмышки' и *qūltiq* 'залив'; *būjin* 'шея' и *būjin* 'перешеек'; *buŋin* 'нос' и *buŋin* 'мыс'; *bet* 'лицо' и *bet* 'передний склон возвышенности' и другие³.

В переносном значении используется множество наименований, обозначающих различные части растений, что характерно для профессиональной терминологии ремесленников: чеканщиков, ювелиров, вышивальщиц, золотошвеек, резчиков по дереву, ганчу и др. Переосмысление слов встречается и в музыкальной терминологии (ср. *xaŋak* 'ослик' и *xaŋak* 'подставка', *būjin* 'шея' и *būjin* 'гриф', *quloq* 'ухо' и *quloq* 'колок' у струнных инструментов и др.)⁴.

В настоящее время переосмысление слов происходит в связи с необходимостью выразить на узбекском языке новые общественно-политические и научно-технические понятия. Эти понятия проникают в узбекский язык чаще всего через русский. Возьмем, например, слово *kūprik* 'мост', которое стало выражать новое техническое понятие в связи с необходимостью перевода терминов «передний мост» и «задний мост» автомобиля. Теперь слово *kūprik* в технической терминологии употребляется и в значении «часть шасси автомобиля или других транспортных средств», ср. *oldingi kūprik* 'передний мост', *ketinqi kūprik* 'задний мост'. Слово *ochoq* 'очаг' (об огне) расширило семантику и приобрело общественно-политическое значение: «очаг культуры», «очаг новой войны».

Появились новые терминологические значения у слов: *jostiŋ* 'подушка' — *havo jostiŋi* 'воздушная подушка'; *kalit* 'ключ (для замка)' — *kalit* 'ключ (гаечный, газовый)' и многие др.

Слово *barmoq* 'палец' приобрело техническое значение «деталь в виде стержня круглой формы» (ср. *qajirma barmoq* 'изогнутый палец', *konussimon barmoq* 'конусообразный палец', *ričagli barmoq* 'рычажный палец').

Слово *tiš* 'зуб, зубной' обозначает также: 1) «лемех», 2) «деталь в машине», 3) «острый выступ на инструменте, части машины, похожий на зуб». *Quloq/quloqča* 'ухо, ушко' в технической терминологии употребляется в значении «приспособление для подвешивания, подъема», ср.: *...traktorlarni ištatiš davrida... zvenolarning quloqlari kūp ejilib... tarangligi būšašadi* («Пахтачилик тракторларини ишлатиш ва ремонт

қилиш», Тошкент, 1979, стр. 135) 'Во время эксплуатации тракторов... часто изнашиваются ушки звеньев... и ослабевают их натяжка'.

Другим способом образования научно-технической терминологии является морфологический. В тюркских языках, в том числе и узбекском, наиболее распространен аффиксальный способ. Продуктивными в этом отношении являются аффиксы и аффиксоиды:

-*çi* — образует названия профессий: *işçi* 'рабочий', *temirçi* 'кузнец', *raqşçi* 'танцор, танцовщик', *dutorçi* 'дутарист' и т. д.;

-*ma* — обозначает различные процессы, результат действия; при его помощи образованы названия национальных блюд, музыкальных инструментов, названия болезней, например: *bosma* 'печатание', *üpirilma* 'обвал', *tüxtalma* 'остановка', 'передышка, пауза', *terlama* 'тиф', *isitma* 'лихорадка', *bugma* 'складка (земной коры)', *qatlama* 'слоеная лепешка, жаренная в масле', *çildirma* 'бубен' и т. д.;

-*lik* — образует абстрактные и конкретные существительные: *balandlik* 'возвышенность', *boʻybonlik* 'садоводство', *pastlik* 'низменность', 'ложбина', *boşliq* 'заготовка для обуви' и т. д.;

-*xona* — передает значение наименования места или помещения: *dorixona* 'аптека', *kutubxona* 'библиотека', *kasalxona* 'больница', *çojxona* 'чайная', *işxona* '1. место работы; 2. мастерская', *mehtonxona* 'гостиница' и т. д.;

-*uvči* — образует названия лиц, занимающихся чем-либо; названия профессий: *uquvči* '1. ученик, учащийся; 2. читатель', *sinovči* '1. экзаменатор; 2. испытатель', *ütüçiruvči* 'пожарник' и т. д.;

-*soz* — образует названия лиц, занимающихся строительством, изготовлением чего-либо: *agavasoʻz* 'изготовитель арб', *asbobsoʻz* 'инструментальщик', *multiqsoʻz* 'оружейник', *dutorsoʻz* 'изготовитель дутаров' и т. д.;

-*kor/-gar* — по семантике близок к аффиксу -*çi*, образующему названия профессий: *raxtakor* 'хлопковод', *binokor* 'строитель', *bastakor* 'композитор', *büzagar* 'человек, занимающийся изготовлением бузы; самогонщик' и т. д.;

-*şunos* — также обозначает названия лиц по их деятельности и равнозначен русскому «вед»: *tilşunos* 'языковед', *muzikaşunos* 'музыковед', *zarşunos* 'ювелир' и т. д.

С различным значением в различных терминосистемах функционируют термины, образованные при помощи аффиксов:

-*oq/-ak* — *qırgʻonak* 'небольшой курган, холм', *bülak* 'часть, раздел', *bugʻcak* 'уголок', *buqoq* 'зоб' и т. д.;

-(*i*)*ş* — *sakraş* 'скачок', *titraş* 'вибрация', *botiş* 'заход', *buriliş* 'поворот, изгиб', *kujdiriş* 'обжиг' и т. д.;

-*kaş* — *agavakaş* 'арбакеш, возчик, ломовой извозчик', *çirmandakaş* 'бубнист'.

Следует отметить, что продуктивность каждого аффикса в различных терминосистемах различна. Например, аффикс -*ça* в общелитературном языке и языке художественных произведений передает значение ласкательности и уменьшительности: *qizça* 'девочка, доченька'. В музыкальной терминологии он образует слова, обозначающие виды музыкальных инструментов: *dojraça* 'малая дойра', названия частей различных инструментов: *хагакча* 'подставка', *tüqmoqça* 'молоточки', а также названия музыкальных произведений, названных по месту сочинения: *Qaşqarça* 'кашгарская (мелодия)', *Vuxogaça* 'бухарская', *Xogazmça* 'хорезмская' и т. д.⁵

В географической и топографической терминологии преобладают термины, образованные посредством аффиксов: -*loq* (*muzloq* 'ледник', *toşloq* 'каменистость', *qumloq* 'песчаник'); -*lov* (*jajlov* 'летнее пастби-

ше'); -*čaj* (-*čak/-čiq*) (тераçак 'холмик', arçik 'небольшой обрыв'); -(о, и) *у* (bugkov 'окутывание').

В профессионально-ремесленной терминологии наиболее часто встречается аффикс -*çič* (-*gič/-qič/-kič*): *hosqič* 'педаль', *keskič* 'резец'; 'лезвие режущих инструментов', *urgič* 'колотушка'.

В отличие от большинства тюркских языков, в узбекском существует и префиксальный способ образования терминов. Терминообразующие префиксы в основном следующие: *no-* (*nosozlik* 'какофония', *potukammallik* 'немелодичность'); *sar-/ser-* [*sarnoma* 'эпиграф', *sarparda* 'ключ (музыкальный)', *sarhovuz* 'искусственный бассейн, водоем' и др.]; *ham-* (*hamohang* 'гармоничный', *hamovoz* 'созвучный', *hamfikr* 'единомышленник', *hamgar* 'собеседник' и др.).

Широкое распространение получил в узбекском языке синтаксический способ образования терминов. Этим способом создаются парные, сложные термины и термины-словосочетания. Образование терминов парным способом: *uj-žoj* 'жилище', *ob-havo* 'погода, климат', *issiq-sovuiq* 'житейские передраги' и т. д.

Более продуктивным является образование научно-технических терминов способом сложения, например: *qultegirmon* 'ручная мельница', *misnaji* 'медный най (музыкальный инструмент)', *miskarnaji* 'медный карнай (музыкальный инструмент)' и др.

Наиболее распространенным является способ образования терминов посредством сочетания слов. Термины-словосочетания рассматриваются в зависимости от составляющих частей речи и видов связи между компонентами.

Самыми распространенными являются два типа терминов-словосочетаний: «существительное+существительное» и «прилагательное+существительное». Компоненты первого типа терминов-словосочетаний обычно строятся по I и II типам тюркского изафета.

I тип изафета представляют собою следующие термины: *šamoi tegirmon* 'ветряная мельница', *qijon sujak* 'песчаная акация', *zar qoʻyoz* 'сусальное золото', *yišt devor* 'кирпичная стена', *čujon qozon* 'чугунный котел' и др.

По II типу изафетной связи построены термины: *qorin büšliyi* 'брюшная полость', *büyin xaltasi* 'суставная сумка', *imrov sujagi* 'ключица' и др.

В терминологии узбекского языка III тип изафетной связи встречается весьма редко.

Термины-словосочетания типа «прилагательное+существительное» могут иметь разнообразную структуру прилагательного. Качественные прилагательные чаще всего входят в состав ботанической, зоологической терминологии и служат для различения родовидовых признаков, например, *qora uzum* 'черные сорта винограда', *qora ilon* 'гадюка', *qora olu* 'слива домашняя', *qora suli* 'овсюг', *qora šuvoq* 'полынь черная', *qora čuyučuq* 'скворец черный', *oq čajir* 'кошачья лапка', *oq lajlak* 'белый аист', *qizilišton* 'дятел', *qizilojoq* 'кулик', *qizil yoz* 'фламинго' и др.

В других терминосистемах чаще всего первый компонент является относительным прилагательным, образованным при помощи различных аффиксов. Относительные прилагательные, образованные аффиксами: *-li*: *zararli ta:sir* 'вредное влияние', *tošli jer* 'каменистая земля', *torli asbob* 'струнный инструмент' и др.; *-ma/-me*: *ujirma būron* 'вихрь', *oyma suv* 'проточная вода', *būyma ilon* 'удав' и др.

Рассмотренные выше термины образованы как от тюркских (исконно узбекских), так и от заимствованных из арабского и персидского языков основ и словообразовательных элементов.

В настоящее время обогащение и совершенствование научно-тех-

нической терминологии происходит чаще всего посредством заимствования и калькирования русско-интернациональных терминов.

Если в области гуманитарных наук (литературоведения, музыковедения, философии) значительное место занимают арабские и персидско-таджикские наименования, то в современной технической терминологии ведущая роль принадлежит русско-интернациональным заимствованиям⁶. В качестве примера обратимся к терминологии по физике, где подавляющее большинство слов образовано калькированием или путем заимствования, например: *atom* 'атом', *adsorblangan atom* 'адсорбированный атом', *jengil atom* 'легкий атом' и др.⁷.

Аналогичное положение наблюдается и в других областях научно-технической терминологии, особенно в таких новых науках, как вычислительная математика, кибернетика, электроника и др. Смело можно сказать, что восемьдесят процентов их научно-технических терминов создано путем заимствования или калькирования русских терминов.

Чаще других в узбекский язык заимствуются без изменений названия машин, механизмов, технических приспособлений, приборов, их частей и деталей, наименования профессий, единиц измерения и др. В терминосистемах узбекского языка встречаются следующие структурные типы заимствованных терминов: 1. Простые (кран, вал, шасси и др.); 2. Производные, в составе которых имеются словообразовательные элементы (съёмник, датчик, приёмник); 3. Сложные (киноаппарат, фотометр); 4. Сложносокращённые слова и аббревиатура (НОТ, КПСС, СССР, термоизоляция).

Наиболее сложен процесс калькирования русско-интернациональных научно-технических терминов, образованных посредством префиксации и суффиксации, а также путем использования личных имен и терминов с абстрактным значением⁸.

Калькирование — это не только один из источников обогащения языка, но и мощный стимулятор активизации его словообразовательных возможностей. Благодаря калькированию, в узбекском языке повысилась продуктивность словообразовательных аффиксов *-yic*, *-ta*, *-laş*, *-lik* и других, а также расширилась семантика многих слов, о чем было сказано выше.

Обычно выделяются два типа калькирования: структурное и семантическое. Структурное калькирование бывает полным или частичным. При структурном калькировании слова иностранного происхождения расчленяются на значимые части, а затем к ним подбираются соответствующие по семантике морфемы родного языка.

В научно-технической терминологии калькированные термины занимают значительное место. Полному калькированию подверглись такие русские термины, как «судостроение» — *kemasozlik*, «выпрямитель» — *tūrilagič*, «раздробленность» — *taqoqlik*, «опрыскиватель» — *purkagič*, «распылитель» — *kukunlatgič* и т. д.

При полном калькировании общественно-политических терминов наблюдаются следующие закономерности:

суффикс -ость чаще всего передается аффиксами: *-lik* («медленность» — *sekinlik*, «истинность» — *činlik*); *-iś* («зависимость» — *boylanış*, «экономичность» — *težaliś*);

суффикс -ни(е) передается аффиксами: *-(i)ś* («уменьшение» — *katmajış*, «понижение» — *pasajış*); *-lik* («приближение» — *jaqinlik*, «проведение» — *voqiflik*); *-ta* («сцепление» — *birikma*, «расхождение» — *ajirma*); *-ov/-uv* («измерение» — *ūlcov*, «испытание» — *sinov*); *-(i)m* («знание» — *bilim*, «давление» — *bosim*); *-at(-ot)*, *-ijat* («принуждение» — *mažburiat*, «разделение» — *taqsimot*);

суффикс -ство передается аффиксами: *-lik* («рабство» — *qullik*, «посредничество» — *dallollik*); *-(i)š* («знакомство» — *taniš*, «укрывательство» — *jaširiš*); *-ot/-ijat* («существо» — *maʼvjudot*, «человечество» — *insonijat*);

суффикс -ка может быть передан аффиксами: *-(i)š* («выделка» — *jasāš*, «задержка» — *tūxtaš*); *-lik* («новинка» — *janqilik*, «подделка» — *soxtakorlik*); *-ma* («выдумка» — *ujdirma*, «выписка» — *kūčirma*) и др.

Процесс калькирования осложняется при префиксально-суффиксальной структуре иноязычных слов. Как известно, в русском языке такой способ словообразования самый продуктивный, в то время как в тюркских языках, кроме узбекского, префиксы отсутствуют. В узбекском языке имеются префиксы *ser-*, *be-*, *ba-*, *no-*, *ham-*, *bad-*, *bar-*. В настоящее время к их числу некоторые ученые относят интернациональные префиксы *анти-*, *ультра-*, *гипер-*, *контра-*⁹.

Префиксы не-, без-, а- передаются при помощи префиксов *ba-*, *no-*, *bad-* или аффиксов *-siz*, *-sizlik*, *-mas*, *-magan*, *-majdigan*: «неэлементарный» — *poelementar*, «несократимый» — *qisqarmas*, «бесконечность» — *čekicizlik*, «бесклассовый» — *sinficiz*, «безраздельный» — *būlinmajdigan*, «аморализм» — *beadablik* и т. д.

Термины, образованные префиксом *анти-*, калькируются следующим образом: префикс *анти-* отсекается, к основе присоединяется окончание направительного падежа *-ga*, затем полученный таким образом термин сочетается со словами *qarši*, *xilof*, *zid*, синонимичными по значению, например: «антиреалистический» — *realizmga qarši*, «антиленинский» — *leninizmga xilof* и т. п.

Термины, образованные с префиксом *противо-*, на узбекский язык передаются двумя способами: 1) префикс *противо-* заменяется семантически близкой лексемой *qarši*, *aks*, *teskari*: «противотечение» — *teskari oqim*, «противодавление» — *qarši bosim*; 2) префикс *противо-* заменяется интернациональным префиксом *анти-*: «противоокислитель» — *antioksidlovči*.

Префиксы *ультра-*, *гипер-*, *сверх-* иногда заменяются префиксом *giper-*, словом *ūta*, или воспроизводятся без изменений: «ультразвук» — *ultratovuš*, «ультраэллиптический» — *ūta elliptik*, «гиперкруг» — *giperdoira*, «гипернормальный» — *ūta normal*, «сверхгруппа» — *gipergrupp*, «сверхсфера» — *gipersfera*, «сверхгенератор» — *ūta generator* и т. д.

Если в процессе калькирования не удается подобрать соответствующий узбекский эквивалент к значимым частям русско-интернационального термина, то происходит частичное калькирование. При этом необходимо иметь в виду два обстоятельства:

1) если знаменательная часть термина в узбекском языке употребляется самостоятельно, то суффиксы заменяются без каких-либо изменений («крановщик» — *kranči*, «танкист» — *tankči*);

2) если знаменательная часть термина в узбекском языке не употребительна в той форме, какую она принимает после расчленения, то **восстанавливается** соотносимое с этим термином слово, а затем производится замена суффикса (ср. «башнёр» — *bašnja + či*, «торпедник» — *torpeda + či*).

Частичное калькирование терминов-словосочетаний может осуществляться следующим образом:

1) суффиксы определяющей части изменяются по законам узбекского языка («универсальный трактор» — *universal traktor*, «техническая диагностика» — *texnik diagnostika*, «электронная аппаратура» — *elektron apparatura*);

2) суффиксы определяющей части термина-словосочетания отсекаются или изменяются согласно закономерностям узбекского языка, к определяемой части подбирается соответствующий эквивалент: «гравитационное поле» — *gravitacion majdon*, «дистанционное управление» — *distancion bošqariš*, «гидравлическая передача» — *gidravlik uzatma*;

3) к определяющей части словосочетания добавляется узбекский аффикс относительного прилагательного, а определяемая часть заменяется узбекской лексемой: «активный ряд» — *aktivlik qatori*, «анкерное соединение» — *ankerli birikma*, «винтовая передача» — *vintil uzatma*;

4) определяющая часть словосочетания имеет форму именительного падежа существительного, которое в узбекском языке является как бы эквивалентом соотносительных с ним прилагательных; во втором компоненте происходит грамматическое изменение, то есть калькированное слово или подобранный эквивалент принимает аффикс принадлежности *-i (-si)*: «авиационный двигатель» — *aviacija dvigateli*, «анодные лучи» — *anod nurlari*, «автомобильная промышленность» — *avtomobil' sanoati*, «система Бинара» — *Binar sistemasi* и т. д.;

5) определяющая часть словосочетания либо калькируется, либо к ней подбирается соответствующий узбекский эквивалент, а определяемая часть заимствуется непосредственно: «морская авиация» — *dengiz aviაციyasi*, «цепной конвейер» — *zanjirli konvejer*.

Рассмотренные выше случаи калькирования являются наиболее типичными.

Все изложенное свидетельствует о том, что узбекская терминология на современном этапе достигла больших успехов, и в этом немалая заслуга узбекских языковедов как теоретиков, так и практиков в области терминологии, добившихся ее системности и унифицированности, разрабатывающих терминологию узбекского языка на основе современных научных достижений и требований, что, в свою очередь, оказало благотворное влияние на качество издающейся научно-технической литературы.

Несмотря на достижения узбекских терминологов, в области терминологии существует еще много актуальных и нерешенных проблем. В частности, наличие в терминологии таких нежелательных явлений, как дублетность, омонимия, минимальное и некритическое использование средств родного языка и внешних источников, разноречивость в правописании, неточность в выражении тех или иных понятий, громоздкость, неудобочитаемость терминов и т. п. Это во многом объясняется тем, что русско-узбекские терминологические словари составляются и издаются специалистами узких профессий, не обладающими достаточным знанием лингвистических основ. В то же время создание словарей по узким специальностям не может быть делом только лингвистов. Практика показывает, что совместная работа специалистов той или иной области науки с лингвистами-терминологами приводит к хорошим результатам. Так, например, видный биолог академик Академии наук Узбекской ССР К. З. Закиров и ученый-терминолог, лингвист Х. Джамалханов в тесном сотрудничестве добились упорядочения ботанической терминологии узбекского языка, уделив особое внимание морфологическому оформлению терминов, указывающих ботанические таксоны. Выяснилось, что до настоящего времени термины, обозначающие вид, род, семейство, класс, а также типы растений, формально нивелировались. Эти ученые ввели для различения всех указанных таксонов специальные морфологические показатели («семейство» *-doš*, *-guldoš*, «племя» *-pamo*, *-dorlar*, «класс» *-simon*, *-lilar*, «тип» *-toifa*). Например: *üzaguldošlar* 'семейство мальвовых', *kapalakguldošlar* 'семейство мотыльковых', *ikki pallalilar* '(класс)

дву-
ров
М.
по б

-doš
тол-
дии

нед-
ных
со с

ССС
язык

кент
Таш
дис-
Узб-
бота
Тош
сове
хон-
исто
кан-
мас-
ческ
сосо
Таш
мин
маш
Таш

тюр-
ски
Авт

лар-
стр

ски
ско-
дис-
мин
Таш
ние

196

двудольных', o'ciq uchu'oi'fa '(тип) голосемянных' и т. д.¹⁰ Идея этих авторов была поддержана и другими учеными, в частности, академиком М. М. Набиевым, использовавшим их рекомендации в «Атласе-словаре по ботанике»¹¹.

Способ разграничения ботанических таксонов с помощью аффиксов *-do'sh*, *-pato*, *-dor*, *-simon*, *-lilar* и других был практически применен не только во всех четырнадцати томах «Узбекской Советской Энциклопедии», но и в учебниках, учебных пособиях и справочниках.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что для устранения недостатков в разработке терминологии необходимо укрепление научных основ путем налаживания сотрудничества лингвистов-термиологов со специалистами различных областей науки и техники.

¹ См.: Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. — В сб. «Развитие общественных функций литературных языков», М., 1976, стр. 115—131.

² Н. Маматов. Терминология узбекского хлопководства. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1955; Т. Дадахонова. Лексика вышивания в узбекском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1963; Л. В. Решетова. Узбекская грамматическая терминология. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1965; С. Аюбиров. Тил ва терминология. Тошкент, 1968; С. Усмонов. Узбек терминологиясининг баъзи масалалари. Тошкент, 1968; Ҳ. А. Жамолхонов. Узбек ботаника терминологиясининг таркиб топиши ва ривожланиш тарихидан. Канд. дисс., Тошкент, 1969; Н. Т. Хотамов. Развитие узбекской литературоведческой терминологии советского периода. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1971; Қ. З. Зокиров, Ҳ. А. Жамолхонов. Узбек ботаника терминологияси масалалари. Тошкент, 1966; А. Рамазанов. Из истории формирования и развития узбекской терминологии по математике. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1973; Р. Дониёров. Узбек тили техник терминологиясининг айрим масалалари. Тошкент, 1977; Д. Х. Базарова. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент, 1978; Н. Касимов. Функциональные особенности аффиксов в узбекской технической терминологии. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1979; С. А. Азизов. Лексико-грамматическое исследование музыкальной терминологии узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1981; А. И. Касымов. Фармацевтическая терминология в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1981 и др.

³ Д. Х. Базарова. Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1967, стр. 6—26; К. Хуррамов. Узбекские народные географические термины, обозначающие рельеф Южного Узбекистана. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1981, стр. 17—18.

⁴ С. А. Азизов. Указ. автореф., стр. 18.

⁵ С. А. Азизов. Указ. автореф., стр. 16.

⁶ Р. Данияров. Указ. автореф.

⁷ Р. Х. Маллин, Ә. Н. Назиров, Р. М. Қодиров. Физикадан русча-ўзбекча терминлар луғати (Русско-узбекский терминологический словарь по физике). Тошкент, 1974, стр. 31, и др.

⁸ См.: Р. Данияров. Заимствование русско-интернациональных личных имен узбекским языком. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1967; Ф. Сафаров. Способы передачи русско-интернациональных префиксальных терминов на узбекский язык. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1979; Н. М. Рузиев. Способы передачи на узбекский язык русских терминов-словосочетаний типа прилагательное+существительное. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1979; А. Х. Эшанкулова. Обогащение узбекской абстрактной лексики под влиянием русского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1981.

⁹ А. Н. Кюнонов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 153; Ф. Сафаров. Указ. автореф., стр. 11.

¹⁰ Қ. З. Зокиров, Ҳ. А. Жамолхонов. Указ. раб., стр. 15—16.

¹¹ М. М. Набиев. Ботаника атлас-луғати. Тошкент, 1969.

А. МАМАЖАНОВ

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК СИНТАКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема сверхфразовых единств издавна привлекает внимание ученых, посвятивших ей ряд работ. И все же вопрос о природе и синтаксической сущности сверхфразовых единств нельзя считать полностью решенным. Ученые, исследующие сверхфразовое единство, используют при этом различные термины: «речь»¹, «абзац»², «сложное синтаксическое целое»³, «сверхфразовое единство»⁴, «прозаическая строфа»⁵, «составное синтаксическое целое»⁶ и т. д. Данной проблемой занимаются и зарубежные ученые⁷.

Использование различных терминов для определения одного и того же явления, безусловно, крайне неудобно. С нашей точки зрения, термин «сверхфразовое единство», предложенный рядом лингвистов для обозначения группы грамматически самостоятельно оформленных предложений (простых или сложных), объединенных тематически (общим содержанием), является наиболее приемлемым. В синтаксическом плане этот термин подчеркивает, что определяемая синтаксическая единица представляет собой специальным образом организованную цепочку предложений.

В тюркологии, в частности в узбекском языкознании, проблема сверхфразовых единств почти не изучена, высказаны лишь отдельные самые общие суждения⁸.

В потоке речи грамматически самостоятельные простые или сложные предложения группируются тематически, структурно и интонацион-

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 21—22; А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике. М., 1958, том I, стр. 44.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 410; А. Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка. М., 1968, стр. 307.

³ Н. С. Поспелов. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. — В сб.: «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», вып. 2, М.—Л., 1948, стр. 43—68; М. З. Закиев. Современный татарский литературный язык. Синтаксис. М., 1971, стр. 287; Л. М. Лосева. Как строится текст. М., 1980, стр. 58; «Современный русский литературный язык». Л., 1981, стр. 558.

⁴ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Том I, Киев, 1952, стр. 392; О. И. Москальская. Грамматика текста. М., 1981, стр. 14.

⁵ Г. Я. Солганик. Синтаксическая стилистика. М., 1973, стр. 94.

⁶ В. И. Ставский. Семантико-синтаксические связи предложений в речи. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1978, стр. 11.

⁷ «Новое в зарубежной лингвистике». Выпуск VIII. Лингвистика текста. М., 1978.

⁸ Например, в докладе Г. А. Абдурахманова «Теория текста». — III Всесоюзная тюркологическая конференция («Советская тюркология», 1981, № 1, стр. 93); см. также: Н. Р. Расулов. Сложные синтаксические единства в современном узбекском языке. — В кн.: «Языкознание. Тезисы докладов и сообщений на III Всесоюзной тюркологической конференции», Ташкент, 1980, стр. 268.

но, образуя особую синтаксическую единицу, именуемую сверхфразовым единством — (СФЕ). Формально самостоятельные предложения — компоненты сверхфразового единства — взаимно поясняют и дополняют друг друга, так как изолированно взятое предложение не способно выразить мысль во всей ее полноте и завершенности. Сверхфразовое единство содержит совокупность мыслей, выраженных относительно самостоятельными предложениями, и подводит к общему окончательному итогу высказывания. Между компонентами (предложениями) сверхфразового единства возникают сложные смысловые связи, следовательно, сверхфразовое единство представляет собой синтаксико-стилистическое явление, лишняя раз подтверждающее единство языка и мышления.

Сверхфразовое единство, таким образом, — это синтаксические структуры, служащие полноценному выражению логических единиц в речи⁹.

В структуре сверхфразовых единств главную роль, как правило, играет первое предложение, определяющее тему высказывания и являющееся смысловым центром синтаксического целого. Если, исходя из характера высказывания, возникает необходимость в «подключенных»¹⁰ предложениях, то формируется сверхфразовое единство.

Сверхфразовое единство в формальном грамматическом смысле представляет собой некую синтаксическую модель, а с точки зрения содержания — единицу речи, с исчерпывающей полнотой выражающую мысль или суждение автора. Причем оно характеризуется не только объединением по смыслу формально самостоятельных предложений-компонентов, выражающих мысль автора, но и четко выраженным авторским отношением к высказываемому и другими экспрессивными элементами, что прямо связано со стилистикой. Таким образом, сверхфразовые единства относятся к синтаксико-стилистической категории и находят воплощение главным образом в письменной речи. Причем сверхфразовое единство может быть частью абзаца, целым абзацем, отдельной главой, иногда самостоятельной статьей, докладом, полной речью оратора¹¹. «Каждое СФЕ — это рассказ в миниатюре со своим началом, развитием действия и концовкой»¹².

Предложения, не входящие в сверхфразовые единства, некоторые языковеды называют «свободными предложениями»¹³. Именно последние чаще всего начинают и заканчивают текст. Таким образом, текст состоит из сверхфразовых единств и «свободных» простых или сложных предложений. Поэтому лингвистический анализ текста должен сводиться: а) к членению текста на сверхфразовые единства и на «свободные» предложения; б) к исследованию способов семантико-синтаксических связей между этими единицами речи, а также к изучению средств, осуществляющих эту связь.

В сверхфразовых единствах возникают взаимосвязи, выражающие такие сложные смысловые отношения, как время, условность, причина — следствие, сопоставление — противопоставление и т. д.

Границы сверхфразового единства определяются паузами, которые предшествуют ему и следуют за ним. Средства связи в сверхфразовых единствах не только определяют смысловые отношения между компонентами, но и соединяют между собой грамматически самостоятельные предложения. Причем компоненты сверхфразовых единств могут свя-

⁹ См.: «Современный русский язык». М., 1971, стр. 490.

¹⁰ М. П. Сенкевич. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976, стр. 148.

¹¹ М. З. Закиев. Указ. раб., стр. 237.

¹² Л. М. Лосева. Указ. раб., стр. 4.

¹³ Там же.

зываются между собой при помощи как параллельной, так и последовательной или цепной связи.

При параллельной связи компоненты сверхфразового единства полностью или частично совпадают по своей синтаксической структуре (однотипность, одинаковый порядок слов, члены предложения выражаются аналогичными частями речи). При данном способе связи главными средствами ее являются анафора, эпифора и другие синтаксико-стилистические фигуры. Сверхфразовое единство, образуемое способом параллельной связи, представляет собой совокупность компонентов, начинающихся или завершающихся одинаковой грамматической формой. Примеры: *СССРнинг тажрибаси ишчилар синфи ўзининг янги жамият қуришдек тарихий вазифани пролетар... СССРнинг тажрибаси социалистик революциянинг галабасигина ҳар қандай миллий зулмни йўқотиш учун... СССРнинг тажрибаси социалистик давлат жамиятини социалистик қайта қуришнинг асосий қуроли бўлиб хизмат қилишини исбот қилди* (КПСС Программаси).

‘Опыт СССР доказал, что свою историческую миссию творца нового общества рабочий класс... Опыт СССР доказал, что только победа социалистической революции создает все возможности и условия для уничтожения всякого национального гнета... Опыт СССР доказал, что основным орудием социалистического преобразования общества служит социалистическое государство’ (Программа КПСС).

При цепной связи компонентов сверхфразового единства «сцепление» между ними осуществляется при помощи какого-либо члена (или членов) предшествующего предложения, что способствует последовательному развитию мысли. При цепной связи сверхфразовое единство образуется следующими грамматическими средствами: а) лексическими повторами, б) местоимениями, в) отдельными лексическими элементами, г) синонимами.

При образовании сверхфразовых единств с помощью лексического повтора слово первого компонента, выражающее сущность высказывания, повторяется в последующих компонентах без изменения его грамматической формы. Иначе говоря, одна и та же лексема в разных компонентах сверхфразового единства употребляется в одной и той же грамматической форме.

При осуществлении связи с помощью местоимений в состав сверхфразовых единств входят личные и указательные местоимения в разных грамматических формах. Исходя из исключительной важности роли местоимений в образовании сверхфразовых единств, некоторые языковеды именуют их «единственным скрепляющим средством»¹⁴. При этом способе связи существительное последующих за первым компонентов заменяется местоимением. Например: *Зумрад шўх сўзлари, қилиқлари ўзига ярашган дилбар қиз. Унинг ўрта, толма бўйи, нозик бели, ингичка эгма қошлари, қирра бурни, йирик учқунли кўзлари бир-бирига муносиб. У сарбаст, зийрак ҳаракатлари дадил, сўзлари ўткир, ўртоқлари ичида онабош қиз* (Ойбек) ‘Зумрад — девушка задорная и очаровательная, слова и поступки ее так соответствуют ее характеру. Так, очень соответствуют друг другу ее средний рост, тонкая талия, тонкие изогнутые брови, крупные искренние глаза и тонкий нос. Она непринужденна, сметлива, у нее действия решительные, слова острые, она верховодит среди подруг’ (Айбек).

В некоторых типах сверхфразовых единств самостоятельные предложения соединяются между собой при помощи отдельных грамматиче-

¹⁴ Т. И. Сильман. Синтаксико-стилистические особенности местоимений. — «Вопросы языкознания», 1970, № 4, стр. 81.

ских элементов, которые чаще всего входят в последний компонент. К таким грамматическим элементам в узбекском языке относятся: *шундай қилиб, шундан бери, шундан сўнг, шунга кўра, шу тўғрида, бу ҳақда, шу билан бирга* и др. Приведем пример: *Зуннунхўжа «меҳнат билан суяги қотган Сидиқжоннинг пешонасини силагим келиб юрар эди, қизим унга кўнғил қўйиш билан бошимни осмонга етказди», деб дарров тўй ҳаракатига тушди. Бу ҳодиса қишлоқда кишиларни ҳайратга солди. Область газетаси бу ҳақда «Тушунган ота» сарлавҳали бир хабар босиб чиқарди* (А. Қаҳҳор) 'Зуннун-ходжа сразу же захлопотал о свадьбе, говоря, что давно хотел приютить у себя трудолюбивого Сидикжана, и страшно обрадовался, что выбор дочери пал на Сидикжана. Это событие удивило людей в кишлаке. Областная газета опубликовала об этом корреспонденцию под заглавием «Образованный (передовой) отец»' (А. Каххар).

При объединении компонентов сверхфразового единства с помощью синонимов синонимические слова выражают их взаимосвязь как по содержанию, так и по структуре. Необходимо особо подчеркнуть, что при этом способе цепной связи чаще употребляются контекстуальные синонимы, реже — постоянные синонимы. Причем синонимы понимаются в широком смысле и поэтому возникает возможность замены одного слова другим без искажения выражаемого значения. Данный способ исключает повторы слов и способствует выражению экспрессивных, модальных значений.

В некоторых сверхфразовых единствах могут сочетаться различные типы связи, например, в следующем сверхфразовом единстве связь компонентов осуществляется при помощи местоимения и синонимов: *Оқ олтин миришкорлари пахта ҳосилини йил сайин кўпайтирмоқдалар. Ўтган кузда улар ўнинчи беш йиллик охирига белгиланган маррага етиб келдилар. Бу йил пахтакорлар КПСС XXVI съезди шарафига социалистик мусобақани авж олдириб, шу муваффақиятларни мустаҳкамлаш ва ривожлантиришни ўз олдиларга мақсад қилиб қўйдилар* («Совет Ўзбекистони» газетасидан) 'Умельцы (мастера) белого золота с каждым годом повышают урожай хлопка. Прошлой осенью они достигли рубежа, намеченного на конец десятой пятилетки. В этом году хлопкоробы, развернув социалистическое соревнование в честь XXVI съезда КПСС, поставили себе целью укрепить и развить эти успехи' (Из газеты «Совет Ўзбекистони»).

Изучение сверхфразовых единств имеет как теоретическое, так и практическое значение. Анализ подобных синтаксических единств позволяет глубже осмыслить формирование различных типов синтаксических единств, а также овладеть широкими выразительными возможностями родного языка.

Д. С. КУЛМАМАТОВ

К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII ВЕКА И ИХ СТАРЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ

Всестороннее изучение письменных памятников тюркских народов относится к числу актуальных задач современной тюркологической науки. За последние два десятилетия появился ряд интересных работ, посвященных изданию¹ и изучению² восточных деловых документов, однако сделанного еще очень мало.

На шестом пленарном заседании Советского комитета тюркологов академик А. Н. Кононов подчеркнул, что «последующее успешное развитие исторической тюркологии непосредственно зависит от состояния разработанности лингвистического источниковедения, которое до настоящего времени ведется недостаточно интенсивно»³.

Более ста лет назад академик В. В. Вельяминов-Зернов в предисловии к изданию крымско-татарских документов указал на важность параллельного изучения тюркоязычных оригиналов деловых документов и их старых русских переводов: «Со временем, быть может, изданы будут переводы предлагаемых документов. Я — того мнения, что всего полезнее было бы издать русские современные переводы, хранящиеся в том же Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел. С одной стороны, это бы значительно облегчило труд издателя, который бы не был вынужден вновь переводить обширное по своему объему собрание документов. С другой стороны, забывать не следует, что современные переводы, хранящиеся в Архиве, были официальные и служили основой сношений Московского двора с Крымом; следовательно, если бы даже встретились в них какие-либо ошибки, то эти самые ошибки имеют для историка свое особое и важное значение. К тому же многое, что в подлинниках, по незнанию разных мелочных обстоятельств, может пока-

¹ О. Д. Чехович. Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974; А. А. Егани, О. Д. Чехович. Регесты среднеазиатских актов (с фотовоспроизведением публикуемых впервые). — «Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1974», М., 1981, стр. 47—57; и др.

² А. П. Григорьев. Монгольская дипломатика XIII—XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978; *его же*. Официальный язык Золотой Орды XIII—XIV вв. — «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, стр. 81—89; М. А. Усманов. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979; Р. Х. Халикова. Исторические документы как источник изучения истории башкирского языка. — В сб.: «Археология и лингвистическая текстология Южного Урала», Уфа, 1977, стр. 53—59; Е. Н. Кушева, М. А. Усманов. К вопросу об общественном строе вайнахов. (Письмо 1657 года из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу). — «Советская этнография», 1978, № 6, стр. 99—110; и др.

³ «Советская тюркология». 1980, № 2, стр. 94.

заться для нас теперь непонятным, разъяснилось бы, по всей вероятности, из современных переводов... Приниматься за подобную работу в настоящую минуту, когда не все необходимые для этого современные переводы еще подобраны, было бы преждевременно; ждать же, пока переводы будут списаны и рассмотрены — значило бы откладывать на неопределенный срок издание в свет татарских подлинников, появление которых уже и теперь с нетерпением ожидается многими из наших отечественных ориенталистов»⁴.

В отечественных архивах хранится большое количество никем пока не изученных восточных, в том числе среднеазиатских памятников. Среди них есть и тюркоязычные документы, сопровождаемые параллельным русским переводом, выполненным в то же время.

Для сравнения попутно заметим, что в русистике накоплен значительный опыт лингвистических изданий древнерусских деловых памятников, издан и ряд специальных работ, посвященных исследованию их языка.

В области тюркологии, к сожалению, пока такая работа почти не ведется⁵. В результате, весьма ценные для истории языка памятники деловой письменности остаются не изученными.

К числу подобных памятников, ждущих своих исследователей, можно отнести и среднеазиатские тюркоязычные деловые документы XVII века, в частности хивинские и бухарские, которые хранятся в фондах 134 (Сношения России с Хивой) и 109 (Сношения России с Бухарой) Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА). Среди них особый интерес представляют челобитные, выражающие «униженную просьбу, жалобу или официальное заявление о чем-нибудь»⁶. Многие хивинские и бухарские тюркоязычные челобитные имеют и русские переводы XVII века. Из них лишь некоторые, наряду с другими среднеазиатскими документами, были включены в «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» («Труды Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР». Вып. 3, ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932). Этот сборник был подготовлен и издан историками, обычно интересующимися лишь содержанием «памятника, обыкновенно безотносительно к его языку, вернее, диалектным и иным вариантам; при наличии ряда списков памятника их привлекает текст его со всей совокупностью разночтений, а не только данная конкретная рукопись, причем в значительном числе случаев для них не столь важно, является эта рукопись списком или оригиналом. Лингвисты считают вполне надежным материалом для исследований только оригиналы, потому что списки с оригиналов писались обычно другими людьми и в другое время, порой довольно отдаленное от времени оригиналов, а это вносило известные искажения в картину запечатленных в оригиналах явлений и фактов»⁷.

⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864, стр. 6—7.

⁵ См.: Д. С. Кулматов. Хивинские акты и их русские переводы XVII в. — В сб.: «Бартольдские чтения — 1981». Год пятый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981, стр. 49—50; Р.-Г. М. Оразаев. Тюркоязычные документы архива Кизлярского коменданта — источник для социально-экономической истории народов Северного Кавказа. — Там же, стр. 65.

⁶ Подробнее об этом см.: С. С. Волков. Из истории русской лексики. II. Челобитная. — В кн.: «Русская историческая лексикология и лексикография», I, Л., 1972, стр. 46—61.

⁷ С. И. Котков. О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками. — В сб.: «Лингвистическое-источниковедение», М., 1963, стр. 8.

Это замечание подтверждается при ближайшем ознакомлении с изданной в вышеназванном сборнике документов челобитной хивинского посла Эмина Богатыря (Богатура) царю Михаилу Федоровичу от 6 января 1643 года. Конец тюркского текста в оригинале выглядит так: imdī biz örtāq qūlungiz baş urūb 'arṣ qilābiz kā jarliqāb bū tāmṣālarnī qājtārmāyā būjūrāy (напечатано بويورعاي) irdingiz siz⁸ ulūy pādīshāh hāzrātlārī ejāmiz āsfāndijār xān (напечатано خان) birlān muhābāt ūzrā āšnāliq ajtā tūrṣāningiz žārtārāikā⁹ hām m'alūmdūr baş ūrāmān fārmān siz ulūy pādīshāhningdūr (стр. 429).

Приведем русский перевод XVII века этого фрагмента¹⁰:

‘И нне я обшеи вшь|холопъ вамъ гсдрю бюю челомъ|пожалун гсдрь вели те пошли|ны поворотит а вша великого|гсдря вшего величества з гсдремъ моимъ Исфендеяро|вымъ царевым величествомъ|советная дружба и любовь|ведомо на все на четыре сторо|ны потомъ вамъ гсдрю бюю|челомъ ввля вша великого|гсдря вшего црского величества»¹¹.

Этот старый русский перевод и его новый вариант, сделанный и отредактированный А. Н. Самойловичем и Е. Э. Бертельсом при участии К. Д. Ильиной и В. А. Забирова, в «Материалах...» напечатаны «параллельными столбцами, в целях большой наглядности сравнения их содержания», причем последний печатался при наличии «некоторых различий»:

«И ныне я общей ваш холоп вам государю бюю челом, пожалуй государь, вели те пошлины поворотить, а ваша великого государя вашего царского величества с государем моим Исфендеяровым царевым величеством советная дружба и любовь ведомо на все на 4 стороны. Потом вам государю бюю челом, воля ваша великого государя вашего царского величества».

«Мы ваш общий раб бьем челом, просим учинить повеление о возвращении этих пошлин; известна и всюду ваша любительная дружба существующая между вами великим падишаховым величеством и нашим господином Асфандиар-ханом. Бьем челом. Повеление принадлежит вам, великому падишаху»¹².

При сличении точного воспроизведения русского перевода XVII века с его изданием в сборнике выясняется, что историки, добываясь ясности содержания, в основном ограничивались «сохранением смысла», С. И. Котков же справедливо считал целесообразным «сохранение всех особенностей языка и графики древней рукописи»¹³.

Сравнивая тексты переводов, можно проследить, как переводились

⁸ В издании под س трех точек нет и это не оговаривается. Точки ставились, чтобы различить (پس) от ش.

⁹ Хотя это слово в подлиннике написано правильно, однако под текстом в примечании говорится: «в рукописи написано جارطر مکه, причем مکه написано над строкой».

¹⁰ При воспроизведении древнерусских текстов по техническим причинам нами сделаны следующие упрощения и замены: все тексты передаются средствами современной графики; буквы «зело» и «земля» заменяются буквой з, «десятеричное и» — и, «он (омега)» — о, «ук» — у, «ять» — е, «йотированное а» и «юс малый» — я, «кси» — сочетанием кс, «фита» — буквой ф; выносные буквы включаются в строку и не оговариваются, надстрочные знаки не воспроизводятся, сокращенные написания сохраняются. Буквенные обозначения чисел заменяются арабскими цифрами. Имена собственные и географические названия пишутся прописными буквами.

¹¹ ЦГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 3, лл. 221 и 256, л. 216 — тюркский текст.

¹² «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», стр. 176-стр. 429 — тюркский текст.

¹³ С. И. Котков. Указ. раб., стр. 9.

отдельные слова оригинала в старом переводе XVII века и в новом переводе XX века. Например: слово بادشاه [pādīshāh] в XVII веке переводилось, применительно к великому князю Михаилу Федоровичу, как *государь*, а в XX веке — *падишах*. Однако последнее слово в современном русском языке обозначает «титул некоторых монархов восточных стран»¹⁴ и не может относиться к русскому царю; لای [ējā] в старом русском переводе имеет соответствие *государь*, а в новом — *господин* — «форма вежливого упоминания или обращения, в дореволюционное время — при фамилии или звании лиц, принадлежавших обычно к привилегированным слоям общества»¹⁵. Поэтому здесь в обоих случаях, на наш взгляд, следует отдать предпочтение старому русскому переводу. К тому же новый вариант перевода в XVII веке мог бы привести к дипломатическому конфликту, который в ту эпоху часто возникал из-за неправильной передачи титулатуры монархов. Например, в 1585 году с разрешения государя Федора Иоанновича в Москву вместе с хивинским послом Хозь-Магметом приезжал бухарский посол Магмет Алей, привезший от бухарского хана Московскому царю грамоту с предложением установить дипломатические и торговые сношения с Москвой. Однако эта попытка оказалась неудачной, поскольку в тексте грамоты бухарский правитель упустил необходимые формулы, требовавшиеся по дворцовому этикету. В 1589 году к бухарскому хану Абдул-Богатырю был отправлен служилый татарин Байбиря Тайшев с грамотой от ближнего думного Бориса Годунова, в которой последний, в частности, возвращаясь к событиям 1585 года, упрекал хана за то, что «он в грамоте своей к Федору Иоанновичу имя его государево написал без царского именованья и многие слова в ней написал не по пригожу; другие де государи братья его государевы, цесарь римский и салтан турский и король ишпанский и иные великие государи в своих грамотах имя царское пишут сполна по его царскому достоинству с царским именованьем и о делах пишут с великим прошением и с великою любовью, „а ты к такому великому государю пишешь в грамотах без царского именованья; а ты ведай и про меня государского холопа, с какою ласкою и любовью пишут ко мне великие государи“»¹⁶.

Приведенный фрагмент показывает, что наиболее достоверными материалами для лингвистов могут служить лишь подлинники или их воспроизведения, изданные специально для лингвистических исследований.

Остановимся подробнее на челобитной хивинского посла Эмина Богатыря царю Михаилу Федоровичу от 26 марта 1643 года и ее русском переводе XVII века. Этот документ интересен еще и тем, что наряду с беловиком старинного русского перевода, сохранился и его черновой вариант¹⁷. Последний особенно ценен, поскольку в нем сохранены стилистические, грамматические исправления как самого автора перевода, так и других лиц, работавших над ним.

Тюркский текст (рис. 1) написан на одном листе размером — 15,3×16 см; бумага — европейского изготовления, белая, слегка пожелтевшая, без филиграней. В тексте всего восемь строк. Длина строк — от 13,7 до 14,9 см, поля — 2 см. Расстояния между строками от 0,7 до 1,6 см, почерк — фариси, чернила коричневые. Сохранность хорошая, но при

¹⁴ «Словарь современного русского литературного языка». Т. 9, М.—Л., 1959, стр. 26.

¹⁵ «Словарь современного русского литературного языка». Т. 3, 1954, стр. 328.

¹⁶ В. А. Уляницкий. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. М., 1889, стр. 7.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 3, л. 230 — тюркский текст; лл. 234—235 — беловой, л. 246 — черновой варианты старинного русского перевода XVII века.

реставрации верхняя и нижняя части листа оказались срезанными, отчего в нижней строке некоторые подстрочные точки отсутствуют. Приводим тюркский текст в транскрипции: *Ülüy pādīšāh xān hām ülüy bij mī-xāilā fōdūrāvīz¹⁸ žumlā rusning¹⁹ pādīšāh|vā hukmdār ‘aālām pānāh. hāzrātlārinā āsfāndijār xān ‘aālī šān hāzrātlārinīng ēlžāsī|muštā rāk qūlūngiz āmin²⁰ bāhādūr bāš ūrūb ‘arz qilābiz kā siz ülüy pādīšāh hāzrāt|lāri-ūng muhābātlik ‘inājātingīzā ‘itibār qilūb siz pādīšāh hāzrātlārinā jūbār-gān|xatdā ōtūnā jāzyānlār ērdi ōzlārinā xāsāliq kār-xānālārinā bir nāžā jāsir ālmāyā|jārliqāb fārmān qilyājsiz dīb ēmdi biz ōrtāq²¹ qūlūngiz²² bāš. ūrūb ‘arz qilā|biz kā ēgāmīz xān hāzrātlārinīng ūl tīlāklārīnā nā žāvāb. ‘inājājāt (sic!) qilūrsiz jtū|bāš ūrābiz fārmān siz ülüy pādīšāh²³ hāzrāt-lārinīngdūr²⁴.*

Русский перевод начинается с заглавия документа, отсутствующего в оригинале и принадлежащего переводчику. Оно указывает его автора, адресата и дату. Это заглавие условно назовем «легендой переводчика»²⁵.

Размер листа (рис. 2) с первоначальным текстом старинного русского перевода — 15,6×26,7 см; пожелтевшая белая бумага, европейская, филиграней нет. Сохранность удовлетворительная: имеются бурые пятна от чернил, края листа (особенно левый) сильно пожелтели от сырости, видны сгибы с левой и с правой стороны; при реставрации верхняя и нижняя части листа срезаны. По цвету чернил и начертанию букв можно различить три почерка. Как мы полагаем, перевод выполнен двумя переводчиками при участии правщика (редактора). Но для точного определения почерков, следует в первую очередь выявить последовательность и объем работы каждого из переводчиков и правщика.

Первоначальный перевод записан красновато-коричневыми чернилами, почерк — мелкая скоропись. Текст его гласит:

А. — Перевод с челобитной какову подал гсдрю црвчю | кизню Алексею Миханловичю юргеньског(о) Исфендия | ря цря посол Имин Батыр в ннешномъ во 151 м (т. е. 1643 г. — Д. К.) году мар|та 26 дн в те поры какъ гсдръ црвичъ шол к праздни|ку за вербою|

Б. — Великому гсдрю црю и великому кизню Миханлу | Федоровичю всеа Русии самодержцу и облада|телю вашему црьскому величеству Исфендия|ра црвь посол а ваш опчеи холоп Имин Батыр биет челом | писали в любытелных грамотах к вашему|гсдрьскому величеству прошаючи наде ...сь на ево црвь|обиход несколько ясырю купит и вам бы велет пожаловат|а я опчеи холоп бию челом чтоб гсдря моего црву (так в ркп.) про|шшене исполнит а я о том млсти прошю и ва|шему гсдрьскому величеству бию челом а по|том ваша гсдрьская воля'.

Однако этот перевод, видимо, не удовлетворил второго переводчика, скорее всего, более опытного, и он внес исправления другими чернилами (светло-коричневыми), так же была выправлена и легенда переводчика (правки и дополнения второго переводчика ниже даются полужирным шрифтом). Тем самым смысл перевода стал ближе к оригиналу. Об

¹⁸ В рукописи *میحالا فدوراوح*

¹⁹ В подлиннике под *رس* имеются три точки, которые ставились, чтобы различить *ش (پس)* от *ش*

²⁰ В рукописи *امن*

²¹ В рукописи *اورتاق*

²² В рукописи *قولوندىز*

²³ В подлиннике *باش. پادشاه* — вероятно, точки срезаны при реставрации.

²⁴ В рукописи *حضرتلارين نينگدور*

²⁵ Далее при воспроизведении текста старинного русского перевода «легенда переводчика» условно обозначается литерой А, а сам текст литерой Б.

этом свидетельствуют следующие примеры: *biz örtāq qūlungiz bāš ūrūb 'arz qilābiz kā ēgāmiz xān hāzrātlārīnīng ūl tīlaklārīnā nā žāvāb 'inājājat qilūrsiz*. Этот тюркский текст первым переводчиком переведен весьма приблизительно, хотя и буквально: «я опчен холоп бию челом чтоб гсдря моего црву прошене исполнит»; после дополнений второго переводчика текст перевода заметно изменился: «я опчен холоп *ваш* бию челом *вам* гдрю чтоб *вы* гсдрь пожаловали гсдря моего челобите велели исполнит». Другой пример: *siz ūlūy pādīšāh hāzrātlārīnīng mūhābātlik 'inājātingizā 'itibār qilūb siz pādīšāh hāzrātlārīnā jübārgān xatdā ötünā jāzvanlār ērdī*. В переводе первого переводчика: «писали в любытелных грамотах к вашему гсдрьскому величеству прошаючи над...сь на ево црвъ обиход», а после доработки вторым переводчиком текст стал точнее: «писал к *вам* гдрю к *вашему* величеству в любытелных *своих* грамотах надеясь на *вас* гсдря на *твое* црьское величество». Сравнивая тюркские тексты с их переводами, можно заметить, что переводы первого переводчика являются дословными, а второго — смысловыми и более соответствуют принятым тогда нормам русских челобитных. Однако уточненный текст второго перевода все же нуждался в грамматической и стилистической правке. Впоследствии это было выполнено третьим лицом — правщиком (коричневыми чернилами. Например, очень важные дополнения были сделаны ко второму приведенному нами примеру: после слов к *вашему* было добавлено слово «црскому», а к словам в *...своих* грамотах — «гсдрь мои». В результате текст улучшился — «писал к *вам* гдрю к *вашему* црскому величеству в любытелных *своих* грамотах гсдрь мои надеясь на *вас* гсдря на *твое* црьское величество». В первом случае слово «црскому» было необходимо, так как в XVI и особенно XVII веках титулатуре придавалось очень большое значение, а во втором случае «гсдрь мои» указывает на адресата.

После разного рода исправлений, дополнений, внесенных первым и вторым переводчиками, а также редактирования правщиком весь текст перевода читается следующим образом:

А. — Перевод с челобитной какому подал гсдрю црвчу | князю Алексею Михайловичю юргеньског(о) Исфендия|ря цря посол Эмин Багатыр в ннешнемь во 151 м году мар|та 26 дн в те поры какъ гсдрь црвичь шел к празднику за вербою|

Б. — Великому гсдрю црю и великому князю Михаилу|Федоровичю всеа Русии самодержцу и облада|телю вашему црьскому величеству Исфендия|ровъ царевъ посол а ваш опчен холоп Эмин Батыр бьет челом|писал к вам гдрю к вашему црскому величеству в любытелных *своих* грамотах гсдрь |мои надеясь на *вас* гсдря на *твое* црьское величество а велелъ на *свои* обиход ясырю купит и *вам* бы гсдрю пожаловат|велет ясырю купит несколько а я опчен холоп *ваш* бию челом *вам* гдрю чтоб *вы* гсдрь|пожаловали гсдря моего челобите велели исполнит а я о том у *вас* гсдря млсти прошю и *вашему* гсдрьскому величеству бию челом а по|том *ваша* гсдрьская воля'.

Вероятно, после завершения перевода под наблюдением дьяка опытный подьячий, хорошо знающий орфографию и грамматику русского литературного языка того времени, под диктовку переводчика переписал текст набело²⁶.

Текст белого варианта перевода написан на двух листах. Размер первого листа (234) — 15,7×33,4 см (рис. 3); второго (235) — 15,3×39 см; немного пожелтевшая белая бумага иностранного изготовления с

²⁶ По мнению Н. И. Тарабасовой, «набело переписывали дьяки и подьячие, которые обычно знали только родной язык — русский». См.: Н. И. Тарабасова. К изучению русских правописных норм первой половины XVII в. (На материале «Вестей-Курантов»). — В сб.: «Памятники русского языка. Исследования и публикации», М., 1979, стр. 38—39.

бодяным знаком — изображением кувшина, на обоих листах видна лишь его верхняя часть²⁴. Почерк — скоропись XVII века, чернила — коричневые.

Сохранность текста хорошая. На левой стороне листа 235 имеются небольшие изгибы, верхняя и нижняя части обоих листов при реставрации срезаны.

Сам текст выглядит следующим образом:

А. — Перевод с челобитной какову|подал гсдрю црвцю кнзю Алексею|Михайловичу юргенског(о) Исфенде|яра царя посол Эмин Багатыр|в ннешнем во 161 м году марта|въ 26 де в те поры какъ гсдрь|црвчъ шел к празднику за вер|бою|.

Б. — Великому гсдрю црю и великому кнзю|Михайлу Федоровичу всеа Русии|самодержцу и облададелю|вшму црскому величеству|Исфиндеяров царев посол а ваш|опчеи холоп Эмин Багатыр бьет|челом писал к вам гсдрю к вашему|црскому величеству в любите|льных своих грамотах гсдрь мой (л. 235) надеяс на вас гсдря на твое|црское величество велел на свои оби|ход ясырю купит и вам бы|гсдрю пожаловат велет ясы|рю купит несколько а я опчеи|холопъ вшъ бю челом вамъ|гсдрю чтоб вы гсдрь пожало|вали гсдря моего челобите велели|исполнит а я о том у вас гсдря|млсти прошу и вшму гсдрскому|величеству бю челом а потом|ваша гсдрская воля'.

Сличение данного текста с последним вариантом черновика показывает, что порядок слов в тексте не был изменен, но имеются некоторые расхождения в правописании. Например, в беловике вместо «облада|телю вашему црскому величеству Исфендия|ровъ царевъ посол... Эмин Батыр» написано «облададелю|вшму црскому величеству|Исфиндеяров царев посол... Эмин Багатыр» и т. п.

Кроме того, на обороте первого листа беловика (234) имеется указание царя — помета, которая обычно делалась самим царем или же по царскому разрешению, иногда от его имени дьяками Посольского приказа: «Исдрь пожаловал велел в Асторохани|ясырю некрещеново члвки три или|четыре купит по волно и отпустит|с послом».

Имена писца (тюркского текста), переводчиков и правщика в подлинниках не указаны. Можно сделать лишь некоторые предположения. Тюркский текст, вероятно, был написан подьячим Посольского приказа, или же писцом самого посла, так как среднеазиатские послы нередко прибывали в Москву со своими писцами.

Русский перевод, скорее всего, был выполнен высококвалифицированными для того времени переводчиками Посольского приказа, хорошо знавшими языки. Поэтому среднеазиатские послы, приезжая в Москву, обычно просили царя прислать к ним переводчиков из Посольского приказа. Например, в начале сказки хивинского посла Девлет-Мухаммеда в Посольском приказе от 13 мая 1658 года написано: «В Посольском приказе диаком думному Лариону Лопухину да Дмитрею Шубину докладывал юргенского посла Довлет-Маметя пристав Степан Смайлев: бьет де челом великому государю юргенской посол, чтоб великий государь пожаловал ево, велел к нему прислать на двор ис Посольского приказу подьячего для государева дела, и велели бы с тем подьячим прислати к нему переводчика, а ему б, Степану, быть тут же.

И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу диаки думной Ларион Лопухин да Дмитрий Шубин велели к юргенскому послу итти на двор подьячему Ивашку Истомину да переводчику Обдулу Бай-

²⁴ А. А. Гераклитов. Филигранны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1968, стр. 120 — № 714 (1644). Такая бумага в России использовалась и ранее (1643 г.). Об этом свидетельствует и рассматриваемый нами документ.

цыну, а ему, Степану, с ними ж, и что он учнет говорити, и подьячему Ивашку велели записать и тое записку принести в Посольской приказ»²⁸.

Можно предположить, что переводчики были нерусскими. Об этом говорят ошибки в написании слов, особенно многочисленные опiski в тексте первого переводчика, которые впоследствии были устранены вторым, более грамотным переводчиком, а также правщиком. Правщик, очевидно, был русский. Об этом свидетельствуют характер его почерка, исправления и дополнения. Но основные исправления вносились в текст при переписывании перевода с черновика опытным подьячим, несомненно, русским.

Если деятельность русских и западных переводчиков прошлых эпох в какой-то мере изучена²⁹, то этого нельзя сказать о восточных, в том числе и тюркских переводчиках.

В различных фондах ЦГАДА хранятся также деловые документы, переведенные с русского языка на тюркский в XVII веке. Ряд их опубликован в упоминавшихся выше «Материалах по истории Узбекской...», в книгах «Русско-индийские отношения в XVII в.» (М., 1958) и «Русско-монгольские отношения 1609—1636 гг.» (Сборник документов. М., 1959). Введение в научный обиход и изучение подобных документов представляет несомненный лингвистический интерес, способствуя более углубленному изучению истории взаимоотношений тюркских и русского языков, пополнению сведений о лексике делового языка государств Средней Азии и Русского государства XVII века, а также тюркских памятников XVII в.

²⁸ «Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов». М., 1958, стр. 131—132.

²⁹ С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 53—55 и 141—146; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические заметки. СПб, 1903, стр. 460; Л. В. Волков. О переводчиках научной литературы. — В сб.: «Естественнонаучные представления Древней Руси», I, М., 1978, стр. 148—155; и др.

М. Р. ФЕДОТОВ

ЧУВАШСКО-МОНГОЛЬСКИЙ ЛАМБДАИЗМ И РОТАЦИЗМ В СВЕТЕ ДВУХ ТОХАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПРАТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Недавно опубликованы «Чувашские исследования»¹, куда вошли материалы научного симпозиума, состоявшегося в 1977 году в городе Эгере (ВНР). Большой интерес для исследователей, занимающихся историей чувашского языка, представляет включенная в сборник статья известного венгерского ученого А. Рона-Таша, являющегося также научным редактором этого издания.

2. Работа А. Рона-Таша «Периодизация и источники истории чувашского языка» (стр. 113—169) представляет собой наиболее полный вариант ранее опубликованной им статьи «Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка»².

Наряду с древнетюркскими письменными памятниками VI—VIII веков н. э. важным источником исследования истории алтайских языков и их периодизации является чувашско-монгольский ротацизм.

2.1. Оппоненты Г. Рамстедта, М. Рясненна, Н. Н. Поппе считают, что чув. *-r* восходит к тюркскому *-z*, а *-l* — к *-š*, иначе говоря, чувашский ротацизм и ламбдаизм по отношению к зетацизму и сигматизму представляет собой вторичное явление.

Что касается датировки ротацизма, то почти все исследователи связывают его возникновение с появлением зетацизма, однако точное время появления этих фонетических особенностей пока не определено.

2.2. По мнению И. Бенцинга, переход *z* в *r*, *š* (*ž*) в *l* в чувашском языке совершился после X века³. Для доказательства этого он ссылается на три чувашских слова, в которых, якобы, *z* перешел в *r*: чув. *пир* 'холст, полотно', языческое женское имя *Шеневе́р*, *хырắ/хыр* 'сосна'. Рассмотрим эти слова в данной последовательности.

В чувашском языке есть не только слово *пир* 'холст, полотно', но и *пӳс*, представляющее собой татарское заимствование: чув. *пӳс* < тат. *бүз* < др.-тюрк. *böz* 'хлопчатобумажная ткань, холст, бязь'. Древнетюркское же *bez* (> тат. *бәз/бәс*) восходит к арабскому слову *بز* [*bäzz*] 'хлопчатобумажная ткань, полотняная ткань, бязь', ср. тат. *бәзәз* (< араб.) 'торговец тканями'⁴.

В этот ареал входят тунгусо-маньчжурские и монгольские формы: сол. *баи́у* 'холст', нег. *босо* ~ *босү* 'ткань', орош. *бусу*, ульч. *бӱсү* 'ткань (хлопчатобумажная), холст, полотно', нан. *босо* 'ткань', маньчжур. *босо* 'ткань (хлопчатобумажная), холст, полотно', чж. *pü̯h-sü* 'холст, полотно'; п.-монг. *bös*, монг. *бөс* 'ткань (хлопчатобумажная)'; др.-тюрк. *bez* ~ *böz* 'ткань, материал', греч. *byssos*⁵.

Об отношении чув. *пир* 'холст, полотно' к приведенным выше фор-

мам — судить трудно, но арабская форма *bāzz* (>др.-тюрк. *bez*, тат. *бәз/бәс* и др.) в чувашском языке в результате ротации превратилась бы в **пар*, ср. чув. *пар* 'железá' ~др.-тюрк. *bez* 'железá, бубон', ср. калм., бур. *бер* 'затверждение на теле' и т. д.

Тем не менее можно допустить, что чувашские *пир* и *пӳс* являются такой же парой, как, например, чувашское *куш* 'глаз' (~тюрк. *köz*) и *кур* 'смотреть, глядеть' (~тюрк. *kög*).

Рассмотрим предположение о соответствии чувашского женского языческого имени *Шеневер* персидскому *šah-pawāz* 'dem König schmeichelnd'. Вторая часть его — *نه‌آز* -*pāvaz* означает «ласкающий, лелеющий, нежащий», например: *del/pāvaz* 'ласкающий сердце', *mehman/pāvaz* 'гостеприимный', *fārib/pāvaz* 'ласковый к чужестранцам', *bānde/pāvaz* 'ласковый к подчиненным'⁶. Подобные примеры имеются в турецком и азербайджанском языках: тур. *mihman/pevaz* 'гостеприимный, хлебосольный', тур. *pevaziş*, азерб. *нəвəзиш* 'ласка, приветливость, услужливость', азерб. *нəвəзишли* 'приветливый, ласковый' и т. д., являющиеся персидскими заимствованиями.

В номенклатуре многочисленных чувашских языческих имен наряду с *Шеневер* (женское имя) встречаются: *Селехвер* (мужское имя), *Шелхивер* (женское имя), *Илтевер* (женское имя), *Кёльневер* (женское имя), *Кёльшевер* (женское имя), *Вахвар* (по-видимому, женское имя) и т. д. Можно упомянуть еще *Акивер* — название речушки, протекающей в дер. *Нёркеч* (русс. Нюргечи, Комсомольского р-на Чувашской АССР), впадающей в р. Малую Булу. *Акивер* стал литературным псевдонимом известного чувашского писателя.

Общим для всех этих имен является детерминант *-вар/-вер*, значение которого едва ли можно установить, однако он, по всей видимости, не имеет отношения к персидскому *pāvaz*. То, что *-вар/-вер* является словообразовательной морфемой, подтверждается морфемами *-пи*, *-слу*, *-вун*, *-рук*, *-рут*, *-вис*, образующими также имена собственные, ср. *Илтевер* (имя женское) и *Илте-пи* (имя женское), *Уне-вер* и *Уне-пи*, *Уне-слу* (имя женское), *Ях-вар* и *Ях-вун*, *Ях-рук*, *Ях-рут*, *Ях-вис* (имя мужское) и др.

Можно прийти к вполне обоснованному заключению, что морфема *-вар/-вер* является суффиксом иранского происхождения, обозначающим обладание каким-либо качеством, например: *جان‌وار* [džānvār] 'животное', *هنروار* [honārvār] 'талантливый', *سخان‌وار* [soxānvār] 'оратор'⁷. Некоторые из этих слов, например, *džānvār*, вошли во многие тюркские языки, в том числе и в чувашский: тур. *canavar*, азерб. *чанавар*, тат. *жанвар* 'тварь, зверь, хищник', чув. *янавар* 'бессловесное, жалкое животное'.

И. Бенцинг считает, что чувашское слово *хырă/хыр* 'сосна' восходит к финно-угорской зетацирующей форме со значением «ель». Однако чувашское *хырă/хыр* по своим звуковым особенностям (**a > ы*, **к > х*) и значению явно тюркское; ср. тув. *хады*, хак. *хазы* 'сосна' < **кады*⁸.

2.3. Б. А. Серебrenников, вслед за И. Бенцингом, считает, что приводимые последним три слова являются окончательным доказательством того, что в чувашском, как и в болгарском языке, имел место переход *-z* в *-r*, совершившийся позднее X века. По его мнению, «наиболее вероятной причиной ротацизма *z* в чувашском языке является довольно ярко выраженная тенденция к ослаблению смычки согласных... Подпав под действие тенденции к ослаблению щели затвора, начальный *z* (наверное, конечный. — М. Ф.) скорее мог превратиться в *р*»⁹.

Однако есть немало примеров того, что ослабление щели затвора не повлекло за собой перехода *z > r*. Так, в алтайских языках древнего

периода встречаются слова с признаками $z \sim r$, хотя в них не произошло ослабления смычки согласных: qutur~qutuz, qutuz it 'бешеная собака' (ДТС, 475), qutur ögsüz qıl 'сводить с ума, доводить до безумия, делать умалишенным' (ДТС, 474), qıǵu~qızu 'розовый, румяный' (ДТС, 450), baǵu~bazu 'ягоды мирты', izde/iste~irte 'следовать, искать'¹⁰. Даже в том случае, когда завершен процесс ослабления смычки согласных, z не ротицируется. Например, переход заднеязычного глухого смычного k в спирант x (ослабление смычки налицо) не повлиял на качество звука z : кыпч.-половецк. *хыз* (<*кыз*), но чув. *хёр* 'дочь, девушка'; крым.-тат. *хаз*, хак. *хас*, як. *хаас* (<*каз*), но чув. *хор/хур* 'гусь'; крым.-тат. *хызыл* (<*кызыл*), но чув. *хёрлё* 'красный'; крым.-тат. *хазан* (<*казан*), но чув. *хоран/хуран* 'котел'; тув. *хадын*, хак. *хазын* (<*казын*), но чув. *хоран/хуран* 'береза' и т. д.

Ослабление смычки велярного k не привело к переходу $š$ в l : крым.-тат. *хыш* (<*кыш*), но чув. *хёл* 'зима'. Явление $z \sim r$ можно видеть в орхонских надписях, датируемых VII веком: *kögür közüм kögmez teg... boltı* 'мои зрячие глаза... словно ослепли' (КТб, 50).

Известно, что в алтайских языках имена и глаголы общего происхождения отличаются друг от друга лишь конечными согласными s и r : п.-монг. *sonus-*, х.-монг. *сонос-* 'слышать', но соответственно *sonu*, *сонор* 'слух'; п.-монг. *üñür*, х.-монг. *унэр* 'запах', но соответственно *ünüs-*, *унэс-* 'нюхать'; п.-монг. *baуаг*, х.-монг. *баяр* 'радость', но соответственно *bayas-*, *баяс-* 'радоваться', ср. тюрк. *köz* 'глаз' и *kög-* 'видеть'¹¹.

2.4. А. Рона-Таш, в отличие от названных выше авторов, переходы z в r и $š$ в l относит к эпохе до н. э.

Возникает вопрос: что же такое монгольский ротацизм и ламбдаизм и к какому времени относятся эти явления?

А. Рона-Таш не раз отмечал, что «тюркские заимствования в монгольском до XIII в. вполне определенно свидетельствуют о том, что заимствовались они из множества различных тюркских языков в различные исторические периоды. Одним из тюркских языков — источников подобных заимствований должен был быть язык, принадлежащий к чувашско-булгарской группе»¹².

В рассматриваемой работе автор придерживается аналогичного мнения, полагая, что чувашско-монгольские параллели нельзя считать ранним общим фондом в алтайских языках и что древнеалтайские соответствия являются заимствованиями.

Из статьи А. Рона-Таша явствует, что хронологическим показателем появления ротацизма и вместе с ним прабулгарского языка (Ancient Bulgarian, далее ПБ), может служить позднепрабулгарское (Late Ancient Bulgarian, далее ППБ) заимствование числительного «сто» в общесамодийском языке еще до распада последнего на северную и южную группы, то есть до начала первого столетия н. э.: *yür ← ППБ *yü:r при стандартном тюркском (Standart Turkish, $z/\check{s}$ Turkish, далее СТ) *yü:z* (стр. 122).

В качестве *terminus post quem*, по мнению А. Рона-Таша, выступает древнетохарское заимствование *yес* 'металл' в пратюркском (Ancient Turkish, далее ПТ), куда оно попало до появления ротацизма: *yес* 'металл' → ПТ *yez > yez ~ yer (стр. 123).

3. В связи с этим обратимся к так называемым древнетохарским заимствованиям в позднепратюркском языке (Late Ancient Turkish, далее ППТ).

Ранние тохарско-тюркские контакты, как считают Немет и Винтер, имели место еще в начале нашей эры. А. Рона-Таш, однако, пола-

гает, что такие контакты могли быть еще в первой половине первого тысячелетия до н. э. (стр. 123).

В. В. Иванов считает, что первые письменные памятники на тохарских языках появились около V века н. э.¹³

По мнению В. Краузе и Цзи Сянь-минь, которые ссылаются на публикацию Зига (SBAW, 1918, стр. 560), носители диалекта А тохарского языка называли себя *ārši*. В памятнике в честь Кюль-Тегина (КТмз) есть выражение *toquz ersänkä tegi*. Его обычно переводят «до девяти эрсенов»¹⁴. На наш взгляд, стоящий перед афф. дат.-местн. падежа формант *-n-*, возможно, представляет собой также аффикс, возникший после гласной основы. В этом случае само название тохар подгруппы А *ārši* и древнетюркская форма *ersä* оказываются идентичными. Если исходить из значения целого предложения «Вперед (т. е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; направо (т. е. на юг) я прошел с войском вплоть до „девяти эрсенов“, немного не дошел до Тибета; назад (т. е. на запад), переправясь через реку Йенчу (Жемчужную), я прошел с войском вплоть до Темир-капыга (Железных ворот), налево (т. е. на север) я прошел с войском вплоть до страны Йир-Байырку, — вплоть до столь (многих) стран я водил (свои войска)»¹⁵, то становится понятным, что Кюль-Тегин победил также тохар, называвших себя *ārši* и составлявших народность в VIII веке н. э.

А. В. Десницкая полагает, что тексты двух родственных между собой языков, найденные в начале XX века в Синьцзяне, относятся к VII веку н. э.¹⁶

Так или иначе, тохарские и ранние древнетюркские письменные памятники хронологически совпадают.

Перед исследователями всегда стоял вопрос о наличии в тохарских языках неиндоевропейских компонентов.

В. Краузе по этому поводу высказывает такие соображения: «В известной степени вероятно предположение, что неиндоевропейский субстрат тохарского образован каким-то агглютинирующим языком... Древнетюркский не имеет, как кажется, других точек соприкосновения с тохарским, кроме агглютинативного склонения. Поэтому из всех известных нам языков и языковых групп неиндоевропейский субстрат тохарского могли образовать только угро-финские языки или языки Северного и Центрального Кавказа»¹⁷.

Разделяя эту точку зрения, В. В. Иванов пишет: «Наиболее близкую параллель в тохарской фонологической системе можно найти в финно-угорских языках. Для финно-угорского праязыка В. Штейниц реконструирует противопоставления согласных фонем *p:ñ, l:l', s:s, t:t'*; эти соотношения тождественны тохарским противопоставлениям *p:ñ, l:ly, s:s, t:t* (где *ly* — графическая передача одной палатальной фонемы)... Связи между финно-угорскими и тохарскими языками могут быть предположены и на основе морфологических и лексических данных»¹⁸.

3.1. В тохарскую группу индоевропейских языков входят тохарский А (тох. А) и тохарский В (тох. В). Согласно А. Рона-Ташу, например, тох. *B riś* и тох. *A rāñ* 'пять' восходят к и.-е. *penkue*, возможно, через прадох. *peñš3*. Др.-тох. *B peś* превратилось в тюркское *beş* 'пять'.

Другое слово: тох. *B uasā*, тох. *A wās* 'золото' якобы восходит к и.-е. **ues*, из чего следует, что древнетохарская В-форма может быть реконструирована в виде **ues*, заимствованной тюрками как *uez* (стр. 128—129). Далее автор переходит к формам с ротацизмом и ламбдаизмом: тох. *peś* засвидетельствовано в волжско-булгарском (далее ВВ) в виде *biel* ~ чув. *пилёк*, а тох. *ues* — в форме монгольского *jer jebseg* '(бронзовое) оружие'. (В современном халха-монг.

зэр [чит. дзер] 'оружие', зэр зэвсег 'вооружение, боевое снаряжение' калм. зэр-зев 'оружие; вооружение'. В то же время «медь» называется: в халха-монг. зэс: зэс мөнгө 'медные деньги', калм. зес [зэсе] 'медь (красная)', zes «Kupfer», «Messing», письм. монг. zes, тюрк. jäs, jis, ком. jäs¹⁹. — М. Ф.). Затем, по мнению автора, слово в ротацирующей форме из ППБ было заимствовано мордовским и пермским языками (стр. 129).

В современном чувашском языке «желтая медь», «латунь» называется йёс и, судя по конечному -с, слово это скорее всего кыпчакского происхождения: башк. ез, миш. йиз, тат. жиз, что отмечает и А. Рона-Таш (стр. 129).

Приведенные нами современные монгольские формы зэр зэвсег (халха-монг.), зерсев (калм.), судя по словарям, обозначают «оружие», «вооружение», но не «(бронзовое) оружие», как это утверждает венгерский ученый (стр. 129).

В современном халха-монгольском языке в значении «бронза» употребляется хурэл, калм. курл, а в письм.-монгольском kügel, küler обозначало «латунь», «желтая медь»²⁰.

По мнению Э. Бенвениста, тох. А wäs, тох. В yasā, ysā 'золото' восходят, очевидно, к *was-, в то время как балтийские и итальянский языки имеют aus-... Не случайно тохарское *was напоминает финское vaski 'медь', армянский язык, который связан с этим же районом, тоже имеет сходную с финским форму oski 'золото'²¹.

В «Примечаниях» В. В. Иванов по этому поводу пишет, что «связь тохарского названия „золота“ с финно-угорским названием металла (удм. весь и т. п.) независимо от Э. Бенвениста была установлена В. И. Лыткиным в статье „О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках“. — „Известия отделения литературы и языка АН СССР“, 1951, 4, стр. 392»²².

Как считает А. Рона-Таш, пермские и мордовские ротацирующие формы восходят к ППБ (стр. 129). В. И. Лыткин же пишет, что «в русско-коми разговорнике XVIII в. ...имеется слово широе 'свинец'. Мы слово широе воспроизводим в виде с'ир-ис' или с'ыр-ис'... Рассматриваемое слово мы разбиваем на две части (с'ыр-ис'), ориентируясь на слова современного коми языка, обозначающие некоторые металлы: эз-ись 'серебро', оз-ись 'олово'... Вторая часть этих слов (-ись), соответствующая удмуртскому -весь (в словах аз-весь 'серебро' и уз-весь 'олово') обозначала какой-то металл, ср. фин. vaski 'медь', эрзя-морд. уське 'провода', венг. vas 'железо' и т. д. Какое значение имела первая часть слова с'ыр-ис'? Имеются ли параллели к этому слову в других языках? На эти вопросы дают ответ чувашский и мокша-мордовский языки». Далее В. И. Лыткин приводит следующие слова из этих языков: «мокша-морд. серя (сёр'а) с разными значениями по диалектам: 'медь', 'железо', 'серебро', 'провода', 'латунь', 'металл'. Паасонен это мордовское слово считает заимствованием из древнечувашского», предполагая в последнем форму *šer, что соответствует тат. jiz 'латунь, желтая медь'²³. «Нам кажется, — отмечает В. И. Лыткин, — что данное мокшанское слово пришло из тюркского мира... по своему звуковому виду это слово совпадает с воспроизводимым чув. *šer ...Впрочем, не имеет ли отношение рассматриваемое древнекоми слово к следующему тюркским словам: чув. сёрё 'кольцо', куслā сёрё 'перстень, кольцо', которому соответствует тат. йөзек, башк. йөзөк 'перстень, кольцо' и т. д.? Таким образом, — заключает В. И. Лыткин, — имеется основание считать коми сир- или сыр- (в слове сыр-ис 'свинец'), как и мокша-мордовское сёр'а 'медь, железо, латунь' и т. д., древнечувашским заимствованием»²⁴.

В. Кипарски русск. серьга (1358 г.) возводит к форме *šüriy 'кольцо'²⁵, то есть к той самой форме, к которой З. Гомбоц возводит совре-

менные венгерскую и чувашскую формы: венг. *szérű, szérő, szűrű, szűrő* 'ток, гумно' с первоначальным значением 'кольцо' <др.-чув. *šürü, чув. šerē* 'кольцо', тат. *йөзек*²⁶.

3.2. Допустим, что приведенные А. Рона-Ташем тохарские формы являются безупречными, и что тохарское *piš* 'пять' — это исходная форма образования *СТ beš* и *ВВ biel* > чув. *пилёк*, а тох. *ues* 'металл' — тюрк. *uez* 'медь' и *ППБ *jei* > мокш.-морд. *серя*, а также монг. *jer jebseg* 'бронзовое) оружие'.

В отношении числительного «пять» трудно предположить, что пратюркская система числительных от 1 до 10 возникла путем интеграции разнородных частей — тюркской и индоевропейской.

Кроме того, относительно приведенных автором двух так называемых тохарских слов вполне можно также допустить обратное, то есть, что они являются заимствованиями из стандартного тюркского *з-/ш-* языка: др.-тох. *B peš* < тюрк. *beš*.

А. Рона-Таш в другой своей работе, обосновывая аргумент, основанный на синонимии, склоняется к такому предположению: «Если два синонима обозначают один предмет в языке А и один из этих синонимов наличествует также в языке В, то вполне возможно, что он является заимствованием в языке А»²⁷. Однако такое единичное, возможно, чисто случайное созвучие тох. *B piš* с тюркским *beš* едва ли позволяет считать доказанным их генетическую общность и выводить чув. *pil-ëk* из *beš*.

4. Г. Рамстедт, М. Ряснен, Н. Н. Поппе и другие последователи «чистой» алтаистики для объяснения возникновения границы между стандартным тюркским *з-/š-* и болгарским *р-/л-* языками нашли весьма простой, но вместе с тем почти универсальный метод. Их положения в целом сводятся к допущению алтайской языковой общности, к которой якобы восходят так называемые алтайские языки: тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и отчасти японский.

Г. И. Рамстедт внес в алтаистику тезис: если тюрк. *š* = чув. *š* = монг. *š*, тунг. *с* вполне естественно восходят к *š*, то тюрк. *š* = чув. *л* = монг. *л* = тунг. *л* должны произойти от какого-то *л*-звуча. Но, с другой стороны, если чув. *л*, монг. *л* соответствуют тюркскому *л*, восходящему к **l*, то следует предположить, что исходным звуком тюрк. *š* был палатальный **l'*. В случаях, когда тюрк. *z* = монг. *р* = чув. *р*, по тем же причинам следует реконструировать **ř*, наряду с которым существовал другой *р*, представленный как в тюркских, так и в других языках. Таким образом:

1) **l = l* (во всех языках);

2) **l' = монг., тунг. л (li, il), дотюрк. *l' > чув. л, протобулг. л, тюрк. š; (венг. l);*

3) **r = r* (во всех языках);

4) **ř = монг., тунг. r (ri, ir), дотюрк. *ř > чув. r, протобулг. r, тюрк. z; (> венг. r)*²⁸.

В свете этих предложений становится ясно, почему на западе (чувашский и древнетюркские заимствования в венгерском языке), на севере (якутский, но редко) и на востоке (монгольский, китанский, тунгусский и другие языки) в словах и окончаниях имеется *л (< *l')* и *р (< *ř)*, тогда как в тюркских языках в ограниченном районе Центральной Азии отмечается сепаратное развитие, результатом которого явилось *š (< *l')* и *z (< *ř)*²⁹.

Г. И. Рамстедт подчеркивал, что переход палатального и спонтированного *l'* в *š (l' > š)* первоначально существовал в ограниченном ареале и лишь позже распространился на более значительные территории, но никогда не охватывал все тюркские языки, потому, что *l'-* и *ř- (> л, р)* языки сохранялись дольше всего на Западе и Севере. На палатальность *l'* и *ř* указывают также чувашские слова *хэл* 'зима' и *хэг* 'де-

вушка', где благодаря палатальному характеру *l'*- и *ř*- гласный звук стал переднеязычным³⁰.

4.1. Из множества высказываний исследователей, положительно оценивающих тезис Г. Рамстедта, приведем слова Л. Лигети: «Итак, если же вместе с Рамстедтом, отправляясь от идеи, что *r* и *l* первичны в тюркском, то следовало бы заключить, что чувашский удерживал без изменений прототюркское состояние и что в других тюркских языках *z* и *ž* были инновациями. Состояние монгольского языка не требовало бы комментариев в этом случае, поскольку в нем сохранено состояние протомонгольское, и ничто не мешает нам возводить прототюркское и протомонгольские *r* и *l* к предшествующей алтайской общности»³¹.

¹ «Chuvash Studies». Edited by András Róna-Tas. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1982.

² См.: «Проблемы исторической лексикологии чувашского языка». Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Труды. Вып. 97, Чебоксары, 1980, стр. 3—13.

³ «Philologiae Turcicae Fundamenta». I, Wiesbaden, 1959, стр. 697.

⁴ «Арабо-татарско-русский словарь заимствований». Казань, 1965, стр. 39; «Арабско-русский словарь». М., 1962, стр. 83.

⁵ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков». Том I, М., 1975, стр. 78.

⁶ М. А. Гафаров. Персидско-русский словарь. Т. II, М., 1976, стр. 874.

⁷ Там же, стр. 888.

⁸ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 314; Martti Räsänen. Versuch eines ethymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 218a.

⁹ Б. А. Серебренников. Что было первичным *r*² или *z*? — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 13—19; его же. Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982, стр. 34.

¹⁰ В. М. Насилов. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 19.

¹¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 360; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, стр. 82; Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, стр. 152.

¹² «Вопросы языкознания». 1974, № 2, стр. 42.

¹³ «Тохарские языки». Сборник статей. М., 1959.

¹⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, стр. 34; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 181.

¹⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 34.

¹⁶ А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955, стр. 11.

¹⁷ «Тохарские языки», стр. 80.

¹⁸ «Тохарские языки», стр. 11. См. также: О. Н. Трубачев. О возможности венгерско-тохарских связей. — «Этимология», М., 1963, стр. 191—193.

¹⁹ G. J. Ramstedt. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1976, стр. 473.

²⁰ G. J. Ramstedt. Указ. раб., стр. 247.

²¹ «Тохарские языки», стр. 106—107.

²² «Тохарские языки», стр. 156.

²³ Heinrich Paasonen. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. JSFOu XV, Helsingfors, 1897, стр. 46—47.

²⁴ «Вопросы финно-угорского языкознания». Вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 134—135; М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч. II, Чебоксары, 1968, стр. 133.

²⁵ Valentin Kiparsky. Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, стр. 67.

²⁶ Zoltán Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, стр. 123.

²⁷ См.: «Вопросы языкознания». 1974, № 2, стр. 33.

²⁸ G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. Helsinki, 1922, стр. 29.

²⁹ G. J. Ramstedt. Zur Frage nach..., стр. 29.

³⁰ Там же, стр. 31.

³¹ «Вопросы языкознания». 1971, № 3, стр. 22.

А. Дж. ШУКЮРОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ПОСЛЕЛОГОВ birlä и ilä В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Интерес к изучению этимологии послелогов в тюркских языках возник еще в средние века. Составители первых систематизированных тюркских грамматик проявляли интерес к происхождению отдельных послелогов, однако не давали их толкования, ограничиваясь лишь расчленением на составные части¹. Таким образом, происхождение послелогов в тюркских языках в этот период не являлось непосредственным объектом научного исследования.

Позднее некоторые ученые, вплотную занявшись изучением происхождения послелогов, пришли к выводу, что послелог в тюркских языках появились в результате обособления знаменательных слов — имен и глаголов. Однако теория обособления послелогов и их семантико-грамматических отношений со словами, к которым они восходят, до сих пор не разработана. Существование различных и часто противоречивых идей относительно происхождения послелогов объясняется, на наш взгляд, именно этим обстоятельством. Это убедительно подтверждается и высказываниями ученых об этимологии послелогов birlä и ilä.

Послелог birlä относится к числу древнейших в тюркских языках. Он встречается во всех памятниках тюркской письменности, относящихся к различным периодам, и сохраняется почти во всех современных тюркских языках. Это позволяет полагать, что данный послелог, возможно, функционировал еще в тюркском праязыке.

Послелог birlä встречается в орхоно-енисейских письменных источниках только в одном варианте и транскрибируется обычно как birlä

(𐰉𐰺𐰽𐰸). В «Диване» Махмуда Кашгари этот послелог зафиксирован

в двух вариантах بىرله birlä и بىله/بيله bilä². В азербайджанских письменных источниках он обнаруживается в следующих вариантах: بىرله/بىرل bilä, بىرلن/بىرلن birlän, بىله/بيله bilä, بىلن/بيلن bilän.

По мнению А. Зайончковского, послелог bilä не является фонетическим вариантом birlä и эти послелогии имеют различное происхождение³.

¹ F. M. Meninski. *Linguarum orientalium Turcicae, Arabicae, Persicae*. Viennae, 1680, стр. 134; (Holdermann). *Grammaire turque ou Methode courte Facile*. M., DCC. XXX (1730), Constantinople, стр. 59; C. C. Carbognano. *Primi principi della grammatica Turca*. Roma, 1794, стр. 515.

² Mahmud Kaşgari. *Divanü Lügat-it-Türk tercümesi*. Ankara, т. I, 1939, стр. 44, 82, 100; т. II — 1940, стр. 5, 22, 77, 87; т. III — 1941, стр. 32, 72.

³ A. Zajaczkowski. *Studja nad językiem staroosmanskim*. I (Kalila i Dimna), Krakow, 1934, стр. 187.

Однако большинство тюркологов полагает, что *bilä* образовался в результате выпадения согласного *r* в послелого *birlä*.

По предположению В. Котвича, М. Рясненна и Б. Коллиндера, *birläp* — один из вариантов *birlä*; элемент *-läp* в составе данного варианта послелого трактуется как застывшая форма сочетания глаголообразующего аффикса *-lä* с показателем отглагольного имени *-n*⁴. Однако А. Н. Кононов считает, что *-n* — это аффикс деепричастия и, по его утверждению, послелог *birlä* первоначально мог иметь значение «совместно, заодно»⁵.

Впервые такая точка зрения на этимологию *birlä* была высказана А. Призмаером, который расчленил этот послелог на составные части: *bir* + *lä*. Однако А. Призмаер не дал толкования значений выделенных составных частей⁶. Любопытно отметить, что тюркологи в большинстве своем расчленяют данный послелог таким же образом и первую его часть возводят к числительному *bir* 'один', однако в оценке элемента *-lä* мнения расходятся.

Согласно В. Радлову, указанный элемент имеет какое-то отношение к аффиксу собирательного числительного *-lä*, *-län*. Такого же мнения придерживается и Н. А. Баскаков⁷. Ж. Дени сопоставляет его с аффиксом совместности, собирательности⁸. Напротив, А. Р. Рахмати утверждает, что данный элемент является застывшей формой аффикса *-lä*, с помощью которого образуется глагол от имен⁹. Эту точку зрения разделяют И. А. Батманов и А. Н. Кононов¹⁰.

К. Грёнбек возводит данный элемент к усилительной частице¹¹. Г. И. Рамстедт в одной из работ отдает предпочтение мнению В. Радлова, но в последующих исследованиях утверждает, что указанный элемент является реликтом аффикса древнего директивного падежа *-rä*¹².

Несколько иначе к этимологии послелого *birlä* подходит К. Брокельман, который, в отличие от многих других ученых, полагает, что *-lä* — это усеченная форма послелого *ilä*¹³.

Как известно, служебное слово *birlä* как в древнетюркском, так и в некоторых современных тюркских языках иногда встречается также в качестве наречия. По-видимому, по этой причине М. А. Казем-Бек возводит происхождение послелого *bilä* к наречию¹⁴. Этой же позиции придерживается Э. В. Севортян, который, отстаивая мнение К. Брокельмана, утверждает, что этимологический анализ слова *birlä* необходимо начинать с наречия. Э. В. Севортян считает, что указанный послелог образовался на базе наречия образа действия, выражавшего значение

⁴ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. II, М., 1978, стр. 150.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 314.

⁶ A. Prizmaier. Grammaire turque ou developpement separa et methodique des trois genres de stile. Vinne, 1847, стр. 257.

⁷ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neu Folge, SPb., 1897, стр. 71; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. М., 1952, стр. 507.

⁸ Jean Dénny. Türk dili grameri tercümesi (Osmanlı lehcesi). Istanbul, 1941, § 876.

⁹ A. R. Rahmeti. Adib Ahmed Yükneki. Atebetu'l hakayik. Istanbul, 1951, стр. 140.

¹⁰ И. А. Батманов. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе, 1939, стр. 18; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 314; его же. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 154.

¹¹ C. Grönbeck. Der Türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, стр. 35.

¹² Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 54.

¹³ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, § 6.

¹⁴ М. А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. СПб., 1846, стр. 332.

совместного действия (ср. предлог «с» в русском языке), которое, в свою очередь, образовалось от числительного с помощью элемента *-lā*, придавшего всему сочетанию значение образа действия (как, каким образом)¹⁵. Однако функциональные значения послелогов, восходящих к знаменательным словам, не подтверждают изложенные выше предположения.

Известно, что послелогов способны управлять именем в именительном, родительном (только для местоимений), дательном и исходном падежах. На наш взгляд, способность послелога управлять именем тесно связана с первоначальной грамматической формой слова, от которого он обособился. То есть все послелогов, выделившиеся из состава определенной грамматической категории, сохраняют способность управлять именем подобно последней. При этом следует учитывать, что послелогов в тюркских языках выделились либо из состава изафетной конструкции, либо же из деепричастного оборота.

Послелогов именного происхождения обособились, по-видимому, из состава изафетной конструкции. Вот почему эти послелогов управляют именем либо в именительном, либо в родительном падеже, как в составе тюркского изафета.

Любопытно отметить, что послелогов, происходящие от имен, в тюркских языках малочисленны. В азербайджанском языке они исчерпываются в основном послелогами *kimi* и *tāk*, выражающими уподобление, сравнение. Как в азербайджанском, так и в других тюркских языках, они управляют именем в именительном, а местоимением — в именительном и родительном падежах, в связи с тем, что они выделились из состава второго или третьего типа изафетной конструкции.

Другой и, пожалуй, более важной особенностью послелогов именного происхождения является, думается, то обстоятельство, что они выражают грамматические отношения не только между именем и глаголом, но и между именем и именем. Как, например, в азербайджанском языке: *Ayağ kimi bärk cögäk* 'Хлеб, твердый, как дерево'; *Ayağ kimi bojatmag* 'Вырасти, подобно дереву'.

В первом предложении послелог *kimi* выражает грамматическое отношение между именем и именем. Во втором предложении он выражает грамматическое отношение между именем и глаголом.

То же самое можно сказать и о послелоге *tāk*, превратившемся в некоторых современных тюркских языках в словообразовательный аффикс, который также в одном случае выражает грамматическое отношение между именами, в другом случае — между именем и глаголом: *Sänin tāk adam* 'Человек, подобный тебе'; *Sänin tāk jašamag* 'Жить, как ты'.

По всей вероятности, послелогов, обособленные от имен, первоначально выражали грамматическое отношение только между именем и именем. Способность же выражать грамматическое отношение между именем и глаголом — их вторичное свойство.

Совершенно другими грамматическими особенностями обладают послелогов, выделившиеся из состава глагола. Послелогов глагольного происхождения обособились в деепричастной форме и в процессе развития языка выделились из состава деепричастного оборота. Деепричастия, как известно, способны управлять всеми падежными формами имени, послелогов же, имеющие деепричастное происхождение, управляют именем лишь в основном, дательном и исходном падежах.

Что же касается синтаксических отношений послелогов, восходящих к деепричастиям, то они, в отличие от именных послелогов, выражают

¹⁵ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 150.

грамматические отношения только между именем и глаголом. Эта особенность связана со значением деепричастия как отглагольной формы.

Руководствуясь этим положением, можно, как нам кажется, более точно определить происхождение послелогов в тюркских языках, нежели это делалось до сих пор.

Прежде всего отметим, что послелог *birlä* выражает грамматические отношения только между именем и глаголом. Эта особенность дает основание считать, что он обособился от глагола.

Мы разделяем точку зрения В. Банга, полагающего, что указанный послелог происходит от деепричастия *bir+il+ä* 'присоединяясь', 'соединяясь'¹⁶. Э. В. Севортян же эту версию происхождения послелога *birlä* считает уязвимой на том основании, что глагол *biril-* 'присоединять' в тюркских письменных памятниках не отмечен. Однако достаточно обратиться к следующему примеру, встречающемуся в «Огузنامه» («Легенда об Огуз кагане»), чтобы убедиться в неправомерности данного утверждения Э. В. Севортяна: *Kör ügüşüdan kör toquşüdan son anlar-nı aldı öz jurtıqa birlädi bastı* 'После многих сражений и битв он их завоевал, присоединил к своим владениям, одолел, подавил'¹⁷.

Первообразный послелог *ilä* появился, по-видимому, позже послелога *birlä*. Достаточно сказать, что он отсутствует в большинстве современных тюркских языков. Послелог *ilä* не встречается и в орхон-енисейских письменных источниках. А. фон Габэн утверждает, что наречие времени *tünlä* 'ночью', зафиксированное Махмудом Кашгари, образовалось при помощи стяженной формы послелога *i-lä: tün+lä < tün+ilä*¹⁸.

Большинство тюркологов, таким образом, полагают, что послелог *ilä* восходит к древнему послелогу *birlä*, являясь его усеченной формой. Другая группа ученых отвергает эту версию. Привлекает внимание мнение Г. Вамбери, который считает, что в основе послелога *ilä* лежит глагол *il-* 'соединять, присоединять'. Но Г. Вамбери почему-то не обратил внимания на происхождение конечного гласного звука *ä* в составе данного послелога¹⁹.

По предположению В. Банга, послелог *ilä* обособился от деепричастия *il-ä* 'соединяясь, присоединяясь'²⁰. Эту точку зрения разделяют также М. Брыновский²¹ и Е. И. Убрятова. Но Е. И. Убрятова, в отличие от Г. Вамбери и В. Банга, полагает, что в основе якутского варианта послелога *ula* лежит глагол *ul-* (в других тюркских языках *al-*) 'брать'²².

Мы полагаем, что послелог *ilä* не может происходить от послелога *birlä*, ибо он, во-первых, встречается наряду с языками огузской группы (за исключением туркменского) и в таких отдаленных от них по территории тюркских языках, как якутский, хакасский, алтайский. Во-вторых, этот послелог в средние века на протяжении длительного времени функционировал параллельно с *birlä*, который следовал за послелогом *ilä*, выполняя роль наречия образа действия: *Tünlä birlä bastımyz* [4, 434] 'Мы ночью победили их'; *Kujān Säljug oylu Däli Dondar cānin lä bilä varsun* [3, 205] 'Сын Кыяна Сельджука Дали

¹⁶ W. Bang. Studien zur vergleichenden Grammatik der türksprachen. II, XXXVII, Berlin, 1916, стр. 921.

¹⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 102.

¹⁸ A. von Gabain. Özbäkische Grammatik. Leipzig und Wien, 1945, § 264.

¹⁹ G. Vamberi. Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878, стр. 39.

²⁰ W. Bang. Turkologischen Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. VII Brief, 1927, стр. 195.

²¹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 150.

²² Е. И. Убрятова. Исследование по синтаксису якутского языка. II, Новосибирск, 1976, стр. 186.

Дондар пусть пойдет вместе с тобою'; *Ajağa galxub onun ilä bilä vardi* [6, 98] 'Он поднялся с места и пошел вместе с ним'.

Употребление послелого *birlä/bilä* как наречия было, по-видимому, не случайным явлением. Достаточно сказать, что это можно наблюдать не только в письменных памятниках, но и в диалектах азербайджанского языка: *Aty üc äcimä kan män ärd(ä)m, atym ärti birlä* 'Мое имя было вместе с именами доблестных старших братьев и отца' [2, 64]; *Alyrsan ikimizin žanyn bilä alıyl, gorsan ikimizin žanyn bilä goıyl* [3, 169] 'Если отнимаешь мою душу, то отнимай вместе (с возлюбленной), если оставляешь (меня в живых), то оставляй меня вместе (с ней)'; *Birlä gäl gidälim* [1, 38] 'Давай пойдем вместе'; *Hola da mennän bilä gidärola* [5, 418] 'И он пойдет вместе со мной'; *Siz Sädullah na n birdän mi uıduıuz?* [5, 418] 'Вы учились вместе с Садуллахом?'.

Употребление послелого *birlä/bilä* также и в качестве наречия дает основание предполагать, что деепричастие *biril-ä* 'соединяясь' первоначально обособилось как наречие, а затем уже перешло в разряд послелогов.

Таким образом, послелог *ilä*, подобно послелогу *birlä*, выражает грамматические отношения только между именем и глаголом, следовательно, он также обособился от глагола. Поэтому, с нашей точки зрения, Г. Вамбери и В. Банг совершенно правомерно выделили этот послелог как отдельную форму глагола-деепричастия.

Исходя из приведенного, можно заключить, что в тюркских языках послелог, выражающие грамматические отношения только между именем и глаголом, имеют глагольное происхождение. Тогда как послелог, выражающие грамматические отношения не только между именем и глаголом, но и между именем и именем, обособились от имен.

Способность послелогов управлять падежной формой имен связана с первоначальным лексико-грамматическим значением слов, от которых они обособились. Послелог, обособившиеся от имен, выделились из состава изафетной конструкции: они управляют именем в основном, именительном и родительном падежах. Послелог, обособившиеся от деепричастия, управляют именем в именительном, дательном и исходном падежах.

Основываясь на изложенной теоретической разработке, можно, на наш взгляд, точнее определить происхождение тюркских послелогов типа азерб. *sary, doıru, däk, täk, ötrü, gögä, jaņa* и т. д., относительно этимологии которых нет пока единого мнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Дивани—Ахмед Харамии» (XIII в.). В издании А. Т. Оная: *Dastani Ahmet Herami. Istanbul, 1946.*
2. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
3. «Dede Korkut kitabı». Ankara, 1958.
4. *Mahmud Kaşgari. Divanı Lügat-it-Türk tercümesi. I, Ankara, 1939.*
5. А. Гусейнов. Северо-западные говоры азербайджанского языка. (Рукопись).
6. «Согватус-Сафа». Рукопись XVI века. — Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

М. Н. ДЖАВАДОВА

ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХАТАИ

Шах Исмаил Хатаи, как известно, был не только выдающимся государственным и политическим деятелем, но и крупным поэтом, создававшим свои произведения на родном азербайджанском языке. Своим поэтическим творчеством он обогатил сокровищницу классической азербайджанской литературы и сыграл выдающуюся роль в развитии азербайджанского литературного языка. Язык его произведений уходит своими корнями в народно-разговорную стихию. Его перу принадлежат первые в азербайджанской литературе, написанные в жанре месневи, поэмы «Дехнаме» и «Насихатнаме». Перу Хатаи принадлежат также стихи, написанные на персидском и арабском языках.

Известно, что в период правления Шаха Исмаила Хатаи интерес к азербайджанскому языку в сефевидском государстве значительно возрос; последний даже был объявлен шахским указом официальным государственным языком.

Иранский историк Абдулла Рази в своей книге «Подробная история Ирана» пишет: «Шах Исмаил, одержав победу, вступил в Тебриз и в 907 году хиджры возложил на свою голову иранскую корону. ...Затем он объявил тюркский (то есть азербайджанский. — М. Дж.) язык государственным языком»¹.

Академик В. В. Бартольд утверждал: «Ардебильские дервиши (Сефевиды. — М. Дж.), несомненно, не персидского, а тюркского происхождения. Азербайджан был в это время уже тюркским по составу населения». В другой своей работе ученый пишет: «Обычное мнение, что Исмаил и его сторонники при этом руководствовались персидскими национальными стремлениями, не выдерживает критики: население Азербайджана, откуда вышла династия, уже тогда говорило по-турецки (то есть по-азербайджански. — М. Дж.), турецкий язык оставался впоследствии в государстве Сефевидов языком двора и армии»².

Как известно, «Диван», «Дехнаме» и «Насихатнаме» Хатаи переписаны в разное время и хранятся в рукописных фондах ряда центральных библиотек и музеев Ленинграда, Баку, Лондона, Каира, Ватикана, Берлина, Парижа, Неаполя, Стамбула, Ташкента, Мазари-Шариф (Афга-

¹ عبدالله رازی تاریخ مغل ایران، تهران، ۱۳۲۵، چاپ دوم، ص. ۲۹۱

² В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 101; его же. Халиф и Султан. — «Мир Ислама», т. I, № 3, СПб., 1912, стр. 369.

нистан)³. Ниже приводятся краткие сведения о различных рукописях «Дивана» Хатаи⁴.

Ташкентская рукопись «Дивана» (первый список) (ديوان خطائی). Хранится в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР под шифром 1339/1412. Переписчик — Шах Махмуд аль-Нишабури. Почерк — изящный насталик. Дата — 942 год хиджры (1535 г.). На полях «Дивана» записано также произведение поэта «Дехнаме». Этот список составлен спустя одиннадцать лет после смерти поэта и начинается касыдой, проповедующей идеи кызылбашей. В «Диване» записаны также газели и рубайи.

Парижская рукопись «Дивана» (первый список). Состоит из 253 газелей и 2 месневи; хранится под шифром 1307/83 в турецком отделе Парижской национальной библиотеки. Эта рукопись написана через восемнадцать лет после смерти Хатаи, то есть в 948 (1541) году. Аннотированное описание этого списка имеется в каталоге французского востоковеда Э. Блоше⁵.

Парижская рукопись (второй список). Хранится в Парижской национальной библиотеке, под шифром 995/64. В. Ф. Минорский, ссылаясь на аннотированный каталог Э. Блоше, датирует эту рукопись началом XVII века⁶. Данный список включает 205 азербайджанских и одну персидскую газель. Помимо этого в рукописи еще 9 рубайи и 2 месневи (одно из последних — *насихатнаме*).

Британская рукопись. Хранится в Британском музее. Английский ученый Шарль Рио в аннотированном «Каталоге», составленном для Британского музея в Лондоне («Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum»), приводит подробные сведения об одном из наиболее полных списков «Дивана» Хатаи.

В конце «Дивана» поставлены две печати: овальная и четырехугольная. На печати, указывающей владельца рукописи, написано: *عبدالمحمد والي* (Абд. Мухаммед Вали). На овальной печати проставлена дата: 1023 год хиджры (1613 г.). *Тахаллус* (псевдоним) поэта всюду написан золотыми буквами⁷.

Описав «Диван», Шарль Рио переходит к краткому анализу стихотворений Хатаи. Однако этот анализ носит несколько формальный и односторонний характер и не раскрывает идейного содержания лирики поэта⁸. Не разобравшись до конца в особенностях языка произведений поэта, характерных для азербайджанского, Шарль Рио квалифицирует его, как диалект турецкого.

Копия британского списка «Дивана» хранится в Республиканском рукописном фонде Академии наук Азербайджанской ССР (шифр № 190). Здесь имеется и полный список «Насихатнаме», состоящий из 169 бейтов (двустий), списки 225 газелей и 10 рубайи (большая часть последних носит религиозный характер)⁹.

Ардебильская рукопись. Первые сведения об этой рукописи сообщил

³ *Эзизага Маммадов*. Шах Исмайл Хатаи эсэрлэри мотинлэринин тэдгиги вэ елми-тэнгиги мәтнин. Баки, 1970, стр. 49; *Минажэ Чавадова*. Шах Исмайл Хатаинин лексикасы («Дехнаме» поэмасы үзрэ). Баки, 1977, стр. 10.

⁴ Сравнительные данные о рукописях «Дивана» Хатаи нами почерпнуты из работы: *Эзизага Маммадов*. Хатаи эсэрлэринин элжамалары. — «Республика Элжамалары фондунун эсэрлэри», Баки, 1961, № 1, стр. 30—41.

⁵ E. Blochet. Catalogue des manuscrits turcs Bibliothèque Nationale. T. I, Paris, 1932.

⁶ V. Minorsky. The Poetry of Shah Ismail I. London, 1942, стр. 1009a.

⁷ См.: *Эзизага Маммадов*. Хатаи эсэрлэринин элжамалары, стр. 35.

⁸ *Шах Исмайл Хатаи*. Эсэрлэри. Ики чилддэ. I чилд, Баки, 1966, стр. 33.

⁹ *Эзизага Маммадов*. Хатаи эсэрлэринин элжамалары, стр. 35.

видный азербайджанский поэт Сеид Азим Ширвани в 1864 году¹⁰. В одном из своих *тезкире* он отметил, что в Ардебиле в «Мазари-Шейх» («Гробнице Шейха») хранится «Диван» Шаха Исмаила Хатаи и привел в качестве образца одно стихотворение поэта.

Литературовед С. Мумтаз совместно с Б. Чобанзаде в 1930 году составил на основе ардебильского и британского списков «Диван» Хатаи¹¹. Это был по существу критический текст. Об ардебильском списке там, со ссылкой на примечание переписчика, говорится: «Это произведение... переписано с экземпляра, дарованного Шахом Аббасом I гробнице Шейха Сафи в городе Ардебиле. Дата подлинника — 1022 (1613) г.»¹². Факсимиле этой рукописи В. Ф. Минорский в 1960 году подарил Рукописному сектору Института народов Азии Ленинградского отделения Академии наук СССР¹³.

Берлинская рукопись. Хранится в Пруссии, в Статс-библиотеке, в отделе восточных рукописей под № 209. Датируется 1077 (1666) годом. Включает 34 газели, составляющие в сумме 204 бейта¹⁴.

Стамбульская рукопись. Турецкий литературовед Садеддин Нузхат Эргюн пишет: «Единственный тюркский „Диван“ Шаха Исмаила Сефеви, который мне удалось видеть, находится среди книг Али Амири в Национальной библиотеке (№ 131). Судя по всему, эта рукопись переписана с какого-то древнего списка. Только неизвестно, когда и кем она была переписана. Этот „Диван“ содержит 87 стихотворений, состоящих из 935 бейтов, из этих стихотворений 41 написано размером хеджа. В произведении имеется ряд нарушений правописания и метрики. Данный список „Дивана“ Хатаи неполный»¹⁵.

Ватиканская рукопись. Хранится в Ватиканской Апостольской библиотеке (в тюркском отделе — № 221). Сведения об этой рукописи сообщают итальянским востоковедом Этторо Росси (см. V. Minorsky. *The Poetry of Shāh Ismail I*, стр. 1009a). Фотокопия этой рукописи имеется в Рукописном фонде Академии наук Азербайджанской ССР (шифр № 191). Почерк — насталик, объем — 32 листа¹⁶. Дата переписки и переписчики не указаны¹⁷.

Ташкентская рукопись (второй список). Хранится в отделе рукописей Института востоковедения Узбекской ССР. Составлена в 1907 году по поручению хивинского хана. Список включен в объемистый фолиант — сборник произведений узбекских, таджикских, иранских поэтов¹⁸. Хранится под инвентарным номером 1340/1032, почерк — насталик, объем — 42 листа, в конце рукописи — подпись переписчика محمد یعقوب (Мухаммед Якуб). Указана дата написания: месяц рабиуль-аввал 1325 (12 июня 1907 г.).

Рукопись Музея Бахтер. Хранится в музее города Мазари-Шариф (Афганистан). Пока еще в научный обиход не введена. До нашего вре-

¹⁰ *Сејид Әзим Ширвани*. Эрдебил шаирларинин бир гисми (рукопись). — «Труды Республиканского рукописного фонда», инв. № 5359; *Шāh Исмаїл Хатаи*. Әсәрлери. Ики чилддә, I чилд, стр. 35.

¹¹ *Әзизаға Мәммәдов*. Хатаи әсәрларинин әлјазмалары; *Шāh Исмаїл Хатаи*. Әсәрлери. Ики чилддә, I чилд, стр. 36.

¹² Там же, стр. 37.

¹³ См.: *Хатаи*. Диван (ардебильский список). На 23-й странице — дарственная надпись В. Ф. Минорского. Инв. № В. 4544.

¹⁴ V. Minorsky. *The Poetry of Shāh Ismail I*, London, 1942, стр. 1009a.

¹⁵ *Sadeddin Nūzhet Ergun*. *Hatayi divani. Sah Ismail Safavi. Edebi hayatı ve nefesleri*. Istanbul, 1956, стр. 20.

¹⁶ *Әзизаға Мәммәдов*. *Шāh Исмаїл Хатаи*. Ики чилддә, I чилд, стр. 38.

¹⁷ Там же, стр. 37.

¹⁸ «Сборник Восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР». Т. II, Ташкент. 1954, стр. 242.

мении дошли лишь две трети этого списка, переписанного знаменитым каллиграфом Мир Иманом Газвином (1552—1613) с полного списка рукописи. Список начинается с месневи «Дехнаме».

Первые сведения о литературном наследии Шаха Исмаила Хатаи были приведены в тезкире его сына Сам Мирзы¹⁹, который был поклонником персоязычной литературы и поэтому не уделял должного внимания поэтическому творчеству отца.

В написанном Сам Мирзой после смерти отца тезкире «Тохфеи-Сами» («Подарок Сами»), сообщая факты биографии и творчества Шаха Исмаила, он ограничился приведением всего лишь одного бейта из стихотворения на персидском языке²⁰.

К изучению литературного наследия Хатаи западноевропейские и русские ученые-востоковеды приступили, начиная с первой половины XIX века²¹. В изучении наследия Хатаи особенно велики заслуги А. Е. Крымского и В. Ф. Минорского. А. Е. Крымский подчеркивал, что Шах Исмаил Хатаи создал свой замечательный «Диван» на родном ему азербайджанском языке²².

В. Ф. Минорский начал заниматься поэзией Шаха Исмаила Хатаи еще в 1920 году, изучая в Парижской национальной библиотеке первый парижский список (инв. № 1307) его «Дивана». В 1921 году на заседании Общества востоковедов им был сделан доклад «Поэзия Шаха Исмаила». Позднее В. Ф. Минорский опубликовал работу под тем же названием²³. Автор, характеризуя значение лирики Хатаи, подчеркивает факт создания «Дивана» на азербайджанском языке²⁴. Исследовательская часть этой работы, написанной на английском языке, составляет сорок восемь страниц текста и включает шесть разделов. Во вводной части дана библиография древних списков «Дивана» Хатаи, хранящихся в различных библиотеках Европы.

Во втором разделе В. Ф. Минорский дал краткую аннотированную библиографию известных ему рукописей Хатаи. В третьем разделе автор останавливается на поэзии Хатаи, расценивая язык «Дивана» как специфическую разновидность азербайджанской письменной речи. Он отмечает широкую зону распространения в ту пору азербайджанского языка и наличие в языке Хатаи чагатайских элементов. В разделе, посвященном фонетическим особенностям языка «Дивана», ученый уточняет прочтение гласных и согласных. Далее В. Ф. Минорский рассматривает метрику стихотворений Хатаи, прилагает глоссарий древних, архаических и редких азербайджанских слов, дает их транскрипцию и перевод на английский язык. В четвертом разделе характеризуется содержание «Дивана». Автор останавливается на употребляющихся в стихотворениях терминах, сравнениях и метафорах, раскрывает их смысл; например: *nuru ilahî* 'божественный свет', *âhli-igrag* 'известные, знатные люди', *gyzylbaş* 'красно-головый', *mâjlisi-şabaş* 'шабаш, деньги, раздаваемые на свадьбе', *çin* 'верный', *bâhri hâgigat* 'море истины', *hâgg* 'бог', *mâz'hâri-hâgg* 'посланник всевышнего', *gazi* 'воюющий за веру', *âxi* 'шиитское обращение', *âhli hâgg* 'божьи люди', *gyzyl taş* 'красная корона', *taşu-sâadât* 'венец счастья', *gâbir* 'могила', *big'anâ* 'чуждый', *xâvarik* 'тварь', *çakur* 'вино'

¹⁹ *Sadeddin Nüzhet Ergun. Türk edebiyati tarihi. Hatayi. Istanbul, 1932, стр. 206, 208; V. Minorsky. The Poetry of Shâh Ismail I, лист 1008a.*

²⁰ *Sadeddin Nüzhet Ergun. Türk edebiyati tarihi, стр. 208.*

²¹ Подробнее об этом см.: *Әзизага Мәмәдов. Шах Исмаил Хатаи әсәрләри мәтнин-ләрнин тәдғиги вә елми-тәғғиди мәтнин, стр. 59.*

²² А. Е. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. — «Труды по востоковедению Лазаревского Института восточных языков», т. XVI, М., 1914—1917, стр. 139—140, 148.

²³ *V. Minorsky. The Poetry of Shâh Ismail I, лист 1007a.*

²⁴ Там же, лист 1010a.

и др. В пятом разделе приводятся научно-критические тексты восемнадцати стихотворений Хатаи. Шестой раздел содержит переводы стихов на английский язык.

Среди других исследований, посвященных творчеству Хатаи, заслуживает внимания статья польского ученого-востоковеда А. Зайончковского «Стихотворения Шаха Исмаила Хатаи», которая была написана в связи с публикацией научно-критического текста «Дивана» Хатаи, изданного Турханом Гянджеи в 1959 году в Неаполе²⁵. Эта книга представляет интерес как новое издание произведений Хатаи. А. Зайончковский, анализируя грамматический строй языка Хатаи, приводит убедительные доводы, подтверждающие, что язык поэта — азербайджанский.

Вопросами исследования литературного наследия Хатаи занимались также и турецкие ученые, в частности Садеддин Нузхат Эргюн и Абдулбаги Келпинарлы. В своих работах главное внимание они уделяли политической и литературной деятельности поэта, не касаясь вопроса языка.

После революции в Азербайджане была проделана большая работа по изучению поэтического наследия Хатаи. Особенно велики заслуги в этом Салмана Мумтаза, опубликовавшего в 1923 году неполный список «Дехнаме» с рукописи XVII века, ныне хранящейся в Республиканском рукописном фонде Академии наук Азербайджанской ССР. В предисловии к своей публикации С. Мумтаз писал: «Дехнаме — это драгоценная сокровищница, продолжающая сохранять свою первоизданную силу»²⁶.

В 1933—1934 годах Бекир Чобанзаде написал работу «О языке и литературном творчестве Хатаи». Автор дает сравнительное описание британского и ардебильского списков и приходит к следующему выводу: «Анализ особенностей языка и правописания обоих списков показывает, что британский список, по сравнению с ардебильским, является более древним и более близким к оригиналу»²⁷. Британский список, по мнению автора, может служить более надежной основой для изучения фактов азербайджанского языка XVI века.

В 1923 году, по просьбе В. Ф. Минорского, Н. Я. Марр впервые дал краткое аннотированное описание ленинградского списка «Дехнаме»²⁸.

В 1928 году в Баку была издана книга турецкого литературоведа Исмаила Хикмета «История азербайджанской литературы», в которой специальный раздел посвящался жизни и творчеству Шаха Исмаила Хатаи. Остановившись на месневи поэта «Дехнаме» и «Насихатнаме», Исмаил Хикмет подробно аннотировал ленинградский список «Дехнаме», приложив словарь отдельных староазербайджанских слов²⁹.

Впоследствии Г. Араслы на основе ленинградского и бакинского рукописных списков опубликовал «Дехнаме» (на арабском алфавите)³⁰. В 1959 году Г. Араслы переиздал «Дехнаме» на новом алфавите. Во

²⁵ A. Zajaczkowski. Tourkhan Gandjei. Canzoniere di Sah Ismail Hatai. — Rocznik Orientalistyczny, т. XXVIII, Warszawa, 1963, стр. 150—157.

²⁶ См.: журн. «Маариф ва мәдәнијјәт». Баку, 1923, № 4—5.

²⁷ Бекир Чобанзаде. Хәтаини дили вә әдәби јарадычылығы һағында. (128 машинописных страниц). Государственный архив Азерб. ССР, инв. № 171, стр. 78.

²⁸ См.: V. Minorsky. The Poetry of Shāh Ismail I, стр. 100, 96; «Труды Республиканского рукописного фонда»: Архив С. Мумтаза. № 38 (Г-27/516), Баку, 1961; Ә. Чәфәрзаде. Профессор Ј. Н. Маррын Сәлман Мумтаза мәктублары. — «Труды Республиканского рукописного фонда», т. III, Баку, 1972, стр. 143—144.

²⁹ См.: Исмајыл Хикмәт. Азәрбајҹан әдәбијјаты тарихи. II чилд. Баку, 1928, стр. 17—21.

³⁰ « شاه اسماعیل خطائی » دهنامه. Азәрбајҹан мәдәни рабита чәмијјәти, Баку, 1948.

вводной статье к этому изданию «Шах Исмаил (литературоведческий анализ произведения)» он писал: «Одно из первых в истории азербайджанской литературы месневи — произведение Шаха Исмаила „Дехнаме“ — важно и для истории азербайджанского языка. Здесь представлен целый ряд древнеазербайджанских слов: *sajru* ‘больной’ в.м. *xästä*, *jüg’üs* ‘много’ в.м. *sox*, *päsnä* ‘вещь’ в.м. *šej*, *bilış* ‘знакомый’ в.м. *tanyş*, *ajdug* ‘говорит’ в.м. *dejig*. Часть этого ряда слов, употребленных поэтом, ныне позабыта и заменена арабскими и персидскими (по происхождению) словами; например, сейчас уже не употребляются: *damu* ‘ад’, *uŋtag* ‘рай’, *us* ‘ум’, *jazu* ‘поле’, *son uzi* ‘наконец»³¹. В конце книги приводятся комментарии и словарь непонятных для современного читателя слов.

В 1967 году была опубликована работа Г. Гасанова «Синтаксис „Дехнаме“»³², в которой автором дан анализ определительных словосочетаний в этом произведении.

В подготовленном Азизагой Мамедовым капитальном двухтомнике произведений поэта «Шах Исмаил Хатаи» приведены критические тексты газелей и месневи поэта в арабской графике и рассмотрены основные принципы создания научно-критических текстов произведений Хатаи «Дехнаме» и «Насихатнаме»³³.

В вышедшей в 1977 году монографии Минаи Джавадовой «Лексика Шах Исмаила Хатаи (по поэме „Дехнаме“)» излагается история изучения поэмы «Дехнаме», говорится о значении азербайджанского языка, бывшего в эпоху правления Сефевидов государственным языком³⁴.

Шах Исмаил Хатаи создавал свои произведения на общенародном азербайджанском языке. В его месневи «Дехнаме», «Насихатнаме» и других произведениях преобладают слова и выражения живого народно-разговорного языка. Стихи Хатаи вот уже пять столетий сохраняют свою неувядаемую поэтическую свежесть, гармонию и доходчивость. Обратимся к примерам:

Qyş g'etdi jenä bahar g'äldi,
G'ül bitdi vā lälazar g'äldi,
Guşlar gamusi fağanā dūşdü,
Eşg' odu jenä bu zanā dūşdü.³⁵

‘Миновала зима, вновь пришла весна.
Взошли цветы и возникли цветники.
Все птицы заголосили.
Огонь любви снова проник в мою душу’.

Поэт широко использовал художественно-образительные приемы азербайджанского фольклора, фразеологизмы общенародного языка, например: *gany halal olmag* (ар. шр., т. I, 417)³⁶ ‘пролитие крови оправданно (свыше)’; *därdinā dārman bulmag* (ар. шр., т. I, 391) ‘быть лекарством от горя’; *ajdan ari* (ар. шр., т. I, 383) ‘чище луны’, *zābanından od şuxtag* (Избр. стих., стр. 100)³⁷ ‘изрыгать изо рта пламя’; *därdinā dārman etmāk* (Избр. стих., стр. 103) ‘исцелить от горя’; *şanunu gurban demāk* (ар. шр., т. I, 137) ‘жертвовать жизнью’; *vağunu garagan ejlāmāk* (ар. шр., т. I, 320) ‘душу обливает черной кровью’.

³¹ Хатаи. Дəһнаме. Баки, 1959, стр. 10—11.

³² Г. Гəсанов. «Дəһнаме»нин синтаксиси (тə’јини сəз бирлəшмэлəri). Баки, 1967.

³³ Шах Исмајыл Хатаи. Əсəрлəri. Ики чилддə.

³⁴ Минајə Чавадова. Шах Исмајыл Хатаинин лексикасы («Дəһнаме» поемасы ўзрə). Баки, 1977.

³⁵ Пример взят из древнейшей упомянутой выше первой ташкентской рукописи «Дивана» (см.: Минајə Чавадова. Указ. раб., стр. 101).

³⁶ Шах Исмајыл Хатаи. Əсəрлəri. Ики чилддə. В скобках указывается том и страница с пометой «ар. шр.» (арабским шрифтом).

³⁷ Шах Исмајыл Хатаи. Сечилмиш ше’рлэр. Баки, 1964.

В произведениях Хатаи встречается множество пословиц и поговорок, крылатых слов и афоризмов; например: *Här nə g'älsä häg'dän g'älär* (Избр. стих., стр. 24) 'Что бы ни случилось — все истинно'; *Xälg bil-mäsä xalig bilär* (Избр. стих., стр. 24) 'Пусть сотворенные не оценят — творец оценит'; *Könlümü badä vermäk* (Избр. стих., стр. 119) 'Погубить душу'; *Gulayunda hälgä etmäk* (т. I, стр. 165)³⁸ 'Повесить серьгой в ушах (то есть крепко запомнить)'; *Aridi ilijim, galdi sümüjüm* (Избр. стих., стр. 169) 'Истаял мозг в моих костях, остались одни кости'; *Kimir ki, mali-mülkü g'anzi joxdur* (т. I, стр. 157) 'Тот, у кого нет добра, имущества, богатства'; *Gany ilä gältan olmag* (Избр. стих., стр. 182) 'Облиться своей кровью'.

В полной мере используются Хатаи лексико-семантические и стилистические средства азербайджанского языка, его синонимические возможности. Так, например, слова, входящие в нижеследующие синонимические ряды, восходят к глубокой древности: *garu* — *eşik* ('двор'), *ba-ia* — *döl* ('детеныш'), *äsän* — *say* ('здоровый'), *oçu* — *äjri* ('косо'), *çin* — *doğu* ('правдиво'), *jan* — *gat* ('сторона'), *jügüş* — *çok* ('много'), *sary* — *täräi* ('в сторону, к чему-либо'). В последующий после Хатаи период такие слова, употреблялись все более ограниченно, их значение либо переосмыслилось, либо они становились архаизмами. Многие из них ныне сохранились лишь в азербайджанских диалектах и говорах.

В синонимическом ряду *damu* — *žähänpäm* — *vähšät* ('ад, муки ада') Хатаи использовал определенные смысловые оттенки слова *vähšät* 'дикость' для образования контекстуального синонима, наряду с языковыми синонимами *damu* и *žähänpäm* ('ад'). Слово *žähänpäm* — арабского происхождения, а *damu*, употребительное в эпоху Хатаи, стало в последующем архаизмом и встречается лишь в отдельных диалектах и говорах.

Mülk — *çämän* — *vätän*. В современном азербайджанском языке слова *mülk* 'имение' и *çämänlig* 'луг' не являются синонимами слова *vätän* 'родина', у Хатаи же синонимический ряд *mülk* — *vätän* — *çämän* выступает в значении «родной край»:

Mülkümdä g'äräkdir abi-žejhun

'В моем родном краю необходима живая вода'.

Axur vätänimdä Sätti Baydad

'Наконец, мой родной край (пусть станет) как Шатти-Багдад'.

G'äzsin çämänimdä rüxnü abad

'Пусть мой край станет процветающим'.

В синонимическом ряду *g'ülzar* — *g'ülšän* — *laläzar* — *gül* — *göncä* первые три слова, составляя полные (абсолютные) синонимы, как бы притягивают к себе последние два слова в качестве контекстуальных (относительных) синонимов. Слова *g'ülzar* и *laläzar* в литературно-художественном языке употребляются все реже и реже, а *g'ülšän* чаще встречается в разговорном языке.

Некоторые слова-синонимы, употребительные в языке произведений Хатаи, в процессе исторического развития азербайджанского языка активизировались, другие стали употребляться ограниченно и не дошли до нашего времени. Так, в синонимических парах: *od* — *atäs* ('огонь'), *saç* — *zülfi* ('волосы'), *sajru* — *xästä* ('больной'), *uçmag* — *behišt* ('рай'), *ad* — *nam* ('имя'), *äl* — *däst* ('пыка'), *šäkär* — *gänd* ('сахар'), *gulag* — *g'uš* ('ухо'), *g'ün* — *ruz* ('день'), *därja* — *däniz* ('море'), *su* — *čaj* ('река'), *läh* — *dodag* ('губы'), *ab* — *su* ('вода') такие слова, как например,

³⁸ *Шах Исмаїл Хатаи. Әсәрләри. Ики чилдә, Бақы, 1975.* (В скобках ссылки на это издание отмечаются указ. стр.).

sajru, uşmag и т. п. стали неупотребительными, другие же, как-то: atâş, dâst, ab и т. п. — сохранились в отдельных устойчивых сочетаниях (atâş açmag 'открыть огонь', dâst — xâtt 'почерк', ab — hava 'погода' и др.), а zülf, dârja, lâb и т. п. и поныне употребляются в поэтической речи.

Слова boj — gamât — gâdd — žân — tân — žism — vižud ('стан, тело'), boj (азерб.), gamât, gâdd (араб.) 'стан' и žап, tân (перс.), žism, vižud (араб.) 'тело' в языке Хатаи выступают как абсолютные синонимы, обозначая обычно физические данные человека, его состояние. В современном азербайджанском языке слово tân перестало употребляться, gamât и gâdd — употребляются обычно в парном сочетании gâdd-gamât, žism, vižud присущи литературному стилю, а boj, žап входят в основной словарный фонд современного языка.

В синонимическом ряду üräk — dil — köñül — baууr — žig'är ('сердце') последние два слова в современном азербайджанском языке являются анатомическими терминами и не могут считаться синонимами слов üräk — köñül ('душа') — dil (перс.: 'сердце'). Значение «сердце» они продолжают сохранять лишь в отдельных фразеологических сочетаниях типа baууr çatlamag (partlamag) 'разрываться сердцу', žig'äri janmag (ovxalanmag) 'быть охваченным огнем горя'. Таким образом, в современном азербайджанском литературном языке из указанного синонимического ряда функционируют в качестве слов-синонимов лишь üräk 'сердце' и köñül 'душа'.

Синонимический ряд гу—hüsn—žämal—üz—sifät—rүх—surät—čöhrä ('лик, лицо') также состоит из слов: собственно азербайджанского (üz) и слов персидского (гу, rүх, čöhrä) и арабского (hüsn, žämal, sifät, surät) происхождения. В настоящее время абсолютные синонимы гу, rүх вышли из употребления, а žämal, surät, čöhrä употребительны главным образом в поэтической речи.

В произведениях Хатаи встречаются и такие ряды глагольных синонимов, которые ныне в большинстве своем архаизировались. Это глаголы ulaşmag — irişmäk — irmäk 'достигать', döşür 'сбирать', var 'уйти', gop 'сесть', aјdyr 'сказать', jad gyl 'забыть' и др.

Важным стилистическим средством в произведениях Хатаи выступают антонимы. В его языке широко представлены антонимические противопоставления, поляризация различных качественных и количественных, пространственных и временных понятий. Качественные противопоставления Хатаи обычно связывает с состоянием, складом характера и деятельностью человека, например: särd — g'ärm 'холодный—горячий', äјri — doуru 'кривда—правда', huş — bihuş 'спящий—бодрствующий', šad — gämg'in 'радостный—печальный', vүsal — hižran 'свидание—разлука', rak — парак 'чистый—нечистый', mürdä — diri 'мертвый—живой' и т. д.

К числу слов-антонимов, обозначающих время, пространство и количество, относятся такие, например, как: gyş — bahar 'зима—весна', g'ežä — g'ündüz 'ночь — день', sol — saу 'левый — правый', g'öј — јer 'небо—земля', јох — čох 'ничто—множество' и т. п.

Кроме того, для создания контрастных противопоставлений Хатаи антонимизирует такие характеристики, которые ассоциируются с теми или иными животными: äždär (äždaha) — tülkü 'дракон—лиса', fil — mur 'слон—муравей', muş (sičan) — gäzänfär (aslan) 'мышь—лев', mur (garyşga) — äždaha 'муравей—дракон' и т. д.

В произведениях Хатаи, наряду с абсолютными антонимами, большое место занимают также относительные (контекстуальные) антонимы; например:

Uzun g'ežälär sähär g'örünmáz,
Zülmätdä mänä gämär g'örünmáz. (I Ташк. рук., 13).
'Долгие ночи — утра не видно,
Как в подземном царстве, мне луны не видно'.

Bir dilbärü dilrübajı sevdım,
Män zärrä bu g'ün bir aji sevdım. (I Ташк. рук., 29).
'Я полюбил одну похитительницу сердца,
Я искра, влюбился сегодня в луну'.

Bulandı daşdı çajä döndi,
G'ah sujä, g'ah havajä döndi. (I Ташк. рук., 66).
'Мутясь и бурля, превратилось в реку,
Превращалось то в воду, то в воздух'.

Хатаи обогатил литературный язык своей эпохи разнообразными художественно-стилистическими средствами общенародного разговорного языка. Поэт сыграл выдающуюся роль в становлении, развитии и совершенствовании азербайджанского литературного языка XV—XVI веков.

РЕЦЕНЗИИ

«ТЮРКСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ»

МАХАЧКАЛА, 1982, 166 стр.

Проблема вклада тюркских языков в язык Северного Кавказа уже давно привлекала внимание лингвистов, однако скольконибудь значительных исследований в этой области до сих пор не было. Известно несколько диссертационных работ о взаимодействии азербайджанского языка с отдельными дагестанскими языками, однако общая картина взаимовлияния тюркских и северокавказских языков не была полностью раскрыта. Поэтому издание сборника статей и материалов по изучению тюркских элементов в языках Дагестана имеет важное значение как для исследования дагестанских языков, так и в целом для исторической тюркологии.

Рецензируемый сборник представляет собой первую попытку объединения усилий языковедов и историков для освещения основных вопросов тюркско-дагестанских языковых контактов, разрабатываемых в Махачкале с 1980 года в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Открывающая сборник статья его ответственного редактора и составителя Н. С. Джидалаева содержит общую характеристику тюркско-дагестанских языковых связей, раскрывает исторические предпосылки и условия контактирования языков Дагестана с тюркскими языками данной и сопредельных территорий.

И. Х. Абдуллаев в статье «Тулпар (Тюркский зооним *Тулпар* на Северном Кавказе)» касается истории и географии распространения тюркского названия сказочного коня. Слово *тулпар* занимает как бы промежуточное положение между именами собственными и нарицательными и входит во многие нетюркские языки Кавказа, обозначая как сказочного коня, так и (переносно) героя повествования. Весьма содержательный этюд И. Х. Абдуллаева о слове *тулпар*, на наш взгляд, только выиграл бы, если бы автор использовал материалы книги И. Е. Гальченко «Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке» (Орджоникидзе, 1975), где приведены

многочисленные примеры употребления этого слова в русских оригинальных произведениях о Северном Кавказе, а также в русских переводах с языков этого региона.

К. С. Кадыраджиев в статье «О происхождении некоторых фитонимов в дагестанских языках» приводит ряд аргументов, подтверждающих, что кумыкские ботанические термины *чадур* 'ежевика', *чум* 'кизил', *сувсул* 'овес', имеющие параллели в нахско-дагестанских языках, восходят к древнебулгарскому языку.

На материале письменных источников XVII—XVIII веков на арабском и тюркских языках основаны работы Т. М. Айтберова и Г. М.-Р. Оразаева «Тюркизмы в аварском языке XVII века (по материалам „Перечня имущества княгини Кихилей“)» и Г. М.-Р. Оразаева «Из истории даргинско-тюркских контактов (по материалам XVIII века)». В статьях рассматриваются соответственно тюркизмы аварского языка по их стражению в арабоязычном тексте XVII века из Аварии (текст приведен в русском переводе с обширными комментариями к тюркским словам) и даргинские проникновения в двух дагестанских эпистолярных памятниках XVIII века на тюркском языке (тексты воспроизведены в арабской графике с русским переводом и сопровождаются лексическими комментариями). К сожалению, в последней статье автор ограничился своим переводом текста и не воспроизвел прежние переводы, хранящиеся в архиве и представляющие несомненный интерес для истории перевода с тюркских языков.

Значительный интерес представляет статья А. А. Абдуллаева «Некоторые наблюдения над тюркизмами в аспекте лакско-русского билингвизма». Автор проследживает судьбу тюркизмов в современном лакском языке, где они в наше время взаимодействуют не столько с исконной лексикой, как это наблюдалось ранее, сколько с русскими проникновениями. Зачастую, параллельно с существованием старых тюркизмов в лакский язык проникают и русские тюркизмы, сближающиеся с первыми на базе русской формы или же дифференцирующиеся семан-

тически. Например, старый тюркизм *батагга* 'отходничество на рыбные промыслы; рыбный промысел' (восходящий через тюркское посредство — ср. кумык. *батагга* 'промыслы' — к русскому булгаризму *ватага*) сосуществует с известным в лакском языке русизмом *ватага* 'группа людей', не объединяясь с ним семантически, хотя этимологически эти слова тождественны. Статья дает достаточно ясное представление о современных активных процессах, протекающих в области трансформации тюркизмов на дагестанской почве под влиянием русского языка.

В статье П. Т. Магомедова «Тюркские заимствования в чамалинском языке» приводится тематический перечень около ста тюркизмов, проникших в этот язык через аварское или чеченское посредство. Тюркизмам одной лишь части речи посвящена статья Н. Ц. Маммаевой «Наречия-тюркизмы в лакском языке».

Влияние азербайджанского языка на синтаксис и фразеологию языков Южного Дагестана исследуется в статьях Т. Н. Эфендиева «О некоторых табасаранских сложных конструкциях, возникших под влиянием азербайджанского языка» и Н. Д. Сулейманова «Характеристика азербайджанских фразеологических калек в агульском языке».

Видное место в процессе взаимодействия языков занимает и ономастическая лексика, особенно топонимия. Эти вопросы получили освещение в статье Н. С. Джидалаева «О роли показаний топонимии в практике исследования тюрко-дагестанских языковых контактов», где общие проблемы рассматриваются применительно к условиям Дагестана. Более конкретна по своей проблематике статья Т. Г. Таймасхановой «Географические названия даргинского происхождения в кумыкской топонимии». Топонимия особенно ценна тем, что она проявляет смену языков, при которой остатки прежнего языка в топонимии отражаются как следы субстратного характера.

Заключительная часть сборника состоит из трех статей, которые в подзаголовках характеризуются как предварительные результаты сбора сведений о тюркской по происхождению лексике в языках Дагестана, а также фольклорных материалов о происхождении некоторых родовых подразделений у отдельных его народов. Статья М. Дж. Саидова «Кумыкские лексические элементы в салатавском диалекте аварского языка (Материалы)» содержит небольшие вводные замечания по истории формирования аварского населения Салатавских гор и общий словарь кумыкских заимствований рассматриваемого диалекта, причем каждое слово снабжено примерами. На более ограниченном материале построена небольшая статья Ф. И. Гусейнова «О тюркизмах в терминах животноводства рутульского языка (Материалы по отраслевой лексике)». В сообщении А. Г. Булатовой «К происхождению некоторых лакских тухумных наименований (Материалы)» собран этнографический материал (на основе письменных источников и устных преданий) о крымском происхождении некоторых этнических групп лакцев.

Все исследования и материалы сборника взаимно дополняют друг друга и связаны единой проблематикой.

Хотелось бы высказать ряд критических замечаний. Не всегда собственно тюркская лексика отделяется от лексики арабско-персидского происхождения, которая могла проникать в кавказские языки и не через тюркское посредство. Стоило бы, по нашему мнению, шире привлечь материалы соседних и более отдаленных языков, имеющих тюркскую по происхождению лексику. Библиография по проблеме приведена в виде сносок к каждой отдельной статье. Полезно было бы, на наш взгляд, свести ее вместе, систематизировать и дополнить. Все эти недочеты, конечно, не умаляют общего значения книги, являющейся первым и весьма ценным трудом по тюрко-дагестанским языковым связям.

И. Г. Добродомов

«ДИЛЧИЛИК ЧОГРАФИЈАСЫ, ТАРИХИ ДИАЛЕКТОЛОКИЈА ВӘ ТҮРК ДИЛЛӘРИНИН ТАРИХИ ПРОБЛЕМЛӘРИ»

С. М. КИРОВ АДЫНА АЗӘРБАЈЧАН ДӨВЛӘТ УНИВЕРСИТЕТИНИН НӘШРИ,
БАКЫ, 1982, 112 стр.

Сборник включает статьи по общим проблемам тюркологии и актуальным вопросам азербайджанского языкознания.

Статья Ф. Р. Зейналова «Поэма „Юсиф и Зулейха“ Шейяда Хамзы» посвящена малоисследованному памятнику азербайджанской литературы XIII века. В статье приводятся сведения об источниках и эпохе написания поэмы. Автор отмечает, что до на-

шего времени дошло несколько письменных памятников, созданных в эпоху сельджукского владычества (XI—XIII вв.), общих для носителей языков огузской группы (в основном — азербайджанского и турецкого). Поэма «Юсиф и Зулейха» Шейяда Хамзы занимает среди этих памятников особое место. Автор характеризует лексико-фонетические особенности памятника и, сопо-

ставляя язык поэмы и современный азербайджанский язык, выявляет их общие черты. При этом автор отмечает нехарактерность лексико-фонетических особенностей и грамматических форм в поэме для языков огузской группы.

В поэме довольно широко представлен древнетюркский лексический пласт, зафиксированный в таких памятниках как «Диван» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Кысса-и Юсуф» Али, «Махаббатнаме» Хорезми, «Гисасул-анбия» Рабгузи и др.

Ф. Р. Зейналов приводит древнетюркские слова, встречающиеся в поэме: *сајру* 'больной', *суч* 'грех', *нәснә* 'вещь', *јаш* 'молодой, юный', *душ* 'сон', *ајырмаг* 'сказать, говорить', *вармаг* 'идти', *ујгу* 'сон' и т. д. При этом он отмечает, что язык поэмы в известной мере отражает лексико-фонетические особенности также кыпчакских и карлукских групп тюркских языков, однако преобладающими все же являются огузские или, точнее, огузско-сельджукские лексические элементы, например, *ағам* 'дерево', *ајрук* 'отдельно', *бағыр(чијәр)* 'печень', *ары* 'чистый', *ағламаг* 'плакать', *баба* 'дедушка', *бәниз* 'лицо', *од* 'огонь', *улу* 'большой, великий', *оглан* 'мальчик', *кәнди* 'сам' и т. д.

Особый интерес представляют устойчивые словосочетания, почти адекватные имеющимся в современном азербайджанском языке; например: *арадан кәтурмак* 'устранить', *дили тутулмаг* 'онеметь', *элз душмәк* 'попасть в руки', *сөзә кәлмәк* 'поздорить', *ағлы кетмәк* 'быть очарованным, быть без ума' и т. д.

С. Г. Ализаде в статье «Тюркское *кап* и его дериваты» отмечает, что слово *габ* 'посуда' современного азербайджанского языка восходит к тюркскому первичному корню, архетипом которого является қар. Автор высказывает предположение, что древнетюркская корневая морфема қар перешла в свое время в иранские и славянские языки из тюркских, а через посредство иранских и славянских языков — в романские и германские. В настоящее время в этих языках, в том числе и в азербайджанском, образовались десятки фонетических вариантов и лексических дериватов этого корня. В статье подробно прослеживается история фонетического и лексико-грамматического развития корня қар, образование и скопление его дериватов в разных языках.

В статье А. Н. Багирова «История исследования недостаточных глаголов в тюркских языках и их специфические особенности» рассматриваются недостаточные глаголы в тюркских языках огузской группы. Данная статья является продолжением первой статьи автора, опубликованной в ранее вышедшем сборнике¹.

¹ См.: А. Н. Багиров. Түрк дилләриндә јарымчыг фе'лләрин спесифик хусусијјәтләри. — «Түрк дилләринин лексик-морфоложи гурулушу (Елми әсәрләрин тематик мәч-муәси)». Баки, 1981, стр. 112—116.

Вопрос о недостаточных глаголах в тюркологии до сих пор не был предметом специального исследования. Формы *иди*, *имиш*, *икән*, образующие эти глаголы, рассматривались обычно в качестве связки или форм прошедшего времени, а также — вспомогательного и сложного глагола. А. Н. Багиров приходит к выводу, что недостаточный глагол *имиш* употребляется в предложении с именами, глаголами и вспомогательными частями речи в полной и редуцированной формах, изменяется по лицам и числам, создавая различные смысловые оттенки времени и наклонения.

В статье «Древний язык аргу» Дж. И. Джафаров, используя существующую историческую лингвистическую литературу, приводит сведения о происхождении этого языка, его структуре, иллюстрируя их материалами из «Дивана» Махмуда Кашгари. Автор указывает, что носители этого языка жили в различных странах, что нашло свое отражение в топонимии. Далее он пишет, что аргу по происхождению являлись потомками ираноязычных согдийцев, которые еще до XI века подверглись влиянию тюркоязычного окружения и ассимилировались. Сопоставляя богатый лексический материал языка аргу, зафиксированный Махмудом Кашгари, с современными диалектами, автор стремится доказать, что язык нынешних потомков аргу восходит к древнеаргунскому.

Большая часть включенных в рецензируемый сборник статей посвящена различным вопросам азербайджанского языкознания.

В статьях Ш. Х. Халилова «Времена глагола в средневековом азербайджанском языке (на материале поэмы Али „Кысса-и Юсуф“)» и И. Д. Велиева «Повелительное наклонение в письменных памятниках средневекового азербайджанского языка» исследуются история развития указанных грамматических категорий языка, частота и особенности их употребления. Ш. Х. Халилов о поэме «Кысса-и Юсуф» пишет, что она является ценным источником для изучения азербайджанского художественно-литературного языка XIII века, хотя в ней встречаются также языковые факты, характерные и для других тюркских языков (стр. 91).

Статья И. Д. Велиева написана на основе анализа фактов азербайджанского художественно-литературного языка XIII—XV вв. В письменных памятниках этого времени для выражения повелительного наклонения в первом лице единственного и множественного числа, наряду с современными формами на *-ым*, *-им*, *-ум*, *-үм*, *-м*; *-аг*, *-эк*, употребляются и следующие формы — 1-е л. ед. ч.: *-ајым*, *-әјим* ('дурајым' 'встанем', *кедәјим* 'пойдем'); *-ајын*, *-әјин* ('дәјәјин' 'скажем', *алајын* 'возьмем'); 1-е л. мн. ч.: *-алым*, *-әлим*, *-алум*, *-әлүм* ('уралым' 'ударим', *дејәлим* 'скажем' и т. д.) (стр. 99).

В статье Ю. М. Сеидова «Сложноподчиненное предложение в языке Насими» анализируются особенности языка произведений великого поэта и отмечаются его сле-

дующие характерные особенности: частое употребление сложноподчиненных предложений, нередко усложненного типа, и реже — глагольных оборотов как синтаксических синонимов этих предложений; как и в современном азербайджанском языке, встречаются все четырнадцать видов придаточных предложений; разнообразие вспомогательных средств, связывающих главные и придаточные предложения; наблюдается переходный процесс от сложносочиненных к сложноподчиненным предложениям.

В совместной статье Т. И. Гаджиева и Э. И. Азизова «Историко-лингвистические основы создания исторической диалектологии азербайджанского языка» авторы выделяют в истории азербайджанских диалектов и говоров два периода и подробно характеризуют их: 1) период господства языковых особенностей родо-племенных союзов, участвовавших в этногенезе азербайджанского народа (до X—XI вв.); 2) период формирования территориальных говоров.

Статьи А. Г. Велиева «Роль географических факторов в сохранении диалектных особенностей» и Г. Г. Велиевой «Этнический состав лексики говоров восточного

Апшерона» посвящены азербайджанской диалектологии. Обе статьи содержат весьма интересные данные и наблюдения.

Статья Э. Азизова «Короглы, Ченлибел, Мисри гылиндж» посвящена этимологии названных слов, встречающихся в эпосе «Короглы».

Помещенная в сборнике совместная статья И. Т. Мамедова и Ф. А. Джалилова «Асемантические морфемы в азербайджанском языке» посвящена группе языковых единиц, исторически имевших самостоятельную семантику, а в дальнейшем утративших ее и ставших асемантическими.

Хотелось бы высказать и несколько замечаний. Хотя в названии сборника упоминается лингвогеография, однако ни одной статьи, посвященной этой проблеме, в нем нет. Вместе с тем, именно азербайджанской диалектологии принадлежит приоритет в разработке этой области тюркологии. В русских резюме статей сборника встречаются досадные орфографические ошибки (стр. 91, 99).

В целом же материалы сборника представляют несомненный интерес для всех лингвистов-тюркологов.

М. И. Исламов, Э. А. Касумлы

Ш. ЖАНӘБІЛЕВ. ҚАЗАҚША МАЛ АТАУЛАРЫ

«ҚАЙНАР» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1982, 151 стр.

Книга «Казахские названия животных»¹ покойного казахского языковеда Ш. Жанабилова, подготовленная автором еще в 50-е годы под руководством С. Аманжолова как кандидатская диссертация, увидела свет благодаря усилиям ответственного редактора издания А. Абдрахманова.

Публикация этой работы оказалась весьма своевременной. Современное развитие тюркской лексикологии и лексикографии, непосредственно связанное с составлением этимологических и толковых словарей тюркских языков, требует основательного собирания и обработки отраслевой лексики любого из тюркских языков и их диалектов (особенно преуспели в этом туркменские лексикографы, собравшие лексику различных ремесел, сельскохозяйственную и т. д.²).

В казахской лексике народная животноводческая терминология развита особенно широко, ибо казахи, как известно, издревле занимались скотоводством. Поэтому эта терминология заслуживает специального изучения.

В кратком «Введении» к книге говорится о значении исследования казахской скотоводческой терминологии. Последующие главы посвящены терминам коневодства, разведения верблюдов, коров, овцеводства, разведения коз. В виде приложения даны сводка общих наименований скота и подборка пословиц и поговорок о скоте.

В каждой из глав изложение ведется в соответствии с принятой автором классификацией отраслевой лексики, основанной на классификации обозначаемых реалий. Такое упорядочение материала — Ш. Жанабилову удалось собрать около 1400 терминов (в том числе и терминов-словосочетаний) — способствует наиболее адекватному его истолкованию. Это представляется важным, так как скотоводческую терминологию во всей ее полноте можно найти именно у казахов, отчасти у киргизов, каракалпаков, башкир, также традиционно занимающихся животноводством. Подобная разветвленная терминология отсутствует, например, у соседних с казахами народов — узбеков и уйгуров.

¹ Более точный перевод: «Казахские названия домашнего скота». Именно так истолковывает название книги ее первый рецензент, см.: А. Болгонбаев. Төрт түлікке қатысты сөз байлығы. — В журн. «Қазақстан ауыл шарашылығы», 1982, № 9, стр. 44—45.

² См., например: Г. Атаев. Туркмен дилинің хунәрментчилиги лексикасының сөзлүгі. Ашгабат, 1982; «Оба хожалык терминлеринин туркменче-русча сөзлүгі». Ашгабат, 1979.

Стремление Ш. Жанабилова дать исчерпывающее толкование любому из приводимых терминов позволило ему сконцентрировать в небольшой по объему книге не только языковой материал, но и весьма интересные сведения по животноводству и этнографии казахов, а также собрать ценный иллюстративный фольклорный материал — пословицы и поговорки (к сожалению, в книгу не вошли фольклорные поэтические фрагменты).

В главе, посвященной терминам коневодства, приводятся названия пород лошадей, названия, связанные с табунами последних. Большой материал сосредоточен в разделе «Названия кобыл»: казахи-скотоводы различают и именуют кобыл соответственно их признакам — по виду гривы и хвоста, степени упитанности, возрасту, нраву, по наличию (или отсутствию) жеребенка. Целый ряд названий связан с процессом получения кумыса. Каждое из таких наименований в книге подробно толкуется. Например: *тайлы бие* 'кобыла, не имеющая жеребенка этого года, но при которой находится ее годовалый или полугодовалый жеребенок, благодаря чему она и доится' (стр. 13); *саулы (құлыны жоқ) бие* — букв. 'дойная кобыла, потерявшая своего жеребенка, при доении которой своеобразным стимулятором служит шкура погибшего жеребенка' (стр. 13—14); *сақа бие* 'кобыла, жеребившаяся пять-шесть раз'.

Среди названий жеребцов в особые подразделы выделены названия холощеных лошадей (стр. 27), тягловых коней (стр. 28); перечисляются названия лошадей в зависимости от их нрава, масти, особенностей шерсти, зубов, голоса и т. д. (в том числе по манере ложиться и подниматься). Автор приводит и различные наименования жеребят. В заключение перечисляются междометия, которыми подзывают лошадей, и названия их болезней.

В главе, посвященной терминам верблюдоводства, приводятся названия пород верблюдов, одnogорбых верблюдиц и верблюдов, холощеных одnogорбых верблюдов, наименования двугорбых верблюдов, верблюжат. Здесь же даются общие названия верблюдов и в их числе — названия

по возрасту, строению горба, по степени упитанности, силе, нраву и т. д. (в том числе по манере ложиться и подниматься). В конце главы приводятся междометия, которыми подзывают верблюдов и проклятия в их адрес, а также названия болезней верблюдов.

Крупный рогатый скот не был столь широко распространен в хозяйстве казахов, и поэтому глава, посвященная терминам этой отрасли животноводства, сравнительно небольшая по объему. Здесь приводятся наименования коров, быков и волов, термины, связанные с особенностями этих домашних животных.

В специальной главе рассматриваются термины овцеводства. Ввиду специфичности объекта номинации и важности его для хозяйства казаха-скотовода рубрикация произведена достаточно подробно. На основе такой же рубрики построена и глава, посвященная терминам разведения коз.

Общие названия скота, снабженные соответствующими толкованиями, приводятся единым списком.

Тематические подборки фольклорного материала, приведенные в различных разделах книги и в ее заключении, представляют несомненный интерес не только для фольклористов, но и для историков языка и этнографов. В приведенных пословицах нашли отражение особенности мышления казаха-скотовода, называвшего коня «крыльями человека» (*Ат — адамның қанаты*, стр. 29), для него «скот — дитя, земля — мать» (*Мал — баласы, жер — анасы*, стр. 149). На древность казахских пословиц о скоте указывает тот факт, что, например, пословицу *Мал аласы сыртында, адам аласы ішінде* (стр. 150) 'Характер (буквально: пестрота) скота — в его наружности, характер (пестрота) человека в нем самом (внутри)' приводил Махмуд Кашгари в своем первом по времени диалектном словаре тюркских языков.

Рецензируемая книга Ш. Жанабилова представляет интерес не только для казахской, но и шире — тюркской лексикографии и лексикологии в целом.

Г. Ф. Благова

«STUDIES IN CHUVASH ETYMOLOGY I». EDITED BY A. RONA-TAS

«STUDIA-ALTAICA 17». SZEGED, 1982, 240 стр.

В сборник вошли в основном статьи, ранее публиковавшиеся и к настоящему времени ставшие, к сожалению, фактически малодоступными. Впервые публикуются статья А. Берта и библиографический указатель, подготовленный А. Мольнаром для советских и венгерских составителей этимологического словаря чувашского языка.

Издание сборника преследует цель обоб-

щить имеющийся опыт исследования чувашской лексики и ознакомить с ним широкий круг специалистов.

Статья Ю. Немета (J. Németh. The meaning of the ethnonym Bulgar, стр. 7—13) содержит новое объяснение этнонима bulgar. Первоначально Ю. Немец, как и В. Томашек, считал, что основа данного этнонима, выступающего в форме причастия настоя-

ще-будущего времени, — *bulıya* 'смешивать'. Позднее он возводил его к этому же глаголу, однако уже с другим значением: «возбуждать недовольство, сеять смуту, бунтовать», усматривая в данном названии «символ любви к свободе» (стр. 11).

Статья А. Берта (A. Berta. *Zwei wolgarbolgarische Lehnwörter in der Mundart der getauften Tataren*, стр. 14—19) посвящена двум диалектизмам татарского языка из материалов, собранных более ста лет назад венгерским тюркологом Г. Балинтом: *şoqlan* 'похищать' и *şirt* 'лемех'. Первый диалектизм А. Берта возводит к болгарскому **şuxlan* (<праторк. *şoqlan*, от **jōq* 'нет', ср.: чуваш. *şuxal* 'пропадать, исчезать'), второй — к болгарскому **şirt* (<**şirt* ~ праторк. *şirt* 'спина').

Если учитывать различия в значениях тат. диал. *şoklan*- и булг. **şuxlan*- (<праторк. *şoqlan*-), то следует признать более вероятной связь *şoqlan*- с тат. лит. *soqlan* 'завидовать', 'смотреть с жадностью'. Значение тат. диал. *şyrt* поддежит уточнению, ср.: башк. *шырт* 'предплечник', тат. *шырт* 'резец у сохи' (РСЛ IV 1053). Поэтому установливаемый А. Берта семантический переход (лемех <спина, тыльная часть, ср.: тур. *sirt* 'спина', 'ребень горы', 'тупая сторона ножа') может оказаться неоправданным для данного случая.

В статье Х. Эрена (H. Eren. *Remarks on V. G. Egorov's etymological dictionary of the Chuvash language*, стр. 20—65) сделаны замечания по Этимологическому словарю чувашского языка, изданному в 1964 году В. Г. Егоровым.

Вначале Х. Эрен говорит об отсутствии указаний на заимствование из соседних тюркских языков, главным образом из татарского, слов *ашак* 'осел', *евче* 'сват', 'сваха', *йава* 'гнездо', *йаваш* 'тихий, кроткий', *йамран* 'суслик', *йанайш* ~ *йумайш* 'ошибка', 'ошибочный', *йанар* 'выхухоль', *каван* 'тыква', *кашак* 'ложка', *купас* 'скрипка', *кус* 'глаз', *майах* 'усы', *пёве* 'красить', *пус* 'голова', *пылчак* 'грязь', *сазан* 'сазан', *салма* 'лапша', 'кецки', *талмач* 'переводчик', *тјс* 'терпеть', 'выносить', *хамайш* ~ *хумайш* 'камыш', 'тростник', *хуранташ* 'родственник', *чатар* 'шатер', 'шалаш', 'палатка', *ыйах*, *ыйах* 'сон', *яш* 'молодой', 'парень'.

Далее, он выражает сомнения или несогласие с В. Г. Егоровым по поводу сопоставления чуваш. *арак*, *арка* 'подол', 'пола', 'нижний край платья (одежды)' с тур. *etek*; *валак* 'жёлоб' со ст.-узб. *jalaq* 'корыто для водопоя'; *евче* 'сват', 'сваха' с азерб. *елчи* 'посол', 'посланник'; *йамак* 'младшая сестра' с тур. *kıta* 'жены одного мужа по отношению друг к другу'; *кантар* 'конопля' с тур. *kenevir*; *кап* ~ *хапа* 'внешний вид', 'форма', 'фигура' с кирг. *кейип*, *кейп* 'вид', 'форма' (<ар.); *кавар* ~ *коар* 'горящие, раскаленные угли', 'жар' с тур. *kavur* 'жарить'; *кёне* 'рубашка' с тур. *kap* 'сосуд, посуда', *кебе* 'накидка из грубого войлока' и тув. *хеп* 'одежда', 'форма', 'шаблон'; *кёрү* 'зять', 'жених' (<**küday*) с азерб. *курэ-кан*, туркм. *көрөкен* 'зять'; *кёссе* 'войлок',

'кошма' с кирг. *кийиз*; *кунча* 'голенщик' с к.-калп. *көн* 'кожа'; *курак* 'трава' с тур. *ki-gik* 'зеленые, неспелые плоды'; *күл* 'запирать' с тур. *koş*, туркм. *goş*; *сават* 'сосуд' с тур. *sepet* 'корзина' (<перс.); *суккар* 'слепой' с тур. *kör* (<перс.); *сакан* 'преклонять колени', 'приседать' с тур. *şök* 'опускаться на колени'; *сак* 'ключ', 'источник', 'родник' с тур. *keyi* 'колодец'; *сёвё* 'шов' с узб. *чок*; *сёкё* 'стерлядь' с казах. диал. *шоқыр* 'севрюга'; *сёрё* 'кольцо, перстень' с якут. *дөррө* 'носоевое кольцо у быка' (<монг.); *сирёк* 'ольха' с якут. *сирик*; *сул* 'год' с широко распространенным в тюркских языках словом *яш* 'возраст', 'год' — временной отрезок жизни'; *сыр* 'писать' с якут. *суруй* (<монг.); *сыллах* 'грех' с алт. *дызык* 'ошибка', 'грех'; *сырла* 'ягода' с уйг. *йемиш* 'плод, фрукт', тур. *çilek* 'земляника', 'клубника'; *тур* 'бог' с шумер. *dingir* 'небо'; *тына* 'телка' с тув. *дөнен* 'четырёхгодовалое домашнее животное' (у В. Г. Егорова: тув. *дөнен* 'молодая корова'); *ур* 'трезвый' (<монг.); с башк. *айык*, тур. *ayık*; *уртайш* 'могжеевельник' с кирг., туркм. *арча*; *хәрхәм* (*хәр-хәм*) 'рабыня', 'служанка' с кирг. *куң* 'рабыня'; *хуйах* 'горе', 'печаль', 'скорбь' с др.-тюрк. *kōj* 'гореть', *хуран* 'котел' с гаг. *хараны* (у В. Г. Егорова: *харан* 'большой медный котел'); *хуран* 'береза' с монг. *хус(ан)*; *хурлахан* 'смородина' с башк. *карагат*; *шана* 'муха' с кирг. *соно*, узб. *сйна* 'слепень', 'овод'; *шарка* 'гнида', 'плесень' с кирг. *сирке*, узб. *сирка*, тур. *sirke* 'уксус' (<перс.); *эрём* 'полюнь' с туркм. *ёв-шан*, азерб. *ювшан*.

Обращается внимание на неполноту библиографических сведений, относящихся к этимологизации слов *арслан* 'лев', *вайкар* ~ *макар* 'бык, вол', *максам* 'пиво, приготовленное без хмеля', *пари* 'полба', *пурган* 'шелк', *пыл* 'мед', *пылчак* 'грязь', *самрак* 'молодой', 'юный', *санях* 'мука', *сёрё* 'кольцо', *симёс* 'еда', 'кушанье', 'плоды', 'овощи', *сурам* 'спина', *улма* 'яблоко', *чатар* 'шатер', 'шалаш', 'палатка'.

Х. Эрен ставит под сомнение связь чуваш. *казакал* 'утка' со звукоподражательным словом (ср.: башк. *кугәл* 'селезень'); возражает против рассмотрения слова *сесен* 'красивый' — как производного от *сес* 'цвести', *хёвел* 'солнце' — как производного от др.-тюрк. *kōj* 'гореть', *юлава* (*юлаваç*) 'название духа' — как производного от *юл* 'дорога'; сопоставляет *кайкар* 'сокол' с др.-тюрк. *qıyūj* ~ *qıyūj* 'ястреб-перепелятник', *савал* 'клин' — с тур. диал. *sigil* 'железный или деревянный клин', *шарса* 'бусы', 'бисер' — с тур. *sırca* 'стекло'; дополняет список тюркских лексических соответствий чувашскому *täri* 'жаворонок' турецким *toygur*; не соглашается с толкованием *ханта́р* 'бообр' как заимствования из арабского языка; указывает на противоречивость этимологических объяснений слова *сытар* ~ *сатар* 'подушка'.

Почти во всех других случаях замечания Х. Эрена, в общем справедливы, но не вносят существенных изменений в содержание словарных статей у В. Г. Егорова.

В статье А. Рона-Таша (А. Róna-Tas. Loan-words of ultimate Middle Mongolian origin in Chuvash, стр. 66—134) объектом исследования являются чувашские слова среднемонгольского происхождения.

В первой части статьи дана характеристика источников, кратко изложена история вопроса, отмечена необоснованность значительного количества чувашско-монгольских параллелей в монографии В. Г. Егорова «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении». Сам А. Рона-Таш выделяет 29 слов, которые мы воспроизводим ниже вместе с их среднемонгольскими прототипами (в скобках): 1) *упра* 'бережь, хранить' (abga-); 2) *усра* 'содержать', 'воспитывать', 'беречь' (asga ~ asaga-); 3) *парка* 'здоровый', 'прочный, крепкий' (berke); 4) *пăлчав* 'уговор о дне свадьбы' (boljal 'уговор о времени и месте'); 5) *пусаха* 'порог' (bosaya); 6) *пăвăр, пăвăрлă, пурлă, пурлă* 'чалый' (bural); 7) *путене* 'перепел' (bödene); 8) *пăлтăрка* 'ремешок на рукоятке ногайки' (būldürge); 9) *чуптар* 'игреневый' (ča-bidur); 10) *чăт* 'терпеть, переносить' (čida-); 11) *тихпене* 'возжи' (delbege); 12) *тим* 'охота, желание, стремление' (dem 'помощь', 'посредство'); 13) *илпек* 'избыток, изобилие' (elbeg); 14) *хұхм* 'красивый, изящный' (yoiqan); 15) *урам* 'улица', 'ряд' (horam 'дорога', 'ряд'); 16) *евчĕ* 'сват', 'сваха', 'сводник', 'посредник' (ja'učĕ); 17) *мулаххай* 'шапка-ушанка' (malayai); 18) *markan 'меткий', 'меткий стрелок' (mergen); 19) *мака* 'тупой' (moqa); 20) *нарат* 'сосна' (nagad); 21) *нăкă* 'твердый, крепкий' (niç); 22) *нăхта* 'недоуздок' (noyta); 23) *кёрнйкер, кёр-нйкер* 'дружка жениха' (nōket 'товарищ', 'сподвижник'); 24) *хаçă* 'ножницы' (qaiçĕ); 25) *хурал* 'охрана, стража' (qara'ul); 26) *хурчка* 'ястреб' (qarçiya); 27) *хата* 'сват' (qida); 28) *сăлтав* 'причина', 'повод, предлог' (siltay); 29) *сайă* 'хороший' (sayi).

То обстоятельство, что семнадцать слов из данного списка были позднее заимствованы марийским языком, расширяет, по мнению А. Рона-Таша, возможности изучения исторической фонетики чувашского языка.

Послесловием к статье являются ответы на критические замечания Н. Н. Поппе, сделанные после первой публикации. Н. Н. Поппе отрицает наличие прямых заимствований из среднемонгольского языка в чувашский и подчеркивает посредническую роль соседних тюркских языков: татарского, башкирского и др. При этом ряд чувашских слов в приведенном списке он не без оснований считает поздними заимствованиями из татарского языка, выходящими за пределы среднемонгольского периода¹.

Вторая статья А. Рона-Таша (А. Róna-Tas. Some Volga Bulgarian words in the Volga Kipchak languages, стр. 135—151) — предварительное сообщение о болгарских словах в кипчакских языках Поволжья.

Поддерживая гипотезу о существовании двух болгарских диалектов (ž-диалекта и š-диалекта), А. Рона-Таш ищет подтверждающие ее факты в чувашском языке. Так, он упоминает чуваш. *чакан* 'рогоз' (вм. ожидаемого *çakan*) и *чăмăр* 'шар', 'кулак' (вместо ожидаемого *çămăr*) и указывает, что болгарские прототипы этих слов могли иметь в начальной позиции лишь звонкие согласные: *žākān (<прототюрк. jākān, ср.: венг. *gyékény*), *židiğux (<прототюрк. jidiğux).

Из ž-диалекта, как полагает А. Рона-Таш, были заимствованы два болгарских слова: 1) тат. диал. *жар* в *жәшел жар* 'медный купорос' <булг. *žār (<прототюрк. jez > тат. *жиз* > чуваш. *йёс* 'желтая медь', 'латунь'); 2) тат. диал. *йозорок* 'кулак' <булг. *židiğux (<прототюрк. jidiğux > тат. *йодрык*).

Значительно больше заимствований — из š-диалекта: 3) тат. диал. *шара* в *шарақ ағаç* 'голое дерево', *шәрә* 'голый' <булг. *šārā (<*šāgā) > чуваш. *çара* 'голый'; 4) тат. диал. *шымран, шомран, шоморан* 'суслик' <булг. *šumğan (<прототюрк. jumğan > тат. *йомран* > чуваш. *йăмран*); 5) башк. *шыл* в *шылғаç* 'скользящий' <булг. *šil (<прототюрк. jil- 'скользять', ср.: прототюрк. jilan, башк. *йылан*, чуваш. *çелен* 'змея'); 6) башк., тат. *шырты* 'заноза', 'спичка' <булг. *širpi (<прототюрк. širpi > тат. *чырты* ~ *шырты* > чуваш. *шăрпăк*); 7) тат. диал. *шомар* в *шомăрчуқ* 'вид грибов' <булг. *šumar (<прототюрк. jūmtur 'дождь' > чуваш. *çумăр* 'дождь'; 8) тат. *шомырт* 'черемуха' <булг. *šumirt (<прототюрк. jumirt > чуваш. *çёмёрт*); 9) тат. устар. *шура* 'совет' <булг. *šoga (<прототюрк. jaša- > тат. *яра* > чуваш. *юра* 'подходить, годиться') > чуваш. *çура-ç* 'приходить к соглашению, договариваться'; 10) тат. *Әстерхан*. — Астрахань <булг. *Astarhan > чуваш. *Астархан*, *Астăрхан*; 11) тат. *кәшәк* 'клюшка' <булг. *kāšā (kā) ~ *kāčākā 'коза' > тат. *кәçә*, чуваш. *качака*; 12) тат. *поши*, башк. *мишы*, тат. диал. *пыши, пөшөй* 'лось' <булг. *rūši <протоперм. rūše, ср.: чуваш. *пăши*; 13) тат. диал. *кушман* 'редька' <булг. *xošman (<протоманс. košmān) > чуваш. *кăшман* 'редька', 'свекла'; 14) тат. диал. *шорт* 'дом' <булг. *šurt (<прототюрк. jurt) > тат. *йорт* > чуваш. *сурт*; 15) тат., башк. *кәпшә* 'труба', 'трубчатый стебель', 'сосуд' <булг. *kūpše (<прототюрк. kūrček > тат. *кәпчәк*) > чуваш. *кёпсе* 'трубка', 'стебель', 'ствол', 'ступница колеса'; 16) тат., башк. *шуре* 'цевка', 'шпилька' <булг. *šürgü (<прототюрк. jüzük > тат. *йөзек*, башк. *йөзөк* 'кольцо, перстень') > чуваш. *çёрё* 'кольцо', ср.: тат. *шуре* > чуваш. диал. *шурă, шёрё* 'цевка'.

В статье приведена лишь небольшая часть слов, заимствованных кипчакскими

¹ См.: N. Poppe. On Chuvash-Mongolian linguistic contacts. — «Journal of the American Oriental Society», 1977, 97, 2, стр. 111—114.

языками Поволжья из болгарского языка, но и это количество, как подчеркивает А. Рона-Таш, дает представление о том, насколько сложными были этногенетические процессы и насколько многообразно их отражение в лексике названных языков.

Нисколько не умаляя заслуг автора, приложившего много усилий для выделения древнечувашского лексического пласта в татарском и башкирском языках, отметим, что не все предложенное им является в достаточной мере убедительным.

Хотя чуваш. *чакан* — тюркское слово, ср.: алт. *дзекен*, башк. *екән*, кирг. *чекен* (вм. ожидаемого *жекен*), тат. *жикән*, тат. диал. *йегән*, туркм. *екен* 'рогоз', восходит оно не к болгарскому **žakān*, а к русскому диалектному *чакан*. Иначе говоря, имеет место презаимствование.

Вряд ли чуваш. *чăмăр* 'шар', 'кулак' находится в одном ряду с тат. *йодрык* 'кулак', ср.: чуваш. *чăмăрла* 'крутое (яйцо)', *сăмарта* 'яйцо'.

Тат. диал. *шарақ* в сочетании *шарақ ағац* и тат. *шәре* 'облезлый', 'голый', 'лысый', 'высохший, голый, без коры (о дереве)', по-видимому, — разные слова. Сочетание *шарақ ағац* в значении 'голое дерево' приведено в диалектологическом словаре татарского языка 1969 года, которым пользовался А. Рона-Таш. В башкирском же диалектологическом словаре аналогичное сочетание (*шарақ ағас*) приводится с другим значением — 'колкое, легко раскалываемое дерево'², ср.: башк. *шарақ уғын* 'колкие дрова', башк. диал. *шарғат* 'колкое дерево'³. Ср. также: башк. *яр* 'раскалывать'; кирг. *жараңка* 'мелко колотые дрова'.

Башк. *шырпы* (> тат.) 'спичка', 'заноза' — закономерное отражение восстанавливаемой А. Рона-Ташем тюркской праформы, ср.: азерб. *чырпы* 'хворостинка, палочка'; кар. *чырпы* 'шип, колючка'; казах. *к.-калп. шырпы* 'прутик', 'спичка'; кирг. *чырпык* 'веточка, прутик'; ног. *шырпы* 'соринка'; тат. диал. *чырпы* 'заноза'. Таким образом, причастность болгарского, точнее древнечувашского, языка к появлению в татарском языке разновидности формы с начальным *ш* не обязательна.

По составу согласных в слове *шомырт* 'черемуха' (башк. диал. *шоморт*, *шомырт*, *шумырт*, *шымырт*) к татарскому языку примыкает узбекский. В связи с этим возникает вопрос: правомерно ли рассматривать узб. *шумурт* как относительно раннее заимствование из татарского языка?

Тат. *шура* 'совет' заимствовано не из болгарского, а из арабского языка, ср.: узб. *шўро*, тур. *şûra*, перс. *شورا*.

Связь тат. *кәшәкә* 'клюшка' с *кәжә* 'коза' сомнительна, ср.: тат. *кәшкә* 'загибаться', тат. диал. *кәшә* 'игра в шар'. Более

вероятна связь с русск. *кочерга*, ср.: башк. диал. *кәшәр* 'кочерга' (< русск.).

Для того чтобы тат. *поши* 'лось' возвести к протоперм. *pšesj* (удмурт. *пушей*), нет необходимости прибегать к посредству болгарского языка, ср.: тат. диал. *почи*; башк. диал. *бышый*, *мышый*; марийск. *pjčb*.

Займствование тат. диал. *кушман* 'редька', чуваш. диал. *кашман*, *каими* 'свекла', *кашмир* 'брюква'⁴ из протомансийского языка через болгарский язык маловероятно. Данное слово широко представлено в соседних финно-угорских языках, ср.: марийск. *ушмен* 'свекла', 'редька', *ушман* 'брюква', *кочушмен* (кочо *ушмен*) 'редька', но не исключено, что оно было заимствовано ими из татарского языка.

Көпишә вместо *көпчә*, *ш* вместо *ч* — обычное явление в диалектах татарского языка, ср.: тат., башк. *көпишә* 'дуло', 'ствол', 'трубчатый стебель', 'труба'; тат. *көпчәк*, тат. диал. *көпишәк*, башк. *көпсәк*, узб. *гунчак* 'ступица колеса'.

Для сближения тат., башк. *шуре*, башк. диал. *суре* 'цевка', 'шпудька' с тат. *йөзек*, башк. *йөзөк* 'кольцо, перстень' есть некоторые основания, ср.: чуваш. *сёрё* 'кольцо, перстень', 'цевка', 'шпудька'. Однако этому препятствует, с одной стороны, четкая семантическая ограниченность *шуре*, с другой, наличие параллели за пределами Поволжья, ср.: бараб. *шёрё* 'челнок' (РСЛ IV 1036).

К изложенному добавим, что в рецензируемой статье нет четкой аргументации положения о двух диалектах древнечувашского языка (*ž*-диалекте и *š*-диалекте), которое было выдвинуто еще З. Гомбоцом. Вызывает возражения наименование реконструированных праформ чувашского типа болгарскими⁵.

В третьей статье А. Рона-Таша (A. Róna-Tas. Three Volga Kipchak etymologies, стр. 152—157) сделана попытка по-новому осветить историю трех волжско-кыпчакских религиозных терминов: тат. *изге* 'священный, святой', 'добрый', 'благочестивый' (ср.: чуваш. *ырăй*); тат. *бәти*, тат. диал. *бәту*, башк. *бетегу* 'амulet, талисман' (ср.: чуваш. *пётү*); тат. *тәре* 'крест', башк. *тәре* 'крест', 'икона, образ'. А. Рона-Таш приходит к выводу, что первое слово является либо литературно-книжным заимствованием, либо заимствованием из болгарского языка, тогда как второе и третье — явные булгаризмы, свидетельствующие о начале кыпчакско-болгарских контактов в период до монгольского нашествия.

В связи с этим следует, по-видимому, напомнить, что различные тексты, изданные в конце прошлого и в начале нынешнего века

² См.: «Башкорт һөйләштәренен һүзлег», I. Өфө, 1967, стр. 274.

³ См.: Н. Х. Ишбулатов. Диалекты и говоры башкирского языка. — В кн.: «Вопросы башкирского языкознания». Уфа, 1972, стр. 111.

⁴ См.: Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968, стр. 27, 30, 31.

⁵ См. нашу рецензию на «Chuvash Studies» в журн. «Советская тюркология» (1983, № 6).

в Казани, включают в себя большое количество случаев употребления *з* на месте пратюркского *δ*. Варианты с *з* приобрели особую стилистическую окраску и стали достоянием литературной нормы не только татарского, но и других тюркских языков, ср.: казах. *езгу, езгі, ізгі*; ст.-тур. *ezgü*; узб. *эзгу*. Далее, в говорах татарского языка встречается и *бетег* 'письмо', 'записка', и *бетек* 'амулет', 'талисман'⁶. И тат. *бети*, и башк. *бетеу*, с учетом диалектных материалов, находятся в полном соответствии с закономерностями фонетического развития поволжско-кыпчакских языков.

Последняя статья сборника (K. Rèdei and A. Róna-Tas. Proto-Permian and Votyak loan-words in Chuvash, стр. 158—179) содержит перечень заимствований из пермских языков. К ним отнесены: 1) *ан* — отрицательная частица при глагольных формах повелительного наклонения; 2) *а́тәр* 'выдра'; 3) *ка́шми* 'брюква'; 4) *кикен* 'че-

мерица'; 5) *кәтмел* 'брусника', 'клюква'; 6) *лап* 'лощина, ложбина, низина'; 7) *ленкес* 'деревянное ведро'; 8) *ла́с* 'хвоя', 'ветка'; 9) *маяк* 'вежа'; 10) *нимёр, мимёр* 'болтушка', 'каша', 'кисель'; 11) *мёши, пйши* 'лось'; 12) *пилеш* 'рябина'; 13) *пáчáрта* 'жать', 'сжимать', 'выжимать'; 14) *пукан* 'чурбан', 'обрубок дерева', 'стул', 'табурет'; 15) *пёрне* 'ковш', 'ящик', 'корзина', 'кожаная сумка'; 16) *пёрёш* 'полукруглое долото'; 17) *си, сий* 'слой, пласт'; 18) *сара́к* 'репа'; 19) *сем* 'мелодия', 'мотив, напев'; 20) *сура́м* 'пучок', 'сноп'; 21) *та́ршá* 'обух', 'спина', 'тыльная сторона'; 22) *ва́й* 'сила', 'энергия'.

Включенный в издание библиографический указатель (стр. 180—238) дает довольно полное представление о специальной литературе и важнейших направлениях в изучении чувашской лексики.

В целом рецензируемый сборник — полезное пособие для составления этимологического словаря чувашского языка и осуществления лексикологических исследований более широкого плана.

А. М. Щербак

⁶ См.: «Татар теленен диалектологик сүзлеге». Казан, 1969, стр. 81.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ»

13—14 октября 1983 года в Казанском университете состоялась межвузовская конференция «Актualityные проблемы лексической и грамматической семантики (на материале тюркских языков Поволжья и Приуралья)».

В работе конференции приняли участие преподаватели Казанского и Башкирского государственных университетов, Казанского и Елабужского государственных педагогических институтов, филиала Елабужского пединститута в г. Брежнев, научные сотрудники Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, аспиранты, стажеры, студенты Казани, Елабуги, Махачкалы, Ташкента.

Работа конференции проходила на пленарных и секционных заседаниях.

На пленарном заседании было представлено 5 докладов, на секционных — 21.

Г. Х. Ахатов (г. Брежнев) в докладе «Некоторые вопросы комплексного изучения лексической семантики» говорил о необходимости комплексного, взаимосвязанного и взаимообусловленного изучения лексики, о критериях в различении омонимии и полисемии слов. Он остановился на тесной связи лексической синонимии с явлением многозначности, на взаимодействии семантических классов между собой.

В докладе В. Х. Хакова (Казань) рассматривались лексические пласты, разграничивающие функциональные стили современного татарского языка, семантические особенности лексических единиц, характерные для этих стилей.

В докладе Г. Ф. Саттарова (Казань) «Лексико-семантические категории татарских личных имен» были рассмотрены лингвистические источники и мотивы возникновения, а также особенности функционирования синонимичных, антонимичных и омонимичных личных имен в татарском языке.

Доклад Р. Г. Сибгагова (Уфа) «О категориальном значении предложения» был посвящен проблеме предикативности, заключающейся, по мнению автора, в тесной взаимосвязи и взаимодействии двух основ-

ных лексико-грамматических частей предложения и модального аспекта.

В докладе Д. Г. Тумашевой (Казань) «Синонимические отношения в системе глагольных форм и моделирование грамматических значений» рассматривались отдельные аспекты функционально-семантического исследования глагола и синонимические связи в системе глагольных форм. Докладчик считает, что моделирование семантической структуры грамматических категорий глагола и дифференциальных признаков синонимических форм позволяет сделать вывод об обусловленности синонимии не только различиями в наборе семантических признаков данного категориального значения, но также различными возможностями в словоизменении и формообразовании (то есть в сочетаемости с другими глагольными формами).

В секции «Грамматической семантики» (руководители — Д. Г. Тумашева и Р. Г. Сибгагов) было заслушано девять докладов, посвященных различным вопросам морфологической и синтаксической семантики, семантическому и функциональному взаимодействию языковых явлений различных уровней. Один из докладов был посвящен историко-генетическому и ареальному подходу к развитию семантики причастных форм. В нескольких докладах рассматривались актуальные проблемы синтаксической семантики.

В докладе Ф. С. Сафиулловой (Казань) «Структурно-семантические типы простых предложений в татарском литературном языке» впервые в татарском языкознании была сделана попытка классифицировать простые предложения по конкретным структурно-семантическим типам. Привлечение предикативных конструкций разговорной речи, как показала докладчик, позволяет расширить круг структурно-семантических типов.

В докладе С. М. Ибрагимова (Казань) «Семантическая сочетаемость слов в татарском языке» освещались причины, обуславливающие сложнейшие процессы семантического сочетания слов в речи, рассматрива-

лись основные виды сочетаемости, говорилось об описании стилистических норм языка и наиболее эффективных методах повышения культуры речи.

В докладе *А. М. Каримовой* (Елабуга) «К вопросу о классификации грамматических отношений на синтаксическом уровне» предложение рассматривалось как элемент языка, в котором лексические и грамматические значения представляют некое единство. Докладчик подчеркнула взаимосвязь морфологических и синтаксических значений и выдвинула тезис о наличии интегральных, то есть собственно синтаксических обязательных признаков предложения и его виртуальных (потенциальных) возможностей. Была высказана интересная мысль о том, что единица языка, приобретая интегральные признаки, становится предложением.

В докладе «Морфологическое ядро функционально-семантической категории персональности» *Д. Ш. Шайхайдаровой* (Казань) была предпринята попытка выявить общее содержание четырехчленной морфологической категории залога и инвариантные значения каждой формы. На этой основе докладчик составила модель гипотетической структуры исследуемой категории, при этом ею была использована теория валентности. Эта же теория легла в основу доклада *Т. И. Ибрагимова* (Казань) «К изучению глубинной структуры предложения татарского языка». Докладчик доложил также результаты исследования класса повествовательных предложений с глаголом-сказуемым. На основе теории семантических падежей Ч. Филмора им определяется роль существительных, входящих в предложение; устанавливается также, что в татарском языке имеются пяти-шести валентные глаголы и валентная структура глагола зависит от его залога.

Ф. Г. Галлямов (Елабуга) в докладе «Грамматическая семантика повторов в современном татарском языке» выдвинул тезис о том, что повторы так же являются одним из грамматических средств языка, наряду с аффиксацией, служебными словами, интонацией и порядком слов. Убедительно показав, что посредством повторов выражаются грамматические значения множественности, характера протекания действия (аспектуальности) и модальности, он предложил включить повторы в описательную грамматику татарского языка.

Н. Г. Вильданова (Уфа) в докладе «Нулевые формы падежей с точки зрения их семантики и синтаксических функций» на основе семантико-синтаксического анализа падежей в башкирском языке пришла к выводу, что падеж — это выражение отношения слова, входящего в парадигматический ряд, к другим словам синтаксического ряда, то есть носитель определенной формы (от нулевой до аффиксальной), имеющей конкретную семантику в той или иной синтаксической (функции) позиции. Докладчик отметила также, что наличие или отсутствие падежного показателя зависит:

1) от характера актуального членения предложения (словосочетания); 2) от восходящей к нему категории определенности-неопределенности; 3) от семантики как самого слова, так и управляющего; 4) от позиции управляемого слова по отношению к главному слову.

Ф. Ю. Юсупов (Елабуга) в докладе «Развитие грамматической семантики диалектных причастных форм» проследил развитие грамматической семантики причастий в сопоставлении с древними неличными формами глагола и пришел к заключению, что основное ядро семантики причастных основ дошло до наших дней без значительных изменений, хотя некоторые из них позднее могут осложниться другими грамматическими и лексическими средствами. Недифференцированность причастных форм *-учы, -улы, -чылык, -чысыз, -галак, -асы, -ыр* и т. д., выполнение ими как атрибутивных, так и предикативных функций объясняется, очевидно, незавершенностью их развития на современном этапе и отсутствием четкой разграниченности употребления.

На секции «Лексической семантики» (руководители — *Г. Ф. Саттаров* и *Г. Х. Ахатов*) были заслушаны доклады по лексической семантике, топонимике, исторической лексикологии.

А. Г. Шайхулов (Уфа) выступил с докладом, посвященным мотивирующим признакам номинации в лексико-семантических микросистемах татарского языка. Материалом для доклада послужила тематическая группа «названия растений». Докладчик отметил, что при изучении лексико-семантической системы в центре внимания должны стоять две основные проблемы: смысловая структура слова (в данном случае — названия растений), в которой заложены почти все формы и типы системных взаимоотношений слов, и инвентаризация национального словаря того или иного тюркоязычного народа, обитающего в Волго-Камско-Уральском регионе.

В сообщении *Л. Г. Хабиров* (Уфа) «Поляризация значений (энантиосемия) как особый вид антонимии» была раскрыта сущность этого семасиологического явления, на материале татарского языка, указывались разновидности, характерные особенности и причины возникновения энантиосемии в языке и в речи.

В докладе *К. Г. Бадикова* «Лексико-семантические особенности „Моабитских тетрадей“ М. Джалиля» были выявлены лексико-семантические варианты общеупотребительной лексики поэзии М. Джалиля по принадлежности ее к определенной поэтико-стилистической тональности: возвышенно-патетической, патетически-изобличительной, юмористической и интимно-психологической. Докладчик указал также на особенности возникновения новых лексико-семантических вариантов в языке поэта.

Несколько докладов было посвящено отдельным вопросам исторической лексикологии. *Ф. М. Хисамова* (Казань) в докладе

«Тенденции в развитии общественно-политической лексики татарского языка» привела интересные данные из истории бытования названной лексики в материалах старотатарской деловой письменности XVII—XVIII вв. В татароязычных грамотах, написанных от имени русского государства восточным странам, и в других деловых документах зафиксирована специфическая общественно-политическая лексика: *аталык* 'отчина', *йорт* 'страна', *туралек* 'воеводство', *тамга йорты* 'таможня' и др. Эти слова претерпели семантические изменения или были вытеснены другими словами и забыты. Как полагает докладчик, судьба этих слов отражает сложный процесс становления лексической системы татарского национального литературного языка.

Л. Ш. Арсланов (Елабуга) в докладе «Причины семантических изменений диалектной лексики в островных говорах татарского языка» называет следующие факторы, обусловившие рассматриваемое явление: 1) отсутствие предметов и понятий, характерных для прежних говоров; 2) наличие различных слов, имеющих одно и то же значение; 3) семантические сдвиги без влияния лексики контактирующих языков. Докладчик исследовал семантические изменения в говорах татар Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края, отметив, что эти изменения связаны с расширением или сужением первоначальных значений слов, а также с табуированием и т. д.

Доклад С. В. Рахмановой (Ташкент) «Семантические особенности переводной лексики в арабско-тюркском словаре XVI века» был посвящен лексико-семантическому анализу словаря анонимного автора. В этом словаре представлена следующая лексика: общетюркская, старотатарская, турецкая, чагатайская (староузбекская), огузская, уйгурская, арабская и персидская. С. В. Рахманова отметила, что перевод с арабского автор словаря осуществил эквивалентным и описательным способами.

На конференции были представлены доклады, посвященные результатам изучения отдельных семантических полей лексики татарского языка. В докладе «Семантическое поле „человек“ в языках Среднего Поволжья» Р. Г. Ахметьянов (Казань) показал, как применение в исследовании методики семантических полей способствует уточнению значения и истории слов *адам*, *бәндә*, *инсан*, *кемсе* и *кеше* 'человек'.

А. Х. Нуриева (Казань) в докладе «Семантическое изменение слов темы „время“» рассмотрела методологические и методические вопросы классификации лексической базы указанной темы и типы ее семантических изменений. Докладчиком были выделены следующие лексические группы: 1) слова, претерпевшие семантический

сдвиг; 2) слова, приобретшие новую семантику; 3) слова, подвергшиеся полисемизации; 4) слова, сохранившиеся в идиомах; 5) слова, сохранившиеся только в диалектах и др.

Ф. Л. Мазитова (Казань), выступившая с докладом «Лексико-семантические типы татарских отпрзвищных фамилий», изложила краткую историю возникновения татарских фамилий, выделила, исходя из их лексической основы, пять основных групп. Она показала особенности образования отпрзвищных фамилий и дала их тематическую классификацию. А. Ю. Филькова (Казань) в докладе «Тюркизмы в названиях городов Среднего Поволжья и Приуралья и их лексико-семантические особенности» предложила этимологии полнсонимов указанного региона, указав, что их источниками являются названия рек, племен, титулы, прозвища и имена людей.

В докладе Л. К. Тазиевой (Казань) «Категория рода и семантика татарских личных имен арабского происхождения» был прослежен процесс размежевания категорий рода в татарских личных именах.

Доклад С. Г. Васильевой (Казань) «Оценочность во фразеологических антонимах русского и татарского языков» был посвящен поляризации выражения оценочности во фразеологических антонимах. Сопоставляя системы фразеологической антонимии, С. Г. Васильева пришла к выводу, что для русского языка характерно преобладание фразеологических единиц с отрицательным оценочным значением, а в татарском языке такая асимметрия выражена гораздо слабее.

А. Г. Каримова (Елабуга) сделала сообщение об этимологии собственного имени *Тукай*.

Доклад Х. Х. Салимова (Елабуга) «Семантические оттенки татарских звуков» был посвящен результатам аудиторского анализа татарских звуков. Экспериментально установлено, указал докладчик, что у многих слов лексическое значение связано с их фонетическим оформлением. В этой связи докладчик проследил ряд интересных явлений при номинации неизвестных предметов и лиц, при употреблении синонимов и т. д.

По докладам в прениях выступило более двадцати человек.

Конференция приняла рекомендации, в которых отмечается важность изучения лексической и грамматической семантики и необходимость внедрения итогов семантических исследований в учебный процесс. Было указано на целесообразность периодических проведенных конференций по данной проблематике с более широким охватом участников из вузов и научных учреждений Поволжья и Приуралья.

Ф. С. Сафиуллина

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

18—19 октября 1983 года во Фрунзе проходили вторые научные чтения¹ (в связи с семидесятилетием Б. М. Юнусалиева)², посвященные памяти академиков-тюркологов Академии наук Киргизской ССР И. А. Батманова, К. К. Юдахина и Б. М. Юнусалиева, организованные Институтом языка и литературы Академии наук Киргизской ССР и кафедрой киргизского языкознания Киргизского государственного ордена Трудового Красного Знамени университета имени 50-летия СССР. В работе конференции приняли участие научные работники Алма-Аты, Москвы, Ленинграда, Оша, Фрунзе. Конференцию открыла главный редактор «Киргизской Советской Энциклопедии» академик Б. О. Орузбаева. Академик Т. Сыдыкбеков отметил большой вклад Б. М. Юнусалиева в развитие культуры киргизского народа, указал на ряд узловых проблем, нуждающихся в совместном исследовании лингвистов, историков и этнографов. Проректор Киргосуниверситета Л. В. Тузов поделился своими воспоминаниями о совместной работе с Б. М. Юнусалиевым, охарактеризовав его как ученого, педагога и общественного деятеля.

На пленарном заседании было заслушано шесть докладов. С докладом «Б. М. Юнусалиев — видный тюрколог» выступил Т. К. Ахматов (Фрунзе). В докладах Ж. Мукамбаева (Фрунзе) «Филологические заслуги Б. М. Юнусалиева» и Ш. Жапарова (Фрунзе) «Библиография работ Б. М. Юнусалиева» говорилось о научных заслугах Б. М. Юнусалиева в области истории, диалектологии, лексикологии и грамматики киргизского языка. Одной из актуальных проблем инженерной лингвистики и тюркологии — системному моделированию тюркской морфологии — был посвящен совместный доклад Р. Г. Пиотровского (Ленинград) и Т. Садыкова (Фрунзе) «Проблемы моделирования тюркской морфологии в инженерной лингвистике». Языку древне-тюркских памятников, обнаруженных на территории Киргизии, и контактам несториан с древними тюрками был посвящен доклад Ч. Джумагулова (Фрунзе) «Некоторые итоги изучения эпиграфических памятников Киргизии». Проблемы природы корня основы в тюркских языках, структуры слова-слога и интерпретации различных процессов и явлений на моносиллабическом уровне были освещены в докладе Е. З. Кажыбекова (Алма-Ата) «Проблема природы

тюркского корня в трудах И. А. Батманова и Б. М. Юнусалиева».

В двух секциях конференции — «Лексикология, лексикография, история языка, диалектология, манасоведение» и «Фонетика, фонология, морфология, синтаксис, прикладная лингвистика» было заслушано более тридцати докладов и сообщений.

На первой секции в сообщении «Диалектизмы как средство передачи местного колорита» Ж. Мамытов (Ош) проследил фонетические и грамматические особенности диалектов и говоров киргизского языка. Г. Бакинова (Фрунзе) остановилась на классификации киргизских диалектов, предложенной И. А. Батмановым, К. К. Юдахиным и Б. М. Юнусалиевым. О киргизских говорах, их сходстве и различиях говорил в своем сообщении Ж. Жумалиев (Фрунзе). З. Мусабаева (Фрунзе) охарактеризовала лингвистические проблемы, поднятые в трудах Кашгари и Навои. О некоторых особенностях лексики карлуков, проживающих на территории Таджикистана и Узбекистана, говорилось в сообщении К. Ибрагимова (Ош). Б. Орузбаева (Фрунзе), М. Юсупова (Москва) проанализировали термин *юрта* (жилище кочевников), его структуру и этимологию. Некоторым общественно-политическим терминам в языке газеты «Советник Кыргызстан» было посвящено сообщение С. Омуралиевой (Фрунзе). К. Сейдахматов (Фрунзе) доложил о результатах этимологических исследований слов *бото*, *музоо*, *торпок*, *торопой*. В сообщении Э. Абдулдаева (Фрунзе) «Лексикографическое наследие К. К. Юдахина» были рассмотрены вопросы, связанные с лексическим и фонетическим освоением русских заимствований в киргизском языке. Проблемы структурного оформления киргизского односложного корня и происхождение структурных типов с долгими гласными в киргизском языке были рассмотрены Ч. Дыйкановой (Фрунзе). В своем выступлении Р. Эгембердиев (Фрунзе) говорил о компонентности фразеологизмов киргизского языка, современной фразеологии, принципах составления киргизско-русского фразеологического словаря.

На второй секции о результатах статистического исследования лексико-морфологической структуры киргизского текста, частотных словарях различных видов, полученных с помощью ЭВМ «Минск-32», сообщили в своих выступлениях К. Сагынбаев и Т. Садыков (Фрунзе).

Сообщение А. Орузбаева (Фрунзе) было посвящено одному из дискуссионных вопросов фонетики киргизского языка. По его мнению, в киргизском языке функционируют две заднеязычные фонемы [к] и [г], другие являются лишь их вариантами, причем всегда позитивно обусловленными. Поэтому отражение в алфавите киргизского языка вариантов заднеязычных согласных А. Орузбаев считает научно обоснованным. Результаты исследования количест-

¹ Тезисы докладов и сообщений вторых научных чтений, посвященных памяти Б. М. Юнусалиева, вышли отдельным изданием: «II научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева», Фрунзе, 1983.

² О жизни и научной деятельности Б. М. Юнусалиева см. «Советская тюркология», 1983, № 5, стр. 99—100.

венной характеристики сонорных фонем в современном киргизском литературном языке, зависимости, существующей между длительностью сонантов и их фонетической позицией в слове, были доложены *Ш. Кадыровой* (Фрунзе). *Р. Сайдилканов* (Фрунзе) остановился на некоторых нормах литературного произношения киргизского языка. Функциональному анализу интонации вопросительных предложений, соотношению при этом интонационных, перцептивных и лексико-грамматических средств посвятил свое выступление *Ы. Чанаков* (Фрунзе). Доклад *К. Токтоналиева* (Фрунзе) содержал анализ функциональной и фонетической интонации в диалектах киргизского языка. Изучению акцентных особенностей предложения в киргизском языке было посвящено выступление *Ж. Дуйшеева* (Фрунзе). На конкретном материале киргизского языка *А. Сапарбаев* (Фрунзе) показал разнообразие развернутых членов киргизского предложения по конструкции и строению. Синтаксические особенности киргизских словосочетаний и поговорок рассматривались в сообщении *Н. Чечейбаевой* (Фрунзе). *А. Иманов* (Фрунзе) остановился на нормах согласования в современном киргизском литера-

турном языке. В сообщении *Б. Уметалиевой* (Фрунзе) анализировались сочинительные и подчинительные сложные прилагательные тюркских языков. Детально-направительному наряду в киргизском и южносибирской группе тюркских языков было посвящено выступление *Р. Кыдыковой* (Фрунзе). О важности сопоставительного исследования страдательного залога в киргизском и русском языках говорил *Б. Ниязалиев* (Фрунзе). Вопросы выражения приблизительно в киргизском и русском языках рассматривались *Р. Вафеевым* (Фрунзе).

На заключительном пленарном заседании были заслушаны сообщения руководителей секций *Б. О. Орузбаевой* и *Т. К. Ахматова*, отметивших, что конференция способствовала координированию научно-исследовательской и научно-организационной деятельности киргизоведов. Участники конференции высказали единодушное желание сделать научные чтения, посвященные памяти *И. А. Батманова*, *К. К. Юдахина* и *Б. М. Юнусалиева*, традиционными. Материалы вторых научных чтений предполагается издать отдельной книгой.

Ч. Дыйканова, Ш. Жапаров

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ КОДИКОЛОГИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

20—21 октября 1983 года в Уфе состоялось рабочее совещание по вопросам каталогизации и описания памятников восточной письменности Урало-Поволжья, организованное по плану Советского комитета тюркологов¹ Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ИИЯЛ БФ АН СССР) и Южно-Уральским отделением Археографической комиссии Академии наук СССР (ЮУОАК). В работе совещания приняли участие ученые Ленинграда, Ташкента, Душанбе, Казани и Уфы.

Заместитель председателя Президиума Башкирского филиала Академии наук СССР, председатель ЮУОАК Академии наук СССР *Р. Г. Кузеев* (Уфа) в своем вступительном слове отметил, что данное совещание преследует прежде всего цель накопления опыта работы по каталогизации и описанию восточных рукописей, с учетом результатов исследований, проводимых в научных центрах нашей страны. Итогом первого этапа деятельности башкирских археографов, особенно активной в послед-

ние десять лет, стало формирование фонда восточных рукописей в ИИЯЛ БФ АН СССР, насчитывающего сейчас более трех тысяч единиц хранения. Задача второго этапа состоит не только в продолжении полевой археографической работы на территории БАССР и соседних областей, но и в непосредственном раскрытии фонда, каталогизации и описании рукописей, с тем, чтобы сделать их доступными исследователям.

Выступивший с докладом заведующий сектором литературы ИИЯЛ БФ АН СССР *Г. Б. Хусаинов* (Уфа) подробно остановился на истории формирования рукописного фонда Института, информировал о наиболее ценных рукописях произведений дореволюционных поэтов Башкирии: *У. Имяни* (1754—1834), *Т. Ялыгулова* (1767—1838), *А. Каргалы* (1784—1824), *Х. Салихова* (1794—1867), *Ш. Заки* (1825—1865), *Г. Сокря* (1826—1889), *М. Акмуллы* (1831—1895) и др.

Заместитель председателя Восточной секции Археографической комиссии Академии наук СССР, заведующий сектором Ближнего Востока ЛО ИВ АН СССР *А. Б. Халидов* (Ленинград) посвятил свой доклад

¹ См.: «Советская тюркология», 1982, № 2, стр. 107, п. 13.

проблемам научного исследования рукописного материала. На примере арабского прототипа «Словаря» Махмуда Кангарии он показал необходимость глубокого проникновения в смысл исследуемого текста и полного учета диакритики рукописи.

Заведующий сектором описания рукописей Института востоковедения АН УзССР А. Урунбаев (Ташкент) рассказал об истории комплектования богатейшего собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Сектор, сообщил докладчик, в настоящее время уделяет много внимания улучшению условий хранения и реставрации рукописей, подготовке монографических исследований по истории, истории науки и культуры народов Средней Азии, популяризации результатов работы над рукописями.

Заведующий сектором научного описания рукописей и каталогов Института востоковедения АН ТаджССР А. Алимардонов (Душанбе) информировал об итогах многолетней работы коллектива ученых по формированию и обработке Фонда восточных рукописей им. А. М. Мирзоева Академии наук Таджикской ССР и о намечаемых на ближайшее время исследованиях.

И. А. Абдуллин (Казань) выступил с докладом, посвященным первому опыту описания нелегальных революционных брошюр, прокламаций и листовок, относящихся к 1903—1907 гг. Он подчеркнул важность выработки четких критериев установления времени, места и способа размножения нелегальных изданий, атрибуции политической ориентации ее создателей и установления источника переводных листовок.

З. Я. Шарипова (Уфа) ознакомила собравшихся со схемой описания тюркских рукописей Южного Урала, при составлении которой был учтен опыт описаний, осуществляемых другими востоковедными центрами страны. Эта схема рассчитана на описание преимущественно региональных тюркоязычных рукописей и будет использована в работе группы полевой и камеральной археографии ИИАЛ БФ АН СССР.

М. И. Ахметзянов (Казань) рассказал о многолетнем опыте сбора и изучения татарских родословных записей — *шеджере*. Особое внимание, по его мнению, должно уделяться вопросам родо-племенной принадлежности, структуры генеалогического древа, степени информативности его ранних колен и сведениям о женщинах данного рода.

И. Г. Галаятдинов и Р. М. Булгаков (Уфа) выступили с докладом, посвященным некоторым вопросам кодикологического подхода в исследованиях региональных восточных памятников письменности. В рамках такого подхода следует применять как традиционные методики палеографического, текстологического и содержательного анализа текста рукописей, так и специальные способы исследования истории создания, распространения и использования рукописи. Это позволит выделить важнейшие гуманитарные и технологические аспекты

бытования той или иной рукописной книги или кодекса в регионе. Докладчики предложили подробную схему кодикологического описания восточных рукописей.

А. Ш. Фаттахутдинова (Уфа) вынесла на обсуждение схему описания башкирских родословных записей — *шеджере*, самые ранние из которых относятся к XVIII веку. Она предложила наряду с каталогизацией родословных записей составлять и карты локализации родов и племен, а также маршруты их миграции.

С. Г. Булгакова и Р. М. Булгаков (Уфа) предложили схему описания региональных арабских и персидских рукописей с учетом их палеографических и генетических особенностей. Они выдвинули предложение, чтобы Восточная секция Археографической комиссии Академии наук СССР рассмотрела вопрос о принципах и схеме описания арабографичных рукописей религиозного содержания. Было обращено внимание на то, что в арабских рукописях Урало-Поволжского региона имеются дейктические над- и подстрочные значки — арабские цифры и некоторые стилизованные буквы, — известные ранее лишь по арабским рукописям Дагестана.

В докладе Э. Ф. Ишбердина (Уфа) говорилось о том, что в результате изучения эпиграфических памятников Башкирии, ранние из которых датируются XIII—XIV веками, были выявлены три их типа: памятники с родо-племенными тамгами (на всей территории республики); памятники Южной Башкирии с явно выраженными среднеазиатскими традициями в содержании и структуре арабографичных надписей, а также в орнаменте; неканонизированные тексты, сочающиеся с бедным орнаментом (памятники Северо-западной Башкирии, созданные под влиянием болгарской эпиграфики). Докладчик остановился и на других видах эпиграфических памятников: надписях на перстнях, керамике, стекле, металле, печатях и т. д. В докладе были кратко охарактеризованы способы снятия эстампов, фотокопирования и прорисовок эпиграфических текстов.

Р. Х. Халикова (Уфа) рассказала об археографических особенностях актов документов башкир XVIII—XIX веков.

На совещании был зачитан доклад С. Н. Муратова (Ленинград), посвященный схеме описания и типам каталогов тюркских арабографичных рукописей. Серьезное кодикологическое изучение тюркских рукописей, говорилось в докладе, может быть развернуто лишь после каталогизации всех наличных фондов этих рукописей, которую следует проводить с учетом накопленного отечественного и зарубежного опыта. Это позволит выяснить: какие области знаний охватываются тюркскими кодексами, где, кем и когда они были написаны, как оформлены, где переписывались, какое идеологическое и культурное влияние оказывали на тюркоязычные народы.

По докладам и сообщениям разгруппировались пленарные заседания.

В заключение участниками совещания были приняты рекомендации.

Совещание одобрило ориентацию группы полевой и камеральной археографии ИИЯЛ БФ АН СССР на преимущественно кодикологическое изучение рукописей Урало-Поволжского региона. Применение кодикологического подхода способствует успешному выявлению и изучению по письменным источникам очагов региональной письменно-культурной традиции и важнейших этапов истории культуры Южного Урала. При этом необходимо параллельно вести работу по первичной каталогизации рукописей с целью языковой, хронологической и тематической атрибуции фонда.

Совещание:

рекомендовало группе полевой и камеральной археографии ИИЯЛ БФ АН СССР: 1) изучать и описывать рукописи как с точки зрения языкового, хронологического и тематического раскрытия фонда и краткой его каталогизации, так и в кодикологическом аспекте; 2) разработать в 1984 году инструкцию по методике каталогизации и описания восточных рукописей Южного Урала;

одобрило в целом представленные на обсуждение схемы каталогизации и описания восточных рукописей и документальных материалов, а также схемы и текст описания нелегальных революционных листовок, брошюр и прокламаций и рекомендовало пользоваться ими с учетом высказанных пожеланий;

рекомендовало группе по унификации схемы описания тюркских рукописей Урало-Поволжья разработать на основе опыта «Описания тюркских рукописей Института востоковедения» краткую и развернутую схемы;

рекомендовало дирекции ИИЯЛ БФ АН СССР содействовать ускорению работы по фондовой обработке изучаемых материалов.

Совещание решило:

просить Президиум БФ АН СССР: 1) выделить средства для укрепления материальной базы и технического оснащения группы полевой и камеральной археографии ИИЯЛ БФ АН СССР, а также для обеспечения ее необходимой специальной литературой по различным отраслям археографических исследований, путем приобретения фото- и ксерокопий справочников, каталогов, описаний и т. п.; 2) разрешить, начиная с 1984 года, публикацию по специально разработанному ИИЯЛ и Южно-Уральским отделением Археографической комиссии АН СССР плану факсимиле текстов памятников истории и культуры на восточных языках из Рукописного фонда БФ АН СССР, в том числе путем заказных изданий;

просить Восточную секцию Археографической комиссии Академии наук СССР: 1) оказывать содействие всем заинтересованным научным центрам СССР по изучению рукописей в деле координации их деятельности, а также в обмене рабочей информацией и научными публикациями; 2) рассмотреть вопрос о разработке схемы описания арабоязычных рукописей религиозного (исламского) содержания, а также об организации и проведении в 1984—1985 годах Всесоюзного совещания по вопросам методики и принципов составления каталогов и описаний восточных рукописей;

просить дирекцию ИИЯЛ БФ АН СССР и Южно-Уральское отделение Археографической комиссии АН СССР издать сборник материалов настоящего совещания.

Р. М. Булгаков, И. Г. Галаятдинов

ТРЕТЬЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ КАВКАЗА

С 11 по 14 мая 1983 года в г. Телави проходила Третья Всесоюзная конференция по ономастике Кавказа, организованная Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Отделением языка и литературы Академии наук Грузинской ССР и Тбилисским государственным университетом.

В работе конференции приняли участие ученые Москвы и Ленинграда. Азербайджана, Армении, Узбекистана, Кабардино-Балкарии, Северной и Южной Осетии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкессии, Адыгеи.

На конференции работали секции: «Антропонимия», «Этнонимия», «Проблемы топонимии», «Этимология топонимов», «Этно-

топонимы», «Топонимические параллели», «Микротопонимия», «Региональные топонимические обзоры», «Передача топонимов на другой язык», «Теонимия», «Комплексные вопросы ономастики». С докладами и сообщениями выступили восемьдесят восемь участников конференции. На пленарном заседании были подытожены достижения в области ономастических исследований Кавказа — докладчик *Ш. В. Дзидзури* (Тбилиси). *В. А. Никонов* (Москва) осветил узловые вопросы ономастики Кавказа и дальнейшие перспективы ее развития.

Этимологии названия «Кавказ» был посвящен доклад *О. Н. Трубачева* (Москва). На основе комплексного метода топоними-

ческих исследований и сравнения способов номинации больших горных стран (Карпаты, Балканы и др.) докладчик установил типологию в номинации подобных денотатов. Название «Кавказ», по его мнению, привнесено извне и связано с индо-арийскими племенами, проходившими через Кавказ. Причем название «Кавказ» нечленимо и означает «блестящая, сверкающая, белоснежная гора».

Ниже будет говориться лишь о докладах на тюркологические темы, связанные с антропонимией, этнонимией, топонимией и микротопонимией тюркоязычных народов Кавказа, а также с проблемами двуязычной ономастики, иноязычного окружения тюркских онимов и наоборот.

Совместный доклад А. А. Ахундова и Ш. М. Саадиева (Баку) был посвящен азербайджанской топонимии, истории ее изучения, обзору существующей литературы и перспективам дальнейшего ее развития. Докладчиками были всесторонне охарактеризованы три основных направления исследований азербайджанской топонимии: монографическое изучение, топонимическая этимология и прикладная топонимика.

О роли топонимики, особенно этнонимии, в установлении этногенеза населения Азербайджана говорил в своем докладе «Об ономастике Азербайджана» К. Алиев (Баку). Азербайджанская топонимия, по мнению докладчика, возникла и формировалась на основе тюркских языков огузского типа, носители которых жили в Азербайджане в X—XI веках. Однако в системе топонимов данного ареала известны также топонимы субстратного происхождения, для которых характерны фонетические и лексические особенности гуно-хазарских и кыпчакских языков, сыгравших большую роль в развитии азербайджанского языка.

О значении древнетюркского субстрата в топонимии Азербайджана для изучения истории азербайджанского языка доложил Т. М. Ахмедов (Баку).

В докладе Ю. Б. Юсифова (Баку) рассматривались тюркские имена, сохранившиеся в армянских эпиграфических памятниках V—VII веков и в письменных источниках XIII—XVI веков, обнаруженных в Нагорном Карабахе (Азербайджанская ССР). Имена Авчи, Газан, Хонагур, Хонах, Джебухаган (у Моисея Каланкатуйского), Торг, Мамгун/Малик, Конак, Джембух, Ал-Тархан, Радж-Тархан (у Моисея Хоренского, Себеоса, Гевонда и др.) проливают свет на особенности тюркской ономастики в иноязычной среде. Как отметил докладчик, ряд имен образован от титулов и этнонимов, остальные являются либо исконно тюркскими, либо восходят к тюркской ономастике. В армянской ономастической номенклатуре имеется много фамилий тюркского происхождения.

О тюркских этнонимах азербайджанского происхождения в топонимии Армянской ССР доложила С. Н. Мирмахмудова (Баку). Исследование этнопонимов показало наличие топонимических параллелей на тер-

ритории Армянской ССР и Азербайджанской ССР, что свидетельствует о глубоких этнокультурных связях их народов (например: *Баяндур, Эймур, Иве, Афшар, Чебни, Халадж, Каркын*). Изучение этнопонимов тюркского происхождения на территории Армянской ССР способствует уточнению ареала расселения тюркоязычных племен в Закавказье, прежде всего на территории современной Армянской ССР.

О тюркских этнопонимах на территории Юго-Восточной Грузии говорил в своем выступлении М. К. Гаджихалилов (Тбилиси). Этнопонимы *Текели, Капанахчи, Такла* и т. д., выступают в качестве ойконимов (*Юхары Капанахчи, Ашагы Капанахчи, Агтакла, Гаратакла*), а соответствующие их эквиваленты встречаются не только на территории Грузии, но и в Азербайджане, а также в других тюркоязычных республиках.

О древних этнопонимах *Тюрк-кенд* и *Тюрк-оба* с компонентами *кенд* и *оба*, значение которых раскрывается на основе современного азербайджанского языка, рассказывал Г. Д. Агаев (Баку). Наличие этнонима *тюрк* в этих топонимах указывает на то, что население в тот период еще не имело «ни себя, ни свой язык тюркским». Это позволяет утверждать, что названные топонимы фиксируют раннюю стадию формирования и распространения азербайджанского языка.

Этимология названия *Баку* вновь явилась объектом дискуссии участников конференции. Ш. З. Бахтиев (Баку), вслед за покойным А. Гусейн-заде, выводит название *Баку* из древнетюркского географического апеллятива *бакку* 'холм' согласно «Дивану» Махмуда Кашгари. Однако Ш. З. Бахтиев при этом настаивает на более широком толковании этого названия как «места крепостного сооружения», с которого возможно вести наблюдение, охрану (азерб. *бак/бах* 'смотреть', 'охранять'). Такое толкование, с нашей точки зрения весьма спорное, он объясняет прибрежным расположением города, наличием монументальной Девичьей башни.

В докладе С. К. Керимова (Баку) рассматривались не зафиксированные в научной литературе древнейшие местные термины *келек, каг, кора, гярма, атыджы, деф, тапан, захман, оюг* и другие, характерные для микротопонимии юго-западных районов Азербайджанской ССР, дающие определенное представление об архаических формах быта и хозяйственной деятельности местного населения.

Анализу географических апеллятивов, входящих в названия рек южного склона Большого Кавказа, раскрытию семантики таких гидронимов, как *Ардаба* (от ар 'вода' и *даба/дабан, даван* 'гора'), *Гейбаир чайы* (от *байыр* 'холм, бугор'), *Эмберчай, Тапчайы, Илису* и т. д., посвящался доклад Э. Б. Нуриева (Баку).

Изучение оронимии Апшеронского полуострова и Кобыстана позволило М. А. Аббасовой (Баку) выявить орфографические термины тюркского (азербайджанского)

(*баг, тепе, дере, гая, боз, сору, тахта, базы, богаз*) и иранского (*дахар, ку, пуза, дол, боз* и др.) происхождения, что имеет большое значение для исторической географии Азербайджанской ССР.

К числу интересных топонимических проблем относится возникновение иноязычной топонимии в условиях сформировавшейся топонимической системы данного языка. Этому вопросу был посвящен доклад *Л. Г. Гулиевой* (Баку), отметившей, что русская топонимия Азербайджана обнаруживает тесную связь с топонимией других закавказских республик и Северного Кавказа. По ее мнению, историческая общность судеб русских переселенцев на Кавказе способствовала формированию топонимической общности, что сказалось на семантике и миграции названий, на их структуре, дублетных формах, образовании двуязычных топонимов и т. д.

В докладе *М. А. Булгаровой* (Черкесск) рассматривалась малоисследованная ногайская топонимия. Докладчик сделала первую попытку анализа семантических и структурных рядов ногайских топонимов, зафиксированных на местах расселения ногайцев в настоящее время.

Вопросам азербайджанской антропонимии посвятили свои доклады *М. М. Адилов*,

Ш. М. Саадилов, А. М. Пашаев (все Баку), *М. Н. Чобанов* (Тбилиси). Ими впервые были рассмотрены категории азербайджанской антропонимии, на основе конкретных фактов проанализированы их взаимоотношения (*А. М. Пашаев*). Азербайджанские собственные имена, основу которых составляют названия, заимствованные из флоры и фауны, образуют своеобразный класс в азербайджанском именнике (*М. Н. Чобанов*). Как отметил *М. М. Адилов*, усечение составляет основу образования дериватов азербайджанских личных имен; в сокращениях типа *Эльмира — Эма, Матанат — Мета, Гюляра — Гюля* и т. д., несомненно, проявилось влияние русской антропонимической системы.

Третья Всесоюзная конференция по ономастике Кавказа подвела определенные итоги развитию ономастических исследований в регионе и наметила основные направления дальнейшего совершенствования ономастики с целью ее практического применения.

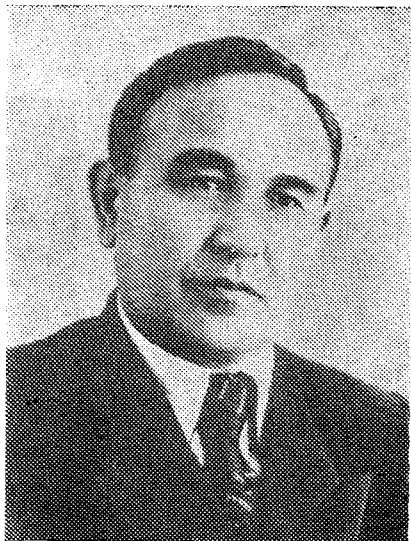
Четвертую ономастическую конференцию по Кавказу предполагается провести в г. Нальчике в 1986 году.

А. А. Ахундов, Л. Г. Гулиева

PERSONALIA

САРСЕН АМАНЖОЛОВИЧ АМАНЖОЛОВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

27 декабря 1983 года исполнилось семьдесят лет со дня рождения С. А. Аманжолова — видного советского языковеда-тюрколога, одного из основоположников казахского советского языкознания, члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора.

С. А. Аманжолов родился в селении Егину-су Уланского района Восточно-Казахстанской области в семье батрака. В 1916 году он закончил Чингистайскую русско-казахскую школу. В 1919 году, после окончания педагогических курсов в г. Семипалатинске, С. А. Аманжолов работает учителем аульной школы, народным судьей 4-го участка Бухтарминского уезда, затем ответственным секретарем исполкома Устькаменного горсовета. В 1926 году он поступает на педагогический факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. По его окончании он с 1931 года преподает в Казахском педагогическом институте им. Абая, в котором проработал почти тридцать лет. С. А. Аманжолов был одним из основателей и руководителей Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, влившего впоследствии во вновь созданный тогда Казахский филиал Академии наук СССР. С декабря 1937 года вплоть до ухода на фронт в 1942 году С. А. Аманжолов заведовал сектором языка и литерату-

ры этого филиала (он был первым языковедом-казахом, получившим ученую степень), а с 1946 года — отделом Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

С февраля 1942 года по июнь 1946 года С. А. Аманжолов находился на действительной военной службе в рядах Советской Армии. Он вел политико-воспитательную работу среди бойцов нерусских национальностей, выпускал на казахском языке «Блокнот агитатора Красной Армии» и листовки о героях Советского Союза. После демобилизации в феврале 1948 года он защитил в Москве докторскую диссертацию «Основные проблемы казахской диалектологии». В ноябре 1954 года он был избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР.

До последних дней жизни С. А. Аманжолов вел большую общественно-политическую работу, был одним из активных организаторов республиканского общества «Знание», членом его президиума и руководителем секции литературы.

В научных трудах С. А. Аманжолова получили освещение все кардинальные вопросы казахского языкознания (алфавит, орфография, терминология, лексикология и лексикография, грамматический строй, история языка и диалектология, казахский литературный язык).

Современный казахский алфавит и основные принципы казахской орфографии, принятые на V сессии Верховного Совета Казахской ССР в ноябре 1940 года, были разработаны С. А. Аманжоловым в его работе «Новый алфавит и орфография казахского литературного языка (на базе русского алфавита)».

С. А. Аманжолов уделял большое внимание вопросам лексикологии и лексикографии. В 1941 году вышел в свет «Орфографический словарь казахского языка» под его редакцией. Он руководил созданием академического словаря казахского языка, был одним из основных составителей двухтомного «Русско-казахского словаря» (1946). Под редакцией С. А. Аманжолова вышли «Русско-казахский военный словарь» (1942), «Русско-казахский сельскохозяйственный словарь» (1952), «Русско-казахский терминологический словарь», I—II (1959).

С. А. Аманжолов внес большой вклад в изучение грамматического строя казахского языка, в создание вузовских курсов и программ, а также первых нормативных учебников казахского языка для средних школ.

Перу С. А. Аманжолова принадлежат первый вузовский учебник казахского языка — «Краткий курс синтаксиса казахского языка в научном освещении» (1940) и «Краткий курс синтаксиса казахского литературного языка», часть 1, (1950). Глубокий интерес ученого к теоретическим вопросам грамматики проявился уже в ранних его работах — «Элементы флективности в казахском языке» (1935) и «Функции падежных окончаний» (1936), и многих других. С. А. Аманжолов — автор первого учебника казахского языка для начальной школы (1932), нормативных учебников казахского языка для средней школы — «Грамматика казахского языка, часть 1. Фонетика и морфология» (1938, 1939), «Грамматика казахского языка, часть 2. Синтаксис», неоднократно переиздававшихся с 1932 г.

Значительную часть своей жизни С. А. Аманжолов посвятил изучению диалектологии и истории казахского языка. Результатом многолетних исследований явилась его докторская диссертация «Основные проблемы казахской диалектологии», получившая высокую оценку у крупнейших советских тюркологов и востоковедов. Капитальное исследование С. А. Аманжолова «Вопросы диалектологии и истории казахского

языка» (1959), изданное посмертно, получило широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

С. А. Аманжолов оставил также ряд значительных работ в области казахской фольклористики: записал и опубликовал героический эпос «Богембай-батыр» (1934), опубликовал сборник «Казахский советский фольклор» (1935), много статей по казахскому фольклору, в том числе сборник казахских загадок (1940) и др.

Оставаясь на протяжении более чем двадцати лет бессменным руководителем кафедры казахского языка Казахского пединститута им. Абая и одновременно работая заведующим сектором языка и литературы, а затем заведующим отделом академического словаря и терминологии Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, С. А. Аманжолов подготовил многочисленные кадры специалистов-филологов. Ныне десятки его учеников занимаются исследованиями в области казахского языкознания. Научное наследие С. А. Аманжолова — замечательного человека, принципиального ученого и патриота — сохраняет свое значение и в наши дни.

*А. К. Калыбаева, Н. О. Оралбаева,
А. Нурмагамбетов*

ТИМОФЕЙ МАТВЕЕВИЧ МАТВЕЕВ

(К столетию со дня рождения)

Тимофей Матвеевич Матвеев вошел в историю чувашского языкознания как историк языка и видный диалектолог.

Он родился 25 (12) января 1884 года в крестьянской семье, в с. Трех-Балтаево Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Шемуршинский район Чувашской АССР). В 1903 году окончил чувашскую учительскую школу и до 1911 года работал учителем. Сдав в 1911 году экстерном экзамены за курс гимназии, он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Казанского университета и там факультативно полтора года работал в кабинете экспериментальной фонетики под руководством профессора В. А. Богородицкого. Там же он прослушал курс лекций по татарскому языку у профессора Н. Ф. Катанова.

В 1915 году по окончании университета Т. М. Матвеев был назначен преподавателем русского языка и словесности в учительской семинарии г. Глазова Вятской губернии, где проработал три года.

С 1918 по 1925 год Т. М. Матвеев работал в Шихранах (теперь г. Канаш) в учительской семинарии, на педагогических курсах, а также в педагогическом техникуме в качестве преподавателя русского языка и педагогических дисциплин.

В 1925 году Т. М. Матвеев был командирован в аспирантуру Яфетического института Академии наук СССР, где работал под руководством академика Н. Я. Марра, спе-

диализируясь по тюркскому сравнительному языкознанию. С 1926 по 1928 год он участвовал в диалектологической экспедиции Академии наук СССР в Чувашской АССР.

С 1928 года Т. М. Матвеев преподает чувашский язык на рабфаке в г. Чебоксары и одновременно работает научным сотрудником Чувашского совета науки и культуры Чувашской АССР, является членом академического центра Наркомпроса, активно участвует в организации работы научных и культурно-просветительных учреждений¹.

Т. М. Матвееву принадлежит ряд научных трудов, сыгравших большую роль в развитии науки и просвещения в Чувашии, в том числе: «Грамматика чувашского языка» (Симбирск, 1919) и «Краткий обзор чувашских диалектов» («Яфетический сборник», VI, 1930). Эта работа по сей день сохраняет свое научное значение. В 1960 году она была перепечатана в сборнике «Материалы по чувашской диалектологии» (вып. 1, Чебоксары).

Т. М. Матвеевым совместно с Ф. Т. Тимофеевым созданы стабильные учебники по грамматике чувашского языка (на чувашском языке) для V—VII классов средней школы.

Под редакцией Т. М. Матвеева был издан «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина (вып. VI, VII, VIII и IX)², «Русско-чувашский словарь» (Чебоксары, 1931) и «Сборник чувашских пословиц» Н. И. Ашмарина (Чебоксары, 1925).

В 1960 году была опубликована написанная Т. М. Матвеевым еще в 1930 году статья «Некоторые особенности чувашских числительных» («Вопросы чувашского языка, литературы и искусства», Чебоксары, 1966). В этой статье, написанной на основе сравнительно-исторического метода, были использованы данные языка орхонских надписей, дунайских и волжских булгар, а также современных тюркских языков.

К сожалению, жизнь Т. М. Матвеева оборвалась в 1939 году и многие его начинания, связанные с организацией науки и просвещения в Чувашии, остались незавершенными.

Имя Т. М. Матвеева, так много сделавшего для развития и изучения родного чувашского языка, навсегда вписано в историю культуры чувашского народа.

М. Р. Ф.

¹ Приведенные сведения о жизни и деятельности Т. М. Матвеева взяты из его автобиографии, хранящейся в научном архиве Чувашского научно-исследовательского института (отд. IV, ед. хр. 132, инв. № 217—220).

² См.: указанный архив (отд. IV, ед. хр. 132, инв. № 216).

НЕКРОЛОГИ

ГАМИД МАМЕДТАГИ ОГЛЫ АРАСЛЫ

20 ноября 1983 года на семьдесят пятом году жизни скончался видный ученый-востоковед, академик Академии наук Азербайджанской ССР, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР и Узбекской ССР, заведующий отделом Республиканского рукописного фонда Академии наук Азербайджанской ССР Гамид Мамедтаги оглы Араслы.

Г. М. Араслы был глубоким знатоком истории и истории духовной культуры азербайджанского народа и народов Ближнего Востока. Его поистине энциклопедические знания в области азербайджанской средневековой литературы и фольклора, необычайное трудолюбие, снискали ему славу одного из ведущих филологов республики — историков литературы.

Г. М. Араслы было сделано очень много для организации Рукописного фонда Академии наук Азербайджанской ССР. Он создатель первого вузовского курса «История древней и средневековой азербайджанской литературы». Его капитальные монографии «История азербайджанской литературы XIII—XVI вв.» и «История азербайджанской литературы XVII—XVIII вв.» — явились ценным вкладом в азербайджанское литературоведение. Многочисленные труды ученого, посвященные жизни и творчеству классиков азербайджанской литературы: Низами, Хагани, Физули, Вагифа, Видади и других, сыграли большую роль в изучении истории литературы азербайджанского народа.

Исключительны заслуги Г. М. Араслы в выявлении и публикации наследия азербайджанских классиков. Им впервые был составлен научно-критический текст произведений Физули. Г. Араслы также составитель, комментатор и редактор изданий сочинений Хатаи, Саиба Тебризи, Вагифа, М. Ф. Ахундова, ашуга Алескера. Многие сделано ученых и в области изучения и издания древних памятников азербайджанского фольклора, в том числе эпосов «Китаби Деде Коркуд» и «Короглы».

Научные интересы Г. М. Араслы прости-

рались далеко за рамки родной литературы. Его перу принадлежат работы о Фирдоуси, Джами, Навои, Шота Руставели, Саят-Нова, Тофике Фикрете, о взаимосвязях азербайджанской литературы с узбекской и другими национальными литературами нашей страны, о культурных связях Азербайджана с Индией, Китаем, Турцией.

Успешно совмещая научную и педагогическую деятельность, заведая в разные годы кафедрой литературы народов Ближнего Востока в Азгосуниверситете им. С. М. Кирова, отделами академических институтов, будучи директором Института народов Ближнего и Среднего Востока и Музея азербайджанской литературы им. Низами, Г. М. Араслы уделял большое внимание подготовке высококвалифицированных научных кадров не только для Азербайджана, но и братских союзных республик — Узбекистана и Туркмении. Под его руководством защитили диссертации шестьдесят кандидатов и докторов наук. Многие профессора и доценты, преподающие в настоя-

шее время историю средневековой азербайджанской литературы в вузах республики, являются его учениками.

Г. М. Араслы принимал также активное участие в общественно-политической и культурной жизни республики.

Заслуги Г. М. Араслы получили высокую оценку партии и правительства: он был награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями СССР. Участник многих международных научных фо-

румов, Г. М. Араслы избирался почетным членом Иракской Академии наук, Иорданского королевского научного общества, Турецкого лингвистического общества.

Светлая память о видном ученом-коммунисте, замечательном педагоге, чутком и отзывчивом человеке Гамиде Мамедтаги оглы Араслы навсегда сохранится в сердцах его друзей и коллег, в сердцах его многочисленных благодарных учеников.

А. М. Мирахмедов

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ АРАКИН

1 ноября 1983 года скоропостижно скончался известный лингвист, востоковед-тюрколог и германист Владимир Дмитриевич Аракин, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лексикологии и фонетики английского языка Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

В. Д. Аракин родился 19 июля 1904 года в Москве, в семье военнослужащего. Высшее востоковедное тюркологическое образование получил в Центральном институте живых восточных языков (Москва) и Ленинградском институте живых восточных языков по отделению Ближнего Востока (1926). Его ближайшими учителями были В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, В. Д. Смирнов, С. Г. Церуниан, К. Г. Вамбаки. В 1930 году он окончил педагогический факультет 2-го Московского государственного университе-

та по отделению западных языков и литератур.

С 1931 по 1941 год В. Д. Аракин преподавал английский язык на восточном факультете Военной Академии им. М. В. Фрунзе, а с 1942 года работал на факультете иностранных языков в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина, слившемся впоследствии с Московским государственным педагогическим институтом им. В. И. Ленина, где с 1944 года и по день кончины он возглавлял кафедру лексики и фонетики английского языка.

В своей деятельности в качестве профессора и заведующего кафедрой В. Д. Аракин делал особый упор на подготовку кадров для тюркоязычных республик и областей как по методике преподавания английского языка в тюркоязычной школе, так и по сопоставительному изучению английского и тюркских языков. Весьма значительны заслуги В. Д. Аракина в области подготовки научных кадров высшей квалификации: под его руководством защищено ровно сто кандидатских и докторских диссертаций, из них едва ли не половина — представителями коренных тюркских национальностей, работающими в тюркоязычных республиках и областях.

Начиная с 1946 года, В. Д. Аракин вел специальные востоковедческие курсы «Введение в тюркологию», «Основы тюркологии» и «Турецкая лексикология», которые периодически им читались студентам и аспирантам-тюркологам в Московском институте востоковедения, на восточном отделении филологического факультета Московского государственного университета, в Институте стран Азии и Африки при МГУ. С течением времени материалы по спецкурсу «Введение в тюркологию» выросли в огромную рукопись объемом чуть ли не в 900 страниц. Курс «Турецкая лексикология» оформился в монографию, написанную совместно с профессором С. А. Соколовым, под названием «Лексикология современного турецкого языка» (находится в производстве).

Среди трех десятков опубликованных или

находящихся в печати статей по тюркологии лишь две или три относятся непосредственно к методике преподавания иностранного языка в национальной школе. Основные тюркологические работы В. Д. Аракина посвящены лингвистическим вопросам: в области лексикологии — проблеме тюркизмов в славянских языках («Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода», «Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII и XV вв.», «О некоторых тюркизмах в русских былинах киевского цикла» и др.); в области фонетики — адаптации иноязычных заимствований, ударению как средству организации слова и др.; в области грамматики — развитию падежной системы, категории принадлежности, истории изафетных конструкций, подражательным словам в тюркских языках, типологии атрибутивных сочетаний в английском, русском и узбекском языках; исторической топонимике Стамбула.

Отдельный цикл составляют статьи, посвященные научно-педагогической деятельности В. А. Гордлевского, А. Н. Самойловича, Н. К. Дмитриева, С. Г. Церуниана, Ш. С. Айлярова и дешифровке орхоно-енисейских надписей В. Томсеном, печатавшиеся преимущественно на страницах «Советской тюркологии» или в «Тюркологических сборниках». Заслуживает быть особо отмеченной работа В. Д. Аракина по изданию четвертого тома избранных сочинений В. А. Гордлевского (М., 1968), посвященного вопросам этнографии и истории востоковедения.

Побочной областью научных интересов В. Д. Аракина являлось малайско-полинезийское языкознание, которому посвящены монографии «Индонезийские языки» (М., 1965), «Мальгашский язык» (М., 1963), «Очерки грамматики мальгашского языка» (М., 1966), «Самоанский язык» (М., 1973), «Таитянский язык» (М., 1981), а также статья «Некоторые проблемы изучения океанийских языков» («Вопросы языкознания», 1975, № 2) и др. Этот перечень свидетельствует о необыкновенно разносторонней эрудиции и широких возможностях В. Д. Аракина — ученого-полиглота.

Основная творческая деятельность В. Д. Аракина связана с работами в области англистики и скандинавистики, а также лингвистической типологии. Специалистам хорошо известны «Учебник английского всенного перевода» (М., 1946), «Англо-русский словарь для педвузов» (изд. 1—11-е; М., 1952—1980), «Словарь-минимум по английскому, французскому и немецкому языкам для средней школы» (изд. 1—4-е;

М., 1947—1951), «Норвежско-русский словарь» (М., 1963; 140 печатных листов), исследование «Об атрибутивных словосочетаниях в шведских памятниках IX—XII вв.» (10 п. л. в «Скандинавском сборнике», Таллин, 1973), «Шведско-русский фразеологический словарь» (60 авторских листов; принят к изданию), а также принята к изданию последняя весьма важная в теоретическом отношении работа покойного «Структурная типология русского и некоторых германских языков» (6 а. л.), в которую, кстати, включен «типологический паспорт» турецкого языка.

Как ученый-педагог В. Д. Аракин достойно представлял нашу страну за рубежом. Командированный Министерством просвещения РСФСР и Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, он читал лекции по методике преподавания русского языка учителям средней школы или студентам-русистам университетов в Риме, Венеции, Стокгольме, Упсале, Лунде, Гётеборге, Ноттингэме, Софии, причем на языке страны, в которой находился.

Родина высоко оценила многостороннюю и плодотворную научно-педагогическую деятельность В. Д. Аракина: он был награжден орденом «Знак Почета» (1961), орденом Дружбы народов (1981), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», медалью К. Д. Ушинского и др.

Пламенный патриот, человек высоких нравственных идеалов, безграничной доброты и глубокой порядочности, прекрасный лектор и увлекательный собеседник, эрудит и полиглот, В. Д. Аракин являл собой образец ученого, ответственно относящегося к порученному ему делу, обладал большой притягательной силой для окружающих, был одним из самых любимых студентами профессоров на факультете.

Светлая память о Владимире Дмитриевиче Аракине, щедро отдававшем свой незаурядный талант ученого людям, навсегда сохранится в сердцах благодарных учеников, сотрудников, друзей, и всех, кто его знал.

*Советский комитет тюркологов при
Отделении литературы и языка АН
СССР*

*Сектор тюркских и монгольских языков
Института языкознания АН СССР*

*Кафедра тюркской филологии Инсти-
тута стран Азии и Африки при МГУ*

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. А. Баскаков (Москва). Об интонации и фразовом ударении в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- В. Д. Аракин (Москва). О некоторых тюркизмах в русских былинах киевского цикла 15

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- М. А. Унгвицкая (Абакан). Проблема фольклоризма в хакаской литературе на современном этапе 29

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. З. Закиев (Казань). О тюркской морфологии 35

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Р. Данияров, Л. В. Данилова (Ташкент). Узбекская научно-техническая терминология и перспективы ее развития 14
- А. Мамажанов (с. Ушангузар, УзССР). Сверхфразовое единство как синтаксико-стилистическая категория 52
- Д. С. Кулмаматов (Москва). К лингвистическому изучению среднеазиатских тюркоязычных деловых документов XVII века и их старых русских переводов 56
- М. Р. Федотов (Чебоксары). Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке 65
- А. Дж. Шукюров (Баку). К вопросу об этимологии послелогов *birlä* и *ilä* в тюркских языках 72
- М. Н. Джавадова (Баку). Об истории изучения и языке произведений Хатаи 77

РЕЦЕНЗИИ

- И. Г. Добродомов (Москва). «Тюркско-дагестанские языковые контакты» 86
- М. И. Исламов, Э. А. Касумлы (Баку). «Дилчилик чографијасы, тарихи диалектологија ва түрк диллеринин тарихи проблемлери» 87
- Г. Ф. Благова (Москва). Ш. Жанәбілев. Қазақша мал атаулары 89
- А. М. Щербак (Ленинград). «Studies in Chuvash Etymology I» 90

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ф. С. Сафиуллина (Казань). «Актуальные проблемы лексической и грамматической семантики» 95
- Ч. Дыйканова, Ш. Жапаров (Фрунзе). Научные чтения 98
- Г. М. Булгаков, И. Г. Галяутдинов (Уфа). Проблемы восточной кодикологии Урало-Поволжья 99
- А. А. Ахундов, Л. Г. Гулиева (Баку). Третья всесоюзная конференция по ономастике Кавказа 101

PERSONALIA

- А. К. Калыбаева, Н. О. Оралбаева, А. Нурмагамбетов (Алма-Ата). Сарсен Аманжолорич Аманжолов 104
- М. Р. Ф. (Чебоксары). Тимофей Матвеевич Матвеев 105

НЕКРОЛОГИ

- Гамид Мамедтаги оглы Араслы 107
- Владимир Дмитриевич Аракин 108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- N. A. Baskakov (Moscow). On intonation and phrase stress in the Turkic languages 3

LANGUAGES IN CONTACT

- V. D. Arakin (Moscow). Some turkisms in the Russian bylinas of Kiev cycle . . . 15

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- M. A. Ungvitskaya (Abakan). Problem of folk-lorisms in the Khakassian literary at the present stage . . . 29

DISCUSSIONS

- M. Z. Zakiyev (Kazan). On Turkic morphonology . . . 35

REPORTS, SURVEYS

- R. Daniyarov, L. V. Danilova (Tashkent). Uzbek scientific and technical terminology and perspectives of its development 44
 A. Mamadjanov (v. Ushanguzar, UzbSSR). Superphrase unity as syntactic and stylistic category 52
 D. S. Kulmamatov (Moscow). To linguistic study of Central Asiatic Turkic official documents of XVII century and its old translations 56
 M. R. Fedotov (Cheboksari). Chuvash-Mongolian lambdaizm and rotacizm in the light of two Tokhar loan-words in Praturkic 65
 A. J. Shukurov (Baku). On the etymology of postpositions birlä and ilä in the Turkic languages 72
 M. N. Djavadova (Baku). On the history of studying and the language of works of Khatai . . . 77

REVIEWS

- I. G. Dobrodomov (Moscow). «Тюркско-дагестанские языковые контакты» . . . 86
 M. I. Islamov, E. A. Kasumly (Baku). «Дилчилик чоғрафијасы, тарихи диалекто-локија вә түрк дилләринин тарихи проблемләри» . . . 87
 G. F. Blagova (Moscow). III. Жанәбілев. Қазақша мал атаулары . . . 89
 A. M. Sherbak (Leningrad). «Studies in Chuvash Etymology I» . . . 90

SCIENTIFIC LIFE

- F. S. Sajiullina (Kazan). «Actual problems of vocabulary and grammar semantics» 95
 Ch. Dyikanova, Sh. Japarov (Frunze). Scientific readings 98
 R. M. Bulgakov, I. G. Galiaudinov (Ufa). Problems of Oriental codicology of the Ural-Volga region 99
 A. A. Akhundov, L. G. Guliyeva (Baku). The Third All-Union conference on onomastics of Caucasus . . . 101

PERSONALIA

- A. K. Kalybayeva, N. O. Oralbayeva, A. Nurmagambetov (Alma-Ata). Sarsen Amandjolovich Amandjolov 104
 M. R. F. (Cheboksari). Timofei Matveyevich Matveyev . . . 105

OBITUARIES

- Gamid Mamedtagi oğly Arasly . . . 107
 Vladimir Dmitriyevich Arakin . . . 108

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
U u — у
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
V v — в
G g — г
G' g' — к (گ)
Y y — ғ (غ)
D d — д
Ž ž — ж
Ž ž — ч, дж (ج)
Z z — з
Δ δ — 3 (ذ)
J j — j
Q q — ка (ق)
K k — ке (ك)
L l — л
M m — м

N n — н
ŋ — н
ng — н (نج)
P p — п
R r — р
S s — с
T t — т
F f — ф
X x — х (خ)
H h — h, x (ح, ه)
C c — ц
Č č — ч (چ)
θ θ — ʧ (ث)
Š š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
˘ краткость
~ носовой
' мягкость